

НЕ ЗНАКО МЕЦ

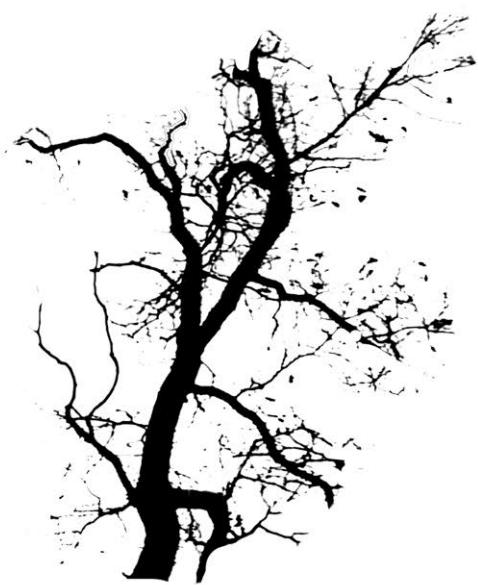

перевод ЕКАТЕРИНЫ РЯБОВОЙ

КЭЙИТИРО
ХИРАНО

роман

МИФ

Романы МИФ. Книга-явление

КЭЙТИРО
НЕХИРАНО
ЗНАКО
МЕЦ

Перевод с японского Екатерины Рябовой

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.4(520)
ББК 84(5Япо)6-445.7
Х49

Original title:
ある男 (A Man)

На русском языке публикуется впервые

Хирано, Кэйитиро
Х49 Незнакомец / Кэйитиро Хирано ; пер. с яп. Е. Рябовой. —
Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 320 с. — (Романы
МИФ. Книга-явление).

ISBN 978-5-00195-752-2

Жизнь адвоката по разводам Акиры Кидо перевернулась с ног на голову после того, как он взялся расследовать дело своей бывшей клиентки Риэ Такэмото. Оказывается, ее муж Дайскэ, погибший год назад, жил под чужим именем: его личность принадлежала совершенно другому человеку. Так кем же был этот незнакомец и зачем он решил стереть свое истинное прошлое?

УДК 82-312.4(520)
ББК 84(5Япо)6-445.7

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-752-2

© Keiichiro Hirano/Cork
Russian translation rights is granted
by Keiichiro Hirano licensed through
Cork, Inc.
All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022

Пролог

Того, кто стал прообразом героя этой истории, я всегда с теплом называл Кидо-сан. Суффикс *-сан* добавляют всегда после фамилии, и неважно, относитесь вы с теплом к человеку или нет, но я думаю, вы скоро поймете, что я имею в виду.

Впервые я увидел Кидо-сан в баре, куда заглянул после одного книжного мероприятия, в котором участвовал.

Мне хотелось как-то прийти в себя после непрерывной беседы в два с половиной часа и только потом идти домой, поэтому я зашел бар, который случайно попался мне по пути. Кидо-сан пил в одиночестве за барной стойкой.

Я невольно подслушал его беседу с барменом. В какой-то момент рассмеялся одной из реплик и присоединился к разговору.

Он представился, но, как оказалось впоследствии, все, что он тогда рассказал о себе, включая имя, было ложью. Хотя в тот момент у меня, разумеется, не было причин сомневаться, поэтому я ему поверил.

Он носил очки в прямоугольной черной оправе, его внешность вряд ли можно было назвать очень красивой, но черты лица были выразительными и подходили к атмосфере полу-темного бара. Я еще тогда подумал про себя, что с такой внешностью даже в летах, с проседью и морщинами, можно пользоваться успехом у женщин. Когда я сказал ему об этом, он лишь покачал недоверчиво головой и произнес: «Ну что вы, вовсе нет...»

Когда я рассказал, что пишу книги, он со смущением ответил, что никогда обо мне не слышал, что, в свою очередь, заставило смутиться и меня. Хотя в такие ситуации я попадаю нередко.

Но он проявил нескрываемый интерес к моей профессии, задал несколько вопросов, а в конце вдруг с большим чувством произнес: «Прошу меня простить». Не понимая, к чему эти извинения, я нахмурился. И тогда он признался, что представился вымышленным именем, а на самом деле его зовут Акира Кидо. Он попросил сохранить это в секрете от бармена и добавил, что родился в том же 1975 году, что и я, и работает юристом.

Когда-то я тоже учился на юридическом факультете, но был не слишком старательным студентом. А теперь передо мной сидел человек, который сделал юридическое право своей профессией, что заставило меня немного растеряться. Но благодаря его признанию растерянность не переросла в нечто большее. Ведь вымышленная история, которую он рассказал прежде, была довольно грустной — из тех, что вызывают у окружающих чувство жалости.

Я прямо спросил, к чему был этот обман. Ведь это дурно по отношению к окружающим. Он нахмурился и какое-то время, казалось, пытался подобрать слова.

— То, что я живу чужой болью, помогает мне сохранить себя, — сказал он грустно, а затем слегка улыбнулся. — Знаете, есть же такая поговорка: «Отправился на поиски другого и сам потерялся». Вам известно такое чувство, когда благодаря лжи можешь стать честным? Хотя, разумеется, это лишь на краткое мгновение. Это возможно разве что вот в таких местах. Почему-то я все еще привязан к тому человеку, каким являюсь сам. На самом деле мне бы хотелось размышлять только о себе. Но когда я так поступаю, мне становится только хуже. Однако с этим я не могу справиться. Все остальное

в моих силах. Думаю, мне нужно еще немного времени, и тогда необходимость в этом отпадет. Кто бы мог представить, что все так обернется...

Его манера говорить не слишком понятные вещи немногого раздражала, но при этом было интересно, что он всем этим решил поделиться именно со мной. К тому же я не мог отбросить нарождающееся чувство симпатии к нему.

— Но вам я расскажу всю правду.

Если исключить начало нашего знакомства и его ложь, Кидо-сан был внимательным, спокойным и приятным человеком. Было видно, что он чувствительный и восприимчивый, а в его высказываниях проглядывал характер большой глубины и сложности.

Я чувствовал себя комфортно в разговоре с ним. Мне было несложно донести до него свои мысли, ведь он хорошо понимал, что я говорю. С таким человеком не каждый день удается встретиться. Тем более мы сошлись и на общей теме — любви к музыке. Поэтому я решил, что необходимость использовать вымышленное имя наверняка была вызвана какими-то серьезными обстоятельствами в его жизни.

В следующий раз, когда я через неделю посетил тот же бар, Кидо-сан, как я и предполагал, вновь оказался там и, как и прежде, пил в одиночестве. Он пригласил меня сесть рядом. В тот раз мы сидели за столиком далеко от бармена. И все следующие наши встречи мы сидели там же, беседуя до поздней ночи.

Он всегда пил водку. Несмотря на худощавое телосложение, он умел пить, и, хотя и говорил, что чувствует приятное опьянение, его интонация оставалась спокойной и, сколько бы часов ни проходило, совсем не менялась.

Мы стали довольно близки. У людей средних лет, как ни странно, редко появляется новый приятель, с которым можно душевно выпить за беседой. Однако наши отношения ограничивались этим баром, ни я, ни он никогда не спрашивали друг у друга телефонных номеров. Думаю, он просто стеснялся. А я, честно признаться, относился к нему все еще настороженно.

Мы уже давно с ним не виделись, и вряд ли я когда-нибудь увижу его вновь. То, что он больше не посещает тот бар, иными словами, необходимость для него в этом пропала, я трактую как положительный знак.

Писатели, сознательно они это делают или нет, всегда ищут вокруг себя людей, которые могут послужить прототипами героев их произведений. Мы ждем, что однажды перед нами неожиданно появится кто-то вроде Мерсо из «Постороннего» Камю или Холли Голайтли из «Завтрака у Тиффани».

Подходящая модель, он или она, должна быть необычным человеком и в то же время обладать чем-то таким, что можно назвать типичным для человеческой природы или определенной эпохи; после с помощью художественного вымысла лишнее будет отсечено, останется лишь символ.

Когда я слышу истории людей, проживших драматическую и полную событий жизнь, я думаю, что из этого могла бы выйти книга. Порой рассказчики вскользь намекают на то, что я могу использовать их жизненный опыт как материал для своих трудов.

Но когда я начинаю серьезно думать о произведении с закрученным сюжетом, что-то останавливает меня. Хотя, если бы я мог это написать, мои книги бы наверняка лучше продавались.

Обычно я нахожу героев своих книг среди тех людей, которых давно знаю.

Поскольку я стараюсь как можно меньше общаться с теми, кто меня не интересует, каждый, с кем я поддерживаю длительные отношения, обладает чем-то особенным. Порой я вдруг неожиданно понимаю, что именно этот человек может стать героем моего следующего романа, являясь тем самым прототипом, которого я так искал.

Возможно, именно люди, на понимание которых я трачу много времени, лучше всего подходят на роль моделей больших романов, ведь их персонажи надолго остаются с читателями.

С нашей второй встречи Кидо-сан постепенно начал рассказывать, почему он использовал вымышленное имя. Это оказалась очень запутанная история. Она затянула меня. Я не понимал, почему он решил рассказать об этом мне, и, в задумчивости скрещивая руки на груди, много размышлял над этим. Конечно же, он не говорил мне, что я могу использовать его историю для сюжета книги, но, возможно, держал это в уме.

Тем не менее решение сделать его моделью пришло ко мне при других обстоятельствах, когда я совершенно случайно встретился с одним адвокатом, который, как оказалось, хорошо знал его.

Когда я стал расспрашивать его о том, какой человек Кидо-сан, тот мне сразу же ответил:

— Просто замечательный. Он очень внимателен ко всем окружающим, ко всем без исключения, даже к таксистам. Если таксист не знает маршрута, он на удивление вежливо и обходительно разъяснит, как нужно ехать.

Я рассмеялся тогда этому замечанию, но согласился, ведь в наше время у человека с достатком подобное качество не часто встретишь.

Другие истории, рассказанные моим знакомым о Кидо-сан, тоже показались мне неожиданными, включая несколько впечатляющих эпизодов, о которых сам Кидо-сан никогда не упоминал. И наконец я увидел перед собой его объемную фигуру — человека средних лет, моего ровесника, грустного и одинокого. Я использую здесь несколько банальное выражение, но я увидел в нем настоящего героя романа.

Когда я писал этот роман, я беседовал со своим приятелем-адвокатом и другими людьми, собирая материал, который Кидо-сан из соображений конфиденциальности держал в секрете, развел сюжетную линию и превратил историю в художественное произведение. Думаю, из чувства профессионального долга Кидо-сан никогда и никому не раскрывал полученную информацию, но я следовал замыслу романа.

На страницах книги появляется много персонажей, довольно причудливых. Может, кого-то из читателей удивит, почему на роль главного героя я не выбрал одного из них.

Кидо-сан действительно станет одержимым жизнью одного неизвестного мужчины. И мне показалось, что внимание стоит сосредоточить именно на Кидо, который преследовал того человека.

У Рене Магритта есть картина «Запрещенная репродукция» с изображением человека, стоящего перед зеркалом, в котором его отражение также показано со спины. История в моей книге чем-то похожа на эту картину. Кто-то из читателей, возможно, посчитает главным героем самого автора, который преследует Кидо-сан.

Кто-то, прочитав «Пролог», также может усомниться, что человек, с которым я встречался в баре, и правда Кидо-сан. Это вполне понятно, но лично я верю, что он тот, за кого себя выдает.

Казалось бы, естественно начать рассказ с него, но прежде я хотел бы написать о женщине по имени Риэ, потому что именно в тех очень странных и трагических испытаниях, которые ей пришлось пережить, кроется исходная точка этой истории.

Глава 1

Где-то в середине сентября 2011 года среди местных жителей разнеслась весть о том, что муж той самой Риэ из магазина канцелярских товаров скончался.

Год запомнился всем Великим восточно-японским землетрясением, но в городке S, расположенному в центре префектуры Миядзаки, именно смерть этого человека отложилась у всех в памяти. В маленьком провинциальном городке с населением тридцать тысяч человек было немало тех, кто в жизни не встречал никого из региона Тохоку, теперь разрушенного землетрясением. Среди них была и мать Риэ.

Судя по карте, через центр города проходит старинный тракт Мэра, который тянется через горы Кюсю и заканчивается в Кумамото. На месте выясняется, что у города простая планировка. От города Миядзаки на юго-востоке Японии на машине сюда можно добраться примерно за сорок минут.

Те, кто увлекаются древней историей, при упоминании города S, как выяснилось, сразу же вспоминают огромный курган с большим количеством некрополей на территории вокруг него. Любители профессионального бейсбола знают город как место весеннего тренировочного лагеря одной из команд, а любители дамб — как место с самой большой дамбой на острове Кюсю. Все это придает особый характер городу, однако Риэ, как это и свойственно местным жителям, не проявляла особого интереса ни к чему из перечисленного.

Разве что особую привязанность она испытывала к деревьям сакуры в парке, расположенному вокруг древнего кургана.

Люди постепенно уезжали из провинции в города: в восьмидесятых все жители одной небольшой деревни в горах массово ее покинули, об этих событиях в 2007 году даже вышел документальный фильм. После этого и в городке S стали появляться невиданные прежде туристы, которые, снисходительно поглядывая на местных, бродили здесь, машинально охваченные идеей увидеть умирающий на глазах «город-призрак».

На волне экономики «мыльного пузыря» в 1980-е центр города S оживился, но в последние годы из-за низкой рождаемости и старения населения многие магазины на главной торговой улице закрылись, а местные с печалью стали называть ее «курган эпохи Сёва»*.

Одним из немногих оставшихся магазинов в торговом квартале вдоль шоссе Мэра был магазинчик канцелярских принадлежностей «Сэйбундо», принадлежавший родителям Риэ.

Покойный муж Риэ, Дайскэ Танигути, переехал в город как раз перед тем, как тема «городов-призраков», поднятая в документальном фильме, начала набирать популярность.

У него не было опыта, но он решил работать на лесозаготовках. В тридцать пять лет устроился на работу в компанию «Лесоводство Ито». За четыре года он проявил себя как старательный работник, чьи заслуги оценил даже директор компании, но, к несчастью, Дайскэ погиб, когда на него упала

* Традиционно в Японии используется система летоисчисления по девизам правивших императоров. Сёва — девиз правления императора Хирохито; период в истории Японии с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года. *Здесь и далее примечания редактора.*

криптомерия*, которую он сам и срубил. К тому времени ему было тридцать девять лет.

Дайскэ был замкнутым, круг его общения ограничивался коллегами на работе, поэтому о его прошлом знала разве что Риэ. Можно, вероятно, назвать его человеком-загадкой, но среди тех, кто переезжают в провинцию, нередко можно встретить людей, которым есть, что скрывать о своем прошлом.

Хотя, в отличие от остальных переселенцев, не прошло и года после его переезда, как Дайскэ женился. Его избранницей стала дочка владельцев канцелярского магазина — Риэ.

Риэ была единственной дочерью в семье, а магазин родителей, открытый еще ее дедом, знали все в городе. Несмотря на чудаковатость, мыслила она исключительно здраво, за что окружающие прониклись к ней уважением. И хотя выбор партнера для брака и был удивительным, но все пришли к выводу, что Риэ приняла такое решение, как следует узнав его и выяснив, что у этого человека нет никаких темных историй. Это положило конец домыслам местных о прошлом Дайскэ Танигути.

Директор компании «Лесоводство Ито» тоже был рад этому союзу, ведь его лесоруб, несмотря на тихий характер, оказался решительным в сердечных делах, да и наличие семьи повышало шансы на то, что он останется здесь работать постоянно. Даже чиновники в городском управлении, занимающиеся вопросами миграции между городом и деревней, приводили этот брак как идеальный пример.

Отчасти благодаря тому, что Дайскэ Танигути был мужем Риэ, никто никогда не мог сказать о нем плохого слова. Даже

* Японский кедр.

если кому-то и приходило в голову бросить за его спиной какое-то нелицеприятное замечание, это вызывало протест, и большинство вставали на его защиту. Иными словами, им дорожили.

Про таких, как он, можно скорее сказать «спокойный», нежели «мрачный» человек; он не был склонен первым заводить разговор, но если кто-то обращался к нему, то он, как ни странно, отвечал очень открыто и дружелюбно. Вокруг него витала особая аура спокойствия, и директор Ито, скрестив руки на груди, частенько поговаривал: «Стоящий это парень». Дайскэ никогда не сердился и не хмурился, однако, если что-то в работе ему казалось опасным или неэффективным, он мягко, но настойчиво высказывал свое мнение. Беседы на лесозаготовках, где несчастные случаи бывают часто, как правило, ведутся грубо и на высоких тонах, но благодаря одному этому новичку количество несчастных случаев уменьшилось.

Говорят, чтобы научиться валить лес с определенным мастерством, начиная с работы бензопилой и постепенно переходя к операциям с более сложными процессорами и грейферами, необходимо три года. Дайскэ стал уверенно работать лесорубом уже через полтора года. Он хорошо анализировал ситуацию, действовал уверенно, был крепок физически и эмоционально стабилен.

И под палящим летним солнцем, и когда шел мокрый снег зимой, он был сосредоточен и никогда не жаловался, что даже опытные бригадиры на лесоповале советовали ему, чтобы он не стеснялся говорить, если что не так. Новый сотрудник — это кот в мешке, но директор Ито всегда хватался коллегам из других компаний, что в лице Танигути нашел настоящий клад, предполагая, что все это благодаря тому, что его новый лесоруб был выпускником университета.

Компанией «Лесоводство Ито» управляло уже третье поколение семейства Ито, но такой лесоруб у них был впервые.

После смерти Дайскэ соседи, знавшие Риэ много лет, с горечью говорили, что «с ней недоля стала». Этим устаревшим выражением, которое означает несчастливую судьбу, по-прежнему пользуются в диалектах Кюсю в повседневной речи. Особенно часто так говорят старики, произнося эти слова с глубоким сочувствием, основанным на своем много-летнем жизненном опыте. Хотя, разумеется, это не значит, что только жителей Кюсю преследует злая судьба или что они склонны к фатализму.

Несчастье может настигнуть каждого. Но когда происходит что-то по-настоящему плохое, люди склонны верить, что такое бывает лишь раз в жизни. Счастливые люди верят в это просто потому, что плохо знают жизнь. Те, на чью долю уже выпадало несчастье, молятся о том, чтобы больше такого не случилось. Но большие несчастья, и одного из которых было бы достаточно, к сожалению, похожи на бродячих собак, которые приходят и второй, и третий раз. Когда несчастья преследуют человека, кто-то совершает очищающие церемонии в святилищах, а кто-то даже меняет имя.

Риэ кроме Дайскэ потеряла еще двоих близких людей.

До окончания старших классов Риэ жила в доме своих родителей в городе S, затем она поступила в университет префектуры Канагава, после чего устроилась на работу, а вдвадцать пять лет вышла за своего первого мужа, работавшего в архитектурном бюро.

У них родились два ребенка: старший сын Юто и младший Рё.

В два года у Рё обнаружили неизлечимую опухоль мозга, а через шесть месяцев ребенок умер. Для Риэ, которая прожила счастливую юность и молодые годы, это было первое жизненное потрясение.

Вместе с мужем Риэ боролась за жизнь сына. Но даже после того, как его не стало, она никогда больше не могла избавиться от этой раны. Муж говорил о том, что нужно продолжать жить дальше одной семьей, поддерживая друг друга, но она только качала головой. Бракоразводное дело затянулось, и понадобилось одиннадцать месяцев, чтобы достичь соглашения. Риэ повезло с адвокатом, право родительской опеки над сыном, на которое претендовал муж Риэ, осталось у нее. От родителей мужа, с которыми она поддерживала теплые отношения со свадьбы, пришла открытка, где было написано: «Ты настоящая дрянь!»

А вскоре умер и отец Риэ. Вместе с Юто Риэ решила вернуться в дом родителей в городе S.

История Риэ вызывала у местных особую жалость, ведь ее знали и любили с детства как «хорошую девочку».

Она была невысокого роста, миниатюрная, с миловидной внешностью, взгляд всегда устремлен куда-то вдаль, словно она размышляла о чем-то таком, что известно только ей. Она была спокойной и немногословной, друзья часто подтрунивали над ней, говоря: «Знаменитый взгляд Риэ в никуда!»

Риэ не хватала звезд с неба, но училась хорошо, и даже когда она перешла в подготовительную школу при университете в Миядзаки, куда нужно было целый час ехать на автобусе, а не в местную школу, ее друзья восприняли это как нечто само собой разумеющееся. Несмотря на тихий нрав, и в средних, и в старших классах всегда находилось два-три мальчика, которые в классе или в школьной рекреации тайно бросали на нее влюбленные взгляды.

Ее родители безмерно гордились своей единственной дочерью, ведь она окончила университет в большом городе Йокогаме, вышла замуж за начинающего архитектора, да еще и родила детей. Никому из окружающих не приходило в голову завидовать счастью Риэ.

Иными словами, все представляли, что жизнь Риэ должна была сложиться совсем иначе. Ни знакомые, ни бывшие одноклассники не сомневались, что она счастлива, поэтому, когда окружающие узнали, что у нее умер маленький ребенок и она развелась и вернулась в родительский дом, ей не просто сочувствовали, все потеряли дар речи от несправедливости жизни. Мысль о том, что мир, в котором они жили, был таким жестоким местом, вызывала чувство тревоги. Когда Риэ потеряла своего второго мужа после трех лет и девяти месяцев брака, разумеется, никому и в голову не пришло сказать что-то плохое о Дайскэ еще и потому, что он был мужем «той самой» Риэ.

Риэ познакомилась с Дайскэ в то время, когда стала управлять канцелярским магазином вместо своей матери. Она стояла за кассой, развозила на машине канцелярские товары в местные компании, мэрию, свою бывшую среднюю школу – дни мелькали как в тумане. Когда она встречала знакомых, они старались утешить ее, но было и много новых клиентов, ведь от отца ей перешли и дела по дистрибуции товаров крупной компании, занимающейся почтовыми заказами. И с этими людьми ей было легче работать.

Когда Риэ оставалась одна, она думала об умершем сыне и часто плакала. До сих пор у нее перед глазами было лицо Рё, который смирно лежал и смотрел в потолок. Она вышла из палаты, чтобы переговорить с врачом, а когда вернулась, увидела его таким. О чем он тогда думал? Что он чувствовал? Мышлительные способности, которые должны были

прослужить ему еще многие и многие десятилетия, понадобились, лишь чтобы осознавать приближающуюся смерть. Хотя он, должно быть, до самого конца не понимал, что за страшная беда происходит с ним... Стоило Риэ вспомнить этот момент, как она сползала на пол, не в силах стоять. Она закрывала ладонями лицо.

Когда она думала о воспитании своего старшего сына Юто, то говорила себе, что нужно держаться ради него. В силу возраста он не мог понять, что такое смерть, поэтому после переезда к бабушке вел себя бодро и весело, став единственным спасением Риэ.

Она вспоминала отца. Ни разу в жизни он не повысил на нее голос и всегда обращался с дочерью с любовью. Риэ не была религиозным человеком, ее семья придерживалась традиций школы Дзёдо^{*} только в похоронных обрядах. Но она часто представляла, как отец, *дедушка Рё*, присматривает там на небесах за ее мальчиком. От этой мысли ей становилось чуть легче.

— Отец отправился на небеса немного раньше, чтобы Рё не было там одиноко. Наверняка он просто переживал, поэтому и поспешил за ним. Для тебя, Риэ, уходить еще слишком рано, вот он и ушел, чтобы ты не переживала, — говорила ее мать, которая и правда в это верила.

Четырнадцать лет назад, после окончания школы, Риэ уехала из родных мест, но теперь здешняя жизнь была для нее своего рода утешением. Порой, когда она сидела за рабочим столом в магазине, ее охватывало такое чувство пустоты, что она с беспокойством думала, справится ли с ним. Будто бы застежка, прикреплявшая ее к этому миру, расстегнулась, ей было больше не за что зацепиться, а время просто проходило

* Школа Дзёдо (школа «Чистой земли») — направление японского буддизма, получившее распространение в XII веке. Особенности школы заключаются в вере в силу Будды Амida и возглашении его имени.

мимо. Словно бы ил, лежавший на дне старого пруда, по какой-то причине поднялся на поверхность, у нее вдруг всплыла мысль: а может быть, умирать вовсе не так и страшно. Ведь через это уже прошел даже маленький Рё и ждет ее там, по ту сторону, вместе с ее отцом. В такие моменты, когда эта мысль незаметно появлялась, она чувствовала, как что-то леденеет внутри от страха.

Первое время после возвращения домой Риэ с завистью смотрела на страницы своих друзей из Йокогамы в социальных сетях. Но потом неделю она не открывала интернет и обнаружила, что интерес к фотографиям и комментариям вдруг пропал, чему она и сама удивилась.

В магазине было малолюдно, но благодаря интернет-заказам ей хватало денег, чтобы прожить с матерью и сыном. Однако будущее представлялось ей вовсе не радужным.

Ежегодно она приезжала в гости на Новый год и праздник Обон* к родителям и видела, что магазинчики в торговом квартале закрыты, но когда она стала здесь жить постоянно, то с тоской почувствовала, будто ее бросили одну в доме — большом, пустом, приходящем в негодность.

На втором этаже здания через дорогу от магазина раньше находилась музыкальная студия, где она обучалась игре на фортепиано восемь лет. Теперь студия закрылась, а здание совершенно заброшено. Не заглядывала даже молодежь с баллончиками краски, чтобы нарисовать граффити.

В детстве раз в неделю Риэ переходила через улицу на занятия, а затем возвращалась в магазин, где делала домашнее задание, ожидая, пока папа закончит работу. От магазина до дома было рукой подать, но те поездки на машине вдвоем,

* Японский праздник поминовения усопших, традиционно проходящий летом. В это время в Японии принято посещать семейные могилы, отдавая дань уважения предкам.

когда она сидела на пассажирском кресле, теперь вызывали невероятно теплые чувства.

Стоит ли ей переехать поближе к столице? Или, может, податься в Хакату*? Найти там новую работу? Такие мысли время от времени приходили ей в голову, но протягивать к ним руку и претворять их в жизнь ей не хотелось, поэтому она просто ждала, пока они не исчезнут сами.

Дайскэ Танигути впервые пришел в магазин «Сэйбундо» в феврале следующего года после возвращения Риэ домой.

Хотя в городе S погода обычно была намного теплее, чем в Йокогаме, Риэ уже привыкла жить в современном доме со всеми удобствами, поэтому холодный дом родителей зимой оказался для нее испытанием. Особенно холодно было в ванной, из-за этого той зимой Риэ и Юто дважды болели простудой, а бабушка ухаживала за ними.

Это случилось как раз после ее выздоровления.

Ближе к вечеру, когда в магазин обычно заглядывали школьники, чтобы купить тетрадки и ручки, вошел Дайскэ. На улице уже было темно, Риэ собиралась поменяться с мамой и отправиться домой, чтобы приготовить ужин.

В магазин редко кто заходил, поэтому Риэ обратила внимание на незнакомого ей мужчину примерно ее возраста. На кассу он принес не только записную книжку, но и альбом для скетчей и набор акварели. Он был худой, чуть выше миниатюрной Риэ, поэтому она смотрела на него снизу вверх. Одет просто, синяя ветровка и джинсы, но почему-то было сразу понятно, что он не местный.

Отклеивая ценник с записной книжки, Риэ представляла себе, как и почему этот человек начинает новую жизнь в ее городе. Об этом думала не только она, но и любой житель

* Хаката — центральный торговый и деловой район Фукуоки, города на юго-западе Японии.

города, который его встречал. Когда он выходил из магазина, она еще раз крикнула ему вслед: «Спасибо за покупку!» — и почему-то почувствовала, провожая его взглядом, что в жизни этого человека было много историй.

Не прошло и месяца, как Дайскэ снова появился в магазине и купил альбом для сketчей и краски.

С утра был проливной дождь, старинная приятельница матери Риэ, Окумуря, чтобы скоротать время, стояла в магазине, держа в руках побеги бамбука.

Дайскэ как раз направлялся к кассе, но притормозил, заметив ее.

— Проходите, пожалуйста, — сказала Риэ.

— Ой, молодой человек, я вам путь преградила, — произнесла Окумуря, сделав шаг в сторону. Дайскэ слегка поклонился и положил товары на прилавок.

— Ну и дождь, — продолжила Окумуря.

— Да уж, — ответил Дайскэ с улыбкой.

Возле магазина стояла его белая малолитражка.

— Вам нужен чек? — спросила Риэ.

— Нет... спасибо, — сказал он и опустил голову.

А затем он, видимо, почувствовал, что на него смотрят, резко поднял голову и заглянул прямо в глаза Риэ. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, будто он спросил о чем-то. Однако Дайскэ так ничего и не сказал, отвел взгляд, поклонился и вышел из магазина. Он сел в машину, которую поливал дождь, и уехал.

С тех пор этот неизвестный покупатель приходил примерно раз в месяц и покупал альбомы для скетчей и художественные принадлежности.

Обычно он появлялся вечером. Сначала он покупал альбомы формата А3, а потом стал приобретать еще и формата А5.

Эти товары обычно покупают старшеклассники из школьной изостудии, поэтому, оформляя заказы на склад, Риэ каждый раз вспоминала и о нем.

Прошло еще полгода, у Юто тогда как раз заканчивались летние каникулы.

В тот день тоже шел сильный дождь, в районе трех часов в магазин вошел Дайскэ.

Густые грозовые облака накрыли город, Риэ каждый раз вздрогивала, когда после вспышки молнии разносились грохочущие раскаты.

Когда он открыл дверь, внутрь ворвался стрекот цикад, поющих среди зелени деревьев вдоль улицы, вместе с тяжелым жарким воздухом, но дверь сразу же закрылась.

В этот раз Окумурा опять пряталась в магазине от дождя, коротая время за болтовней с матерью Риэ. Она сидела на стуле и ела паровую булочку — мандзю.

— А вы, молодой человек, смотрю, рисованием увлекаетесь? — спросила она.

Казалось, что он удивился вопросу, но через мгновение с улыбкой ответил:

— Да.

— Мой покупатель рассказывал, что видел, как вы рисовали пейзажи. На лужайке у реки Хитоцусэ. Это ведь вы были? Наверное, у вас уже много зарисовок скопилось?

Дайскэ лишь слегка кивнул, улыбаясь ей в ответ.

— Покажите нам в следующий раз, когда здесь будете. Риэ-тян, ты ведь тоже хочешь посмотреть, правда?

Риэ поняла, что Окумурा просит его об этом не просто из любопытства, а чтобы что-то выведать об этом неизвестном посетителе. И сразу же явственно вспомнила, как в подростковом возрасте ей хотелось сбежать из этого тихого провинциального городка, который она должна была любить.

Она почувствовала себя виноватой перед этим молчаливым человеком, их постоянным покупателем, который специально переехал в тихий городок.

— Тетя Окумura, вы ставите нашего покупателя в неловкое положение. Простите, не обращайте внимания. Ждем вас вновь за покупками.

— Ничего страшного. Мои работы вряд ли достаточно хороши, чтобы кому-то показывать...

С этими словами он, как и в прошлые разы, быстро вышел из магазина.

Окумura с улыбкой посмотрела на Риэ и ее мать.

Глава 2

Риэ подумала: «А вдруг этот человек больше не придет?» И от этой мысли ей стало как-то тоскливо.

И причина была не в том, что она больше не сможет его встретить. По крайней мере, в тот момент. Ей стало просто жаль, что из-за неосторожных слов соседки этот одинокий с виду человек, может быть, уедет из их города. Такое же грустное чувство испытываешь, когда кто-то случайнороняет очень ценный и хрупкий предмет, которым ты всегда дорожил, боясь сломать.

Но вопреки ее опасениям, он пришел и на следующей неделе, как всегда один, вечером буднего дня. Наверное, он тоже догадывался о тех разговорах, которые за его спиной вели местные.

— Вот здесь... — С этими словами Дайскэ протянул Риэ два альбома с рисунками. Видимо, он повсюду носил их с собой, потому что края зеленых обложек совсем затерлись.

Мать Риэ ушла, в магазине покупателей больше не было, они остались вдвоем.

— Вы принесли их мне? — с улыбкой спросила Риэ.

Она открыла альбом, на первой странице был пейзаж острова Аосима в префектуре Миядзаки. Каменистый пляж, напоминающий подернутое рябью море, как называют его местные — «Чертовкина доска для стирки»*, врата-тории

* Природный феномен острова Аосима. Ряды скал получили такое название из-за сходства со старинными деревянными досками для стирки белья.

святыни Аосима и морская гладь, в которой отражалось высокое голубое небо с линией морского горизонта вдали.

Риэ подняла голову и посмотрела на постоянного покупателя, чьего имени пока не знала. Он стоял все с тем же строгим выражением на лице. Кажется, он попытался улыбнуться, дрогнул мускул на лице, но улыбки не вышло.

Риэ перелистывала страницу за страницей: та самая река Хитоцусэ и парк, дамба на окраине города, древний курган с вишнями в полном цвету... Каких только зарисовок здесь не было — от туристических достопримечательностей, где было не удивительно встретить приезжих из других краев, до самых обычных видов, которые вряд ли привлекли бы внимание местных, хотя для гостей, вероятно, выглядели необычно. В альбоме были и черно-белые скетчи, и акварельные цветные наброски.

Особенного мастерства в его работах не было, но и плохим рисование было не назвать. Риэ вспомнила рисунки одноклассника, который лучше всех рисовал в их классе.

Большинство людей рисуют на уроках труда или рисования в начальной школе, а потом бросают это занятие. Возможно, любой взрослый, получивший вдруг кисть и бумагу в руки, нарисовал бы примерно так, как и этот человек, словно его мастерство совсем не развивалось со школьных времен.

Однако он продолжал рисовать, в то время как остальные нет. Возможно, его мастерство не совершенствовалось, но он все равно с упорством продолжал рисовать. Назовите это хоть взрослением, хоть старением, но разве у большинства людей возраст позволяет и дальше заниматься такими детскими забавами?

Ведь он был взрослым человеком лет тридцати пяти — наверное, одного возраста с Риэ — и продолжал рисовать беззаботные картинки, и не просто одну ради забавы, он

молча изрисовывал один блокнот за другим. Риэ это глубоко тронуло.

Неужели, когда он смотрел на мир, тот казался ему таким незамутненным? Интересно, какова была жизнь у этого человека, раз он может спокойно принять такую реальность?

Риэ минут пятнадцать неторопливо перелистывала страницы. Она надеялась, что никто из покупателей больше не придет.

В итоге ее взгляд упал на рисунок в конце второго блокнота. На нем было здание автобусной станции, откуда она каждый день в школьные годы добиралась до Миядзаки.

Теперь она частенько проходила мимо станции, но почему-то, именно взглянув на рисунок, на глаза вдруг навернулись слезы. Она даже удивилась своей реакции.

Потом она еще несколько раз задавалась вопросом, почему заплакала в тот момент.

Риэ пришла к выводу, что причина — в ее тяжелом эмоциональном состоянии. Словно бы не только боль после смерти Рё и отца, но и все проблемы, которые незаметно накапливались после возвращения в родной город, из-за нескольких последних капель вдруг вырвались наружу, разорвав внешнюю оболочку.

Когда она, еще школьница, сидела в зале на станции и ждала автобуса в Миядзаки, она и представить себе не могла, что когда-то в будущем уедет в Йокогаму, найдет там работу, выйдет замуж, родит двоих детей, одного из которых потеряет в младенчестве, а затем разведется и вернется в родной город.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, но этот рисунок прозрачной акварелью изображал здание станции именно таким, каким оно сохранилось в ее памяти. Единственное отличие заключалось в том, что там больше не было девочки-подростка в школьной форме.

Возможно, эта мысль промелькнула в мозгу и позже, когда она перебирала в памяти тот момент. А тогда в мгновение эмоции выплеснулись наружу, подавив все остальное.

— Вы хорошо рисуете. Простите, что я так расчувствовалась, просто очень хорошо знаю это место, вспомнила прошлое, — сказала она с улыбкой и вытерла пальцами щеку.

Она аккуратно закрыла альбом, чтобы не намочить его, а затем прикрыла рот рукой, чтобы успокоиться, и вновь улыбнулась.

Но, к ее удивлению, постоянный клиент, который все это время просто стоял молча, теперь смотрел прямо ей в лицо, а его глаза были красными и, как и у нее, полными слез.

Он поспешил опустил взгляд, как ей подумалось, не из-за стеснения, а словно бы только что выдал свой секрет, а затем сделал шаг к ближайшему стеллажу с товарами. Через некоторое время он вернулся с красной ручкой, которую, казалось, выбрал наугад. Слез уже не было.

Пока Дайскэ ждал, когда она его рассчитает, его губы были плотно сжаты, он так ничего и не сказал.

Риэ тоже молчала. Она не могла понять, что происходит, но ощущение спокойствия, которое рождалось в преддверии ночи от света уличных фонарей, вызывало в ней нежность, и ей не хотелось разрушать эту атмосферу.

Следующий раз Дайскэ пришел в магазин через неделю. Вместо дежурного приветствия «Добро пожаловать!» она сказала просто «Здравствуйте». Дайскэ ответил ей: «Добрый день», а когда заплатил за бумагу для принтера и канцелярские принадлежности, поднял голову.

— Извините...

— Что?

Риэ смотрела на него с ожиданием широко распахнутыми глазами.

— Если для вас это не будет помехой, не могли бы мы стать друзьями?

— Что? Ну да, конечно...

С недоумением она кивнула. Она раз волновалась, сама не понимая, удивление или радость вызвали его слова.

Когда же последний раз она слышала слово «друг»? Казалось, прошла уже целая вечность, но разве так могло быть? Ведь и в Йокогаме, и после возвращения домой она должна была и видеть, и слышать это слово множество раз. Даже в социальной сети, куда она теперь больше не заходила, у нее было не меньше «друзей», чем у остальных, да и в ее родном городе было достаточно друзей детства.

Однако, когда слово «друг» прозвучало из уст этого человека, оно, казалось, стало означать что-то новое. А может, даже в детстве никто не предлагал ей своей дружбы так открыто? Если трезво подумать, то подобный вопрос от взрослого человека мог даже напугать, но Риэ не насторожилась, ведь она видела его альбом с набросками.

Но что же он имел в виду, когда просил стать *его другом*?

Она толком не поняла, на что дала свое согласие.

— А как вас зовут?

— Дайскэ Танигуди.

Дайскэ достал из кармана визитную карточку; видимо, заранее подготовил ее. Руки слегка дрожали, но он пытался это скрыть. На карточке были указаны название компании — «Лесоводство Ито», номер мобильного телефона и адрес электронной почты.

— Простите, у меня нет при себе визитки... Меня зовут Риэ Такэмото. Давайте запишу вот здесь.

Риэ протянула руку к желтому листку для записей, лежавшему рядом с кассой.

— Может быть, мы могли бы поужинать в ближайшее воскресенье?

— В воскресенье мне нужно будет посидеть с сыном, — сказала Риэ так, чтобы не вызвать недопонимания.

— Вы замужем?

— Была. Мы развелись, и я с ребенком вернулась в дом родителей.

— Понятно. Извините, я не знал.

— Я бы напугалась, если бы вы предложили мне это, зная о моей истории. Так что и наша дружба может заключаться разве в том, чтобы поболтать в этом магазине. Вас это устроит?

— Да. Конечно. Мне этого будет достаточно.

— Иногда по работе мне приходится уезжать. Но обычно я почти весь день в магазине. Как вы видите, я не очень загружена работой, так что приходите в любое время, покажите мне свои эскизы. Можете даже ничего не покупать.

С тех пор Дайскэ стал заглядывать в магазин примерно раз в десять дней, и беседы становились все длиннее. Риэ теперь иногда оставляла магазин на попечение матери и выходила с ним попить чай или прогуляться. Дайскэ работал на лесозаготовках, его рабочий день заканчивался около четырех. Последнее время он работал на горе неподалеку, поэтому после работы сразу же приходил к ней.

Некоторое время Риэ избегала темы его прошлого, но все же решила задать вопрос.

Из-за сильного дождя, который зарядил с ночи, Дайскэ не пошел на работу и пришел в магазин в обеденное время. Они решили вместе пообедать в ресторанчике по соседству, который специализировался на блюдах из угря.

Она думала, что он не очень хочет говорить о своем прошлом, поэтому сдерживалась от расспросов, но в последнее

время почувствовала, что ему все же хочется, чтобы она что-нибудь спросила.

После обеда они пили горячий чай, и Дайскэ после некоторого колебания начал свою историю.

Он был младшим сыном владельца гостиницы на горячих источниках Икахо в префектуре Гумма. У него был брат на год старше.

Старший брат был неплохим парнем, но, как это нередко случается со старшими детьми, осознание того, что именно он рано или поздно унаследует семейный бизнес, отвратило его от учебы. Со средних классов он начал прогуливать занятия, создавая немало проблем родителям. Тем не менее ему удалось поступить в частный университет в Токио, после чего он два года учился в Америке, а по возвращении в Японию вместе с друзьями открыл ресторан в Токио.

Мать и отец Дайскэ очень любили брата, настойчиво уговаривали его вернуться домой, однако в конце концов сдались и от безвыходности решили передать семейные дела младшему сыну. К счастью или нет, Дайскэ был более скромный, чем его брат, и окончил экономический факультет местного государственного университета.

Поступив на работу в компанию отца, Дайскэ усердно взялся за дело, чтобы хоть как-то успокоить разочаровавшихся родителей. Со временем родители постепенно смирились с мыслью, что оставляют семейное дело младшему сыну. Однако через некоторое время старший брат обанкротился и вернулся с огромными долгами в отчий дом. Отец согласился выплатить долги при условии, что старший сын возьмет на себя управление гостиницей. Мать полностью поддержала это решение. Старший брат стал директором, а младшему пообещали должность заместителя директора.

Дайскэ понимал, что, независимо от названия должности, именно ему придется вести бизнес. Но он опасался, что это может испортить его отношения с братом. Ему и раньше было непонятно, почему родители сильнее любят старшего ребенка только потому, что он родился первым, и до сих пор он этого не понимал. Он и сам любил своего брата. Но это чувство было не совсем взаимным.

Через несколько лет у отца обнаружили рак печени. Ему тогда исполнился семьдесят один год. Болезнь находилась на поздней стадии. Единственное, что можно было сделать, — это пересадить печень донора, но даже при этом шансы были невысокими. Времени ждать подходящего донора с диагностированной смертью мозга уже не было, единственным вариантом оказалась пересадка печени от родственника. По результатам тестов выяснилось, что у старшего брата здоровой гепатоз, — пересадка была невозможна. Но печень Дайскэ подходила, потому что была здоровой. Грустная ирония заключалась в том, что Дайскэ должен быть донором благодаря правильному образу жизни, который он вел, в отличие от брата.

Пересадка печени сопряжена с риском затяжных осложнений и для донора. Нельзя было исключать и летального исхода. Впервые в жизни отец поклонился Дайскэ, схватил его за руки и заплакал, умоляя исполнить «сыновний долг». Брат и мать говорили, что желают отцу долгой жизни, но никогда не утверждали, что Дайскэ обязан выполнить просьбу отца. Хотя и того, что он не обязан этого делать, они тоже не говорили. Они не предпринимали никаких попыток убедить отца передумать и всегда вели беседы, когда Дайскэ не было рядом. Когда Дайскэ приезжал навестить отца в больнице и видел, что они беседуют без него, он чувствовал себя неловко. Но он понимал, что времени уже не было, понимал, почему так торопился отец.

В результате Дайскэ согласился на то, чтобы стать доно-ром. Ему, как и остальным, хотелось, чтобы отец прожил дольше, он хорошо понимал чувства матери и брата, поэтому сам сделал шаг вперед и принял такое решение.

Отец был по-настоящему рад. Это был единственный раз, когда он поблагодарил Дайскэ. Старший брат сказал, что когда-нибудь отдаст младшему все наследство отца. Мать тоже была рада.

Но, к сожалению, рак отца прогрессировал быстрее, чем прогнозировалось. И пока Дайскэ колебался согласиться ли на пересадку, оказалось уже слишком поздно.

Отец умер, а на его лице осталось выражение злобы и с трудом сдерживаемой ненависти.

Мать и сыновья скорбели, но в результате ни мать, ни брат так и не сказали ничего доброго о том решении, которое Дайскэ принял с таким трудом.

— Я тогда вздохнул с облегчением. Я хотел спасти отца, но чем больше я читал о последствиях для себя, тем страшнее мне становилось... А после его смерти я понял: что-то внутри меня сломалось и больше не станет таким, как прежде. Поэтому... я оборвал все контакты с семьей и уехал из города. Мне так хотелось уехать подальше... Больше я не собираюсь с ними встречаться никогда. И больше не буду рассказывать о своей семье.

Риэ выслушала признание Дайскэ до конца, ни разу не прервав. Она все пыталась представить, что творится в его душе: он приехал в этот провинциальный город, занялся тяжелыми и опасными лесозаготовками, рисовал картины на выходных и через шесть месяцев после их первой встречи, наконец, попросил Риэ стать его другом.

Она сочувствовала тому, что он пережил, и поняла, что как друг должна раскрыть какой-то свой секрет, который будет сопоставим по серьезности. Она рассказала о болезни

и смерти сына, о разводе, причиной которого стали разногласия с мужем, о лечении ребенка, о смерти отца, после которой она решила вернуться домой.

Дайскэ неподвижно смотрел на Риэ, затем слегка опустил голову и кивнул головой два раза. Посетителей в ресторане становилось все меньше, со стола уже забрали поднос с посудой. Они оба молчали. Наконец Дайскэ, словно для этого ему нужна была смелость, потянулся и сжал руку Риэ, лежавшую на столе. Хотя, вероятно, будет правильнее сказать, что он осторожно накрыл ее руку своей рукой. Это оказалось неожиданным для Риэ, но тепло его рук, в мозолях от работы бензопилой, успокаивало и дарило чувство счастья. Не сделай он этого первым, возможно, это бы сделала она сама.

Несколько минут она не шевелилась. Рассматривая прозрачную пластмассовую кружку, помутневшую от времени, она размышляла, стоит ли ей принять эту перемену в своей жизни.

После свадьбы Дайскэ переехал жить в дом Риэ, у них родилась девочка, которую назвали Ханой. С Дайскэ случилась беда в горах, когда Юто было двенадцать лет, а Хане — три.

Когда Риэ примчалась в больницу, Дайскэ уже умер. Учитывая рискованный характер работы, он много раз говорил ей, что, если что-то случится, даже если он погибнет, ни в коем случае не связываться с его семьей в Гумме.

Риэ выполняла завещание Дайскэ до первой годовщины после его смерти, но затем, посоветовавшись с матерью, решила все же написать письмо его семье. Урна с прахом так и не была захоронена, и она хотела узнать их мнение по поводу могилы.

Риэ сожалела, что не настояла на том, чтобы муж помирисился с семьей, пока был жив. Это была такая неожиданная смерть, столько осталось незавершенного.

Старший брат Дайскэ, Кёити Танигути, примчался в Миядзаки сразу после получения письма.

Риэ вышла на порог дома, чтобы встретить его. Глядя, как Кёити выходит перед их домом из арендованной машины, она подумала, что ее впечатление от фотографии и то, что она видит перед собой, не совпадает.

На нем были белые брюки, темно-синий пиджак, на пояске большой логотип какого-то бренда. Она знала, что внешне братья не похожи, но Дайскэ всегда рассказывал о брате как о хорошем, но непутевом человеке, а теперь перед ней был самоуверенный и высокомерный тип.

— Спасибо, что проделали такой путь, — сказала Риэ доброжелательно, словно обращалась к родственнику, но у Кёити было такое выражение на лице, будто он прикоснулся к чему-то страшному.

— У вас здесь тепло, — ответил он, пристально смотря на женщину, которая теперь носила его фамилию. Риэ заметила, что в очках от солнца, которые были зацеплены за воротник рубашки, отражаются ее мама с неловкой улыбкой и она сама.

Когда мать провела Кёити в гостиную, по коридору поплыл аромат его духов, слишком тяжелый для этого времени суток, забивая все остальные домашние запахи. Кёити сидел на диване, но, видимо, чувствовал себя неуютно, то и дело крутил головой, посматривая на низкий потолок, сервант с посудой, на котором стояли фотографии. Казалось, он вот-вот невзначай обронит: «Вот, значит, где он умер».

В своем письме Риэ уже написала о том, когда Дайскэ приехал в город и как жил с тех пор. Когда Риэ подала кофе,

Кёити даже не шевельнулся, чтобы притронуться к нему, а сказал:

— Простите, вам пришлось все это пережить в одиночку.

Риэ показались неожиданными его слова.

— Что вы... Это вы меня простите, что не связалась сразу же после его смерти.

— Давайте я оплачу расходы на церемонию, могилу и все остальное.

— Спасибо, не надо.

— Наверняка он плохо отзывался обо мне.

Кёити начал доставать из кармана пачку сигарет, но потом остановился. Риэ несколько секунд изучала его лицо.

— Он почти ничего не говорил о своем прошлом. Только то, что...

— Что он больше не хочет с нами встречаться? Понятно, я знаю об этом. Он всегда был сгустком комплексов, чувство собственной ущербности испортило его характер. Мне тяжело было находить с ним общий язык. Да мы с самого начала разные по характеру. Такое ведь бывает в семье, верно? Почему он не мог прожить достойную жизнь? Погибнуть на лесоповале под упавшим деревом... До самого конца остался хорошим сыном, скрывая все от нас. Да и я пока матери не говорил.

Риэ старалась не показывать этого, но ей не понравилось то, что он говорил, и то, с какой интонацией он это делал. Было не похоже, что этой грубыстью он пытается прикрыть собственную печаль. Она любила мягкий характер Дайскэ, поэтому то, что Кёити видел младшего брата таким, было лишь его проблемой. Наконец она поняла, почему ее муж так не желал встречаться со старшим братом, даже хотелось извиниться за то, что она несколько раз уговаривала его связаться с семьей.

— У вас ведь есть ребенок? Общий с Дайскэ?

— Да, сейчас в детском саду.

— Наверное, тяжело воспитывать в одиночку. У меня три ребенка. У вас, кажется, девочка?

— Да.

— Значит, племянница. Я хотел посмотреть на нее, но долго задерживаться не смогу. Разрешите мне хотя бы возжечь благовония на семейном алтаре.

— Да, пожалуйста, это здесь.

— Кстати, вот здесь традиционные сладости, которые мы готовим в нашей гостинице. Очень вкусные, угощайтесь. Хотя это японские сладости, они хорошо подходят и к зеленому чаю, и к кофе.

С этими словами Кёити протянул бумажный пакет.

Риэ привела Кёити в комнату, где размещался алтарь. Мать стояла немного поодаль и смотрела на них. Кёити сел на колени перед алтарем, затем посмотрел на фотографию покойного и, обернувшись, спросил:

— А это?

— Это фотография сделана за год до смерти.

— Кто это?

— Про какую фотографию вы спрашиваете? Это мой отец и сын.

— Сын? Нет, я не про эти фотографии. Я про эту. У вас нет фотографии Дайскэ?

— Так вот же она.

Кёити нахмурился, на его лице было удивление. Затем он еще раз взглянул на фотографию и подозрительно посмотрел на Риэ.

— Это не Дайскэ.

— Что?

Кёити посмотрел на Риэ, а затем на ее мать то ли с непониманием, то ли со злостью во взгляде. Затем кончики губ дернулись, и он улыбнулся.

— Совсем не понимаю, что здесь происходит. И этот человек назывался именем моего брата? Так? Вы же сказали, что его звали Дайскэ Танигуди?

— Да. Он так сильно изменился за последние годы?

— Нет, дело не в этом. Это другой человек. Это не он.

— Это не Дайскэ? Но вы его старший брат Кёити, верно?

— Да, я Кёити.

Некоторое время они молчали.

— Вы же подавали документы на регистрацию брака и свидетельство о смерти в местную мэрию?

— Разумеется. А у него была ваша семейная фотография.

— Простите, а вы не могли бы ее показать? Прямо сейчас.

Когда Риэ принесла фотоальбом, Кёити взял его и сел, скрестив ноги, на напольную подушку. Склоняясь над альбомом, он перелистывал страницы, не переставая бормотать под нос:

— Кто это? Что происходит?

Риэ была в растерянности, но при этом чувствовала себя оскорблённой смешками Кёити, ей казалось, что он насмеялся над их с Дайскэ браком. А затем ей стало страшно не от того, кем на самом деле был ее муж, а от того, кем был этот чужой человек. Мать, похоже, разделяла ее чувства, она подошла и взяла Риэ за руку.

В этом альбоме были собраны самые любимые фотографии Дайскэ, которые они сделали на цифровой фотоаппарат, а потом распечатали.

Кёити пристально всматривался в фотографии, на которых был человек, называвший себя Дайскэ, вместе с Риэ, Юто и Ханой, пока не перешел к последней странице. Он с испугом посмотрел на старую фотографию, на которой был

и сам Кёити вместе со своими родителями в родном доме. Он помнил, почему на этой фотографии тогда не оказалось младшего брата. Потому что именно он ее снимал.

Когда Кёити наконец поднял голову, он посмотрел на Риэ снизу вверх, его губы дернулись, но он тут же отвел взгляд. С ошарашенным выражением лица он сказал:

— Если вы только не задумали какую-то сомнительную игру... вынужден сказать, что вас этот человек обманул. Это не мой брат. Кто-то просто выдавал себя за Дайскэ.

— Что это значит? А кто же он тогда? — спросила Риэ взволнованно.

— Не знаю. Я тоже не знаю. Я впервые вижу этого человека на фото. Ничего не остается, как идти в полицию. Думаю, это мошенничество.

Глава 3

По дороге из Токио домой в Йокогаму Акира Кидо стоял возле двери электрички линии Тоёко, погрузившись в размышления.

Несмотря на то что он удачно занял место на станции Сибуя, увидев рядом беременную, уступил. Хотя она была в пальто, было понятно, что срок, скорее всего, уже месяцев восемь.

В поезде было не слишком много пассажиров, но никто, казалось, не обращал на нее внимания. Когда речь заходит о ребенке, который еще не родился, он словно бы и не существует. Если бы Кидо сказал, что уступает место двоим, окружающие, вероятно, просто покачали головой, не понимая о чём речь.

Перед тем как выйти на станции Тамагава, женщина, проходя мимо Кидо, поклонилась второй раз и почти беззвучно прошептала: «Спасибо». В ее взгляде было выражение благодарности. Кидо отреагировал на это словами «Берегите себя» с такой теплотой, будто говорил со знакомой.

Они улыбнулись друг другу, и это оставило приятный след в душе. Он думал о ребенке, который никогда не узнает об этом небольшом эпизоде из жизни мамы. Кто это будет — мальчик или девочка, — ему неизвестно, но, чтобы ребенок благополучно родился и вырос, необходимо множество вот таких добрых дел неизвестных людей, которые помогут ему. Кидо было приятно, что он смог совершить одно из них.

На днях в кабинете он обсуждал с коллегами кризис среднего возраста. Вокруг Кидо уже было немало людей, которых он затронул. Неизвестно, кого и когда он может коснуться, и тогда человек может сорваться в пропасть ненависти к себе. Он в шутку предложил заранее начать собирать доказательства того, что ты не такой уж и плохой человек.

Каждый раз, когда электричка оказывалась между офисных зданий, окна окрашивались в цвета заходящего солнца, но горизонт потемнел так быстро, что Кидо не смог увидеть, как гаснут последние лучи.

Его отражение на стекле потемнело. Он отвернулся от окна и погрузился в размышления о судьбе своей клиентки — Риэ Танигути.

Почти восемь лет назад, в 2004 году, Кидо взял в работу ее дело о бракоразводном процессе.

Сначала она носила фамилию мужа, Ёнэда, а через год вернула девичью фамилию, Такэмото, после чего дело было закрыто. С тех пор они не общались, поэтому, когда в прошлом месяце он получил от нее мейл, сразу не понял, кто это, поскольку ее фамилия снова изменилась — на этот раз на Танигути. Как только он вспомнил, кто это, в душе порадовался за нее.

Когда она позвонила ему, он узнал, что второй муж Риэ, «Дайскэ Танигути», уже умер, а при жизни выдавал себя за другого человека. То есть кто-то, выдавая себя за Дайскэ Танигути, женился на Риэ и даже завел с ней ребенка. Более того, имя Дайскэ Танигути не было выдуманным, в записи семейного реестра действительно существовал этот человек.

Кидо сначала не мог поверить в такую историю. Нередки были случаи, когда люди использовали вымышленное имя, чтобы скрыть свою личность. В определенной степени он мог понять, почему человек хочет скрыть свое настоящее имя. Сам Кидо был дзайнити — этническим корейцем в третьем

поколении, проживающим в Японии, но лишь в старших классах получившим японское гражданство.

Странно было то, что кому-то пришло в голову использовать не просто вымышленное имя, а выдавать себя за реального человека.

И он не просто выдавал себя за другого, на это имя было зарегистрировано свидетельство о браке, а затем и свидетельство о смерти. Каждый раз его личность подтверждалась в государственных учреждениях. У него были водительские права, медицинская страховка, он водил машину, ходил к врачу, своевременно делал пенсионные отчисления. Все официальные документы подтверждали, что умерший был Дайскэ Танигуди, и в его собственных рассказах о родной семье в Гумме не было никаких расхождений. Однако через год после смерти, когда к семье покойного приехал старший брат Дайскэ Танигуди и увидел фотографию, выяснилось, что это другой человек.

Как же это могло случиться?

Кидо размышлял, что может сделать в этом деле как адвокат, и решил прежде всего помочь разобраться с вопросами, связанными с наследством. В тот день он как раз возвращался домой после встречи с родным братом настоящего Танигуди — Кёити. По завершении слушаний по другому делу в Токийском окружном суде Кидо встретился с ним в холле отеля Cerulean в Сибуе.

Кёити был управляющим гостиницей на горячих источниках Икахо уже в четвертом поколении. Волосы с химической завивкой были уложены с мокрым эффектом, концы волос слегка приподняты. Тяжелый запах то ли от геля для волос, то ли от парфюма сразу ударил в нос, когда они только встретились и обменялись приветственными фразами.

Наряд Кёити словно был скопирован со страниц какого-нибудь мужского журнала из рубрики «Как покорять женщин

в среднем возрасте». Кёити сказал, что приехал в Токио для деловых переговоров, а затем добавил, что сегодня на Роппонги у него еще запланирована встреча со старинным токийским другом, «чтобы вспомнить былое», как он выразился. Кидо удивился, что, говоря про «вспомнить былое», Кёити усмехнулся, будто вкладывал в это выражение какой-то фривольный смысл.

На официальной странице гостиницы в интернете была размещена фотография его жены, «красавицы-хозяйки», как было там написано, но, может, у него с токийских времен осталась еще и любовница в Токио? Это не имело никакого отношения к делу, но Кидо удивился, что Кёити не преминул намекнуть об этом адвокату, с которым встретился впервые в жизни.

Однако, если исключить то, что Кёити сообщил о своих планах в Токио, а может, и наоборот, учитывая сказанное, Кёити производил впечатление прямого, делового человека, и то, что он говорил без тени сомнений, означало, что он не врет. Иными словами, человек, за которого вышла замуж Риэ, действительно не был Дайскэ Танигути.

В какой-то момент Кёити демонстративно придвигнулся поближе к Кидо, словно пытался открыть ему что-то важное, а затем, чтобы его никто не услышал, тихо сказал:

— Думаете, Дайскэ жив? Может, неизвестный, который назывался его именем, убил его? Такое вполне может быть. У той женщины была наша семейная фотография. Которую сделал когда-то давно Дайскэ. Ужас какой-то... Да, мы с ней ходили в полицию. Но если честно, я же работаю в сфере обслуживания, у нас клиенты, не хочется, чтобы что-то всплыло на поверхность. Если все так, как и говорит женщина, она же жертва, выходит. Хотя она получила страховку по потере корпильца, возможно, необходимо провести расследование.

По долгу службы Кидо уже привык иметь дело с семейными разборками. К тому же у него тоже был младший брат,

и он прекрасно знал, что и между братьями в среднем возрасте могут быть трения. Тем не менее, учитывая, что речь шла о жизни и смерти человека, отношение Кёити к младшему брату показалось ему черствым.

Кидо слышал от Риэ о том, какая история разгорелась вокруг вопроса донорства в семействе Танигути, и задал об этом вопрос Кёити. Тот с явным недовольством в голосе перебил его:

— Все было совершенно не так! Человек, выдававший себя за моего брата, очевидно, не знал настоящей истории! Может, просто наводил справки где-нибудь в интернете? Или же Дайскэ рассказал ему, поменяв кое-что в повествовании. Мы все хотели, чтобы отец прожил как можно дольше. И Дайскэ тоже. Это же естественно. Но отец не стал бы ни за что принуждать его стать донором! Не сделал бы он этого! Мой братец *сам* это предложил. Чтобы потом все перевернуть с ног на голову и ныть, что с ним так обошлись. Он всегда так поступал! Когда он сказал, что хочет взять дела в гостинице на себя, я просто отдал их ему! Честно говоря, мне было совсем неинтересно возиться с какой-то гостиницей на источниках у черта на рогах. А потом мои родители стали слезно умолять вернуться, потому что у братца дела шли из ряда вон плохо. Что мне оставалось? Понимаете? Да еще и Дайскэ меня за это возненавидел. Он, словно ребенок, зациклился на том, что старшего в семье якобы любят больше, и подобной ерунде. Что за идиотизм! Понимаю, что, возможно, мне не стоит этого говорить вам, но, честное слово, его выходки меня уже достали. Сколько он проблем создал своей семье! Как наша мать переживала, когда он ушел из дома и исчез бесследно. Если бы его просто убили, это одно дело, а вдруг он впутался в какие-нибудь преступные дела. Нашей гостинице тогда конец!

Было видно, что Кёити переполняли эмоции, но при этом он изо всех сил сдерживался и только в конце взмахнул руками.

— Я тоже переживаю за него, все же это мой брат. Но сколько же можно... — Не договорив начатое, словно у него закончились силы, он вздохнул.

После этого ни с того ни с сего Кёити принял с гордостью рассказывать, какие вкусные блюда из черепахи подают в ресторане их гостиницы.

Кидо поддакивал время от времени и, чтобы поддержать разговор, вставил фразу:

— В Киото тоже есть один старый ресторан, где подают черепаху...

Кёити будто только и ждал такой возможности и тут же сообщил название этого известного ресторана, который с давних лет пользовался популярностью среди знаменитых писателей.

— В этом старом ресторане мясо так воняет, что есть невозможно. Так в наши времена уже никто не готовит, — бросил он пренебрежительно. — Нашего повара я нашел с таким трудом, обойдя множество заведений и перепробовав множество вариантов. Он настоящий гений. Это не просто хватство. Так оно и есть.

Когда Кидо проходил юридическую практику в Киото, старший юрист, взявший его под свое крыло, однажды угощал его в том ресторане. Тонкий вкус блюд настолько впечатлил, что Кидо до сих пор в беседах с коллегой иногда упоминает тот вечер как приятное воспоминание. Поэтому он с горькой улыбкой подумал про себя, какой же неприятный перед ним тип. Кидо мало что знал о человеке по имени Дайскэ Танигути, но мог прекрасно понять желание уйти из дома, когда у тебя такой старший брат.

Кидо вернулся домой, и, несмотря на то, что дома все шло своим чередом, почему-то именно этот самый обычный вечер вызвал в нем сильный эмоциональный отклик.

Кидо жил в квартире на девятом этаже, совсем рядом с Китайским кварталом в Йокогаме. Вместе с женой они оформили ипотечный кредит на тридцать пять лет. Каори была на три года моложе, работала секретарем в автомобильной компании, у них был четырехлетний сын Сота. Они хотели сразу же завести второго ребенка, и планировка квартиры была рассчитана на двоих детей, но все пошло не так, как они задумывали сначала, и в последнее время оба перестали говорить об этом.

За столом Кидо делал Соте замечания, чтобы тот не вскакивал из-за стола, а спокойно поел ужин — дим сумы и жареную курицу, которую Кидо по пути домой купил в Китайском квартале. После ужина Кидо отправился в ванну с Сотой.

Сота рассказал, что в детском саду им читали книжку с картинками о греческих мифах. Сбивчиво описывая подробности, мальчик спросил:

— Почему Нарцисс *превратился* в цветок нарцисса?

— Сложный вопрос. Думаю, сначала люди посмотрели на цветок нарцисса, а потом стали думать, почему он такой. Почему он красивый? Почему у него такой длинный стебель? И, наверное, решили, что раньше это был человек.

Кидо ответил с серьезной интонацией, но Соту такой ответ не устроил. Кидо пообещал выяснить подробности и в следующий раз рассказать сыну.

После ванны они пошли в детскую, где вместе рассматривали иллюстрированную энциклопедию сериала «Ультрамен». Кидо наконец понял, что Сота так настойчиво расспрашивал про *превращение* Нарцисса именно из-за *превращений* Ультрамена. Выключив свет, Кидо лег рядом с сыном, да так и задремал рядом с ним. Когда он проснулся посреди ночи, в их спальне с женой уже был выключен свет.

Он не стал открывать дверь спальни. Комнату, которую они планировали изначально для второго ребенка, переоборудовали под его кабинет, он поставил туда кровать, чтобы

иногда отдыхать, но с тех пор они с женой стали спать раздельно. Так им обоим удавалось лучше выспаться.

В тот вечер с женой они перекинулись лишь несколькими фразами за столом по поводу рождественского праздника в детском саду.

Кидо вошел в гостиную, ему захотелось выпить, он сел в кресло у окна с бутылкой водки Finlandia, которую держал обычно в морозилке. Морозилка всегда была забита продуктами, жена частенько выговаривала ему, что эта бутылка занимает там много места.

Иней на поверхности бутылки растаял под пальцами, по бутылке текли капли воды. Он налил водку в стакан, от холода она была вязкой, после первого же глотка во рту разлился согревающий сладкий вкус. Аромат вызвал смутные детские воспоминания того момента, когда он впервые узнал о существовании «алкоголя», — врач тогда дезинфицировал руку перед прививкой.

Кидо негромко включил концертный альбом джазового квинтета V.S.O.P. и, слушая сыгранное на бис попурри из двух композиций *Stella by Starlight* и *On Green Dolphin Street*, допил первый стакан. Исключительно чувственный звук тенор-саксофона Уэйна Шортера казался протяжным и пронзительным.

Прослушав попурри три раза, Кидо выключил запись. Ему было достаточно, теперь он чувствовал, как его внутренний и внешний миры каждый по отдельности обретают спокойствие.

Он очень любил ту черту, за которой начинаешь ощущать опьянение от водки. Он погружался вниз по прямой, направляясь в бездну опьянения, будто был фридайвером, который ныряет без кислородного баллона. На его пути не было

препятствий, слова не могли уже догнать, а вкус напоминал блики света на далекой поверхности воды, когда он оглядался назад.

Выпив два стакана подряд, Кидо наконец полностью отключился от повседневных забот и добрался до одиночества в глубине. Словно брошенная кукла, непроизвольным движением он откинулся на спинку кресла. Некоторое время он сидел неподвижно, склонив голову набок.

— Как же я счастлив...

Он подумал, что еще недавно, когда лежал рядом с сыном в темной детской, сжимая его руку, вдруг остро ощутил, как он счастлив. Про себя он пробормотал: «Я являюсь отцом этого ребенка». И не только слова «отец» и «ребенок», но и соединяющие их во фразу остальные слова приводили его в восторг. Это было настолько сильное чувство... Кидо подумал, что может даже потерять себя в нем. В то же время он заподозрил: то, что обычный момент кажется ему таким особенным, вероятно, скрывает за собой тревогу. Ему показалось, что когда-нибудь в будущем он, возможно, будет вспоминать эту ночь как счастливейший момент всей жизни...

Знакомство Кидо и Каори состоялось благодаря тому, что их представили друг другу общие друзья. Так они обычно всем рассказывали, хотя о деталях того, что это произошло в компании за выпивкой, они не распространялись. Атмосфера за столом была непринужденная: все смеялись, хлопали в ладоши, рассказывали непристойные шутки, и они буквально случайно узнали о существовании друг друга.

Каждый раз, вспоминая об их первой встрече, Кидо сожалел, что они не познакомились при других, более серьезных,

подходящих для будущих супругов обстоятельствах. После Великого восточно-японского землетрясения в прошлом году, они больше не занимались сексом, и все это добавляло лишь горькую иронию к воспоминаниям.

По правде говоря, они никогда больше не возвращались в разговорах к теме своей первой встречи, продолжая повторять всем, кто спрашивал, что познакомились благодаря общим друзьям, — они уже и сами почти поверили в эту историю.

Каори была дочерью зубного врача. Эта обеспеченная семья уже несколько поколений жила в Йокогаме. Старший брат Каори не пошел по стопам отца-дентиста, а стал терапевтом, недавно занялся реновацией клиники отца и открыл в ней собственное отделение. Семья была консервативных устоев, но весьма щедрой: когда они с Каори покупали квартиру, ее родители помогли с первым взносом.

Когда Кидо пришел просить у отца Каори разрешения жениться на ней, тот с улыбкой сказал: «Какая разница, дизайниты ты или нет, через три поколения ты уже стал полноправным японцем». Чувствовалось, что говорит он это искренне, без задней мысли, Кидо тогда поклонился и поблагодарил за то, что ему разрешили стать частью их семьи.

Мать Каори, вероятно, из-за того, что в те годы в Японии особую популярность стала приобретать корейская попкультура, пыталась проявить такт и задавала вопросы о Корее. Но когда она поняла, что он едва может ответить на них и даже не умеет читать корейский алфавит — хангыль, она больше не касалась этой темы.

О своем происхождении и том, что, возможно, имели в виду родители Каори, Кидо стал размышлять после Великого восточно-японского землетрясения, тогда в СМИ заговорили о массовых убийствах корейцев в 1923 году после Великого землетрясения в Канто.

Кидо никогда не интересовался этой темой и тогда впервые узнал, что Йокогама была одним из центров возникновения подстрекательских слухов о якобы существовавшем «мятеже корейской диаспоры». Он вспомнил, что будущий тестер сказал ему тогда, и подумал, что тот, возможно, подразумевал чуть больше, чем Кидо смог понять.

Дед Каори сейчас жил в доме престарелых, а в детстве, должно быть, собственными глазами видел Великое землетрясение в Канто. На момент землетрясения прадед Каори, который уже давно умер, был зрелым мужчиной. Тогда город был разрушен, около восьмидесяти процентов жилых районов сгорело. Кидо размышлял о том, что делала тогда эта семья в водовороте насилия, последовавшего вслед за разрушениями и беспорядками.

Разумеется, он не стал задавать эти вопросы родителям жены. Да и самой жене. После Великого восточно-японского землетрясения они иногда обсуждали сильное землетрясение, которое, по прогнозам, должно когда-то случиться непосредственно в Токио, но никогда даже не касались Великого землетрясения в Канто.

«Что такое прошлое для любви?» — задавался вопросом Кидо, думая о покойном муже Риэ, но при этом адресуя вопрос самому себе. — «То, что настояще является результатом прошлого, — это факт. Другими словами, ты можешь любить кого-то в настоящем благодаря прошлому, которое сделало его таким, какой он есть. Хотя генетика тоже является фактором, но, если бы этот человек жил при других обстоятельствах, он, возможно, стал бы другим. Однако люди не могут раскрыть окружающим все факты своего прошлого; неважно, сознательно или нет, прошлое, выраженное словами, не является самим прошлым. А если оно отличается от *истинного*

прошлого, является ли любовь к этому человеку ошибочной? А если бы это была намеренная ложь, лишила бы она смысла чувства? Или породила бы новую любовь?»

В отличие от Кидо, который был родом из Канадзавы, но переехал в Токио, Каори родилась и выросла здесь, здесь же окончила университет Кейо и по-прежнему поддерживала отношения со своими друзьями из средней и старшей школ. Она рассказывала ему разные истории о своем детстве, он хорошо помнил их и, разумеется, никогда не сомневался в том, что это правда.

Но даже если бы она рассказала историю из жизни совершенно незнакомого человека так, будто это была ее собственная история, Кидо, несомненно, поверил бы ей. И сделал бы вывод о том, какой она человек, из этой истории.

Если кто мог сомневаться в правдивости историй о прошлом, так это Каори, ведь Кидо приехал издалека, однако сразу же после того, как они познакомились, он «признался», что является корейцем в третьем поколении, это и стало основой для доверия.

Кидо мог бы обнаружить расхождения между ее рассказами и реальным прошлым, лишь встречаясь с теми, кто давно ее знал, друзьями детства и родственниками. Если бы, как это сделал «Дайскэ Танигути», она переехала в новое место, оборвав связи с семьей, не было бы иного способа проверить это, разве что нанять частного детектива. Люди с такой историей обычно не ведут страниц в соцсетях.

Пытаясь навести порядок в голове, Кидо прошептал про себя: «Этот человек не был Дайскэ Танигути». Муж Риэ просто выдавал себя за Дайскэ Танигути, и из профессиональной привычки Кидо решил назвать этого неизвестного Икс.

С тех пор как Кидо услышал историю об Иксе от Риэ, мысли о нем не давали ему покоя. Словно мелодия, которая

привязалась, он непрестанно думал о нем — когда шел, когда ехал в электричке, когда ужинал с семьей.

Как же называется такое явление? В музыке мелодии называют навязчивыми или приставучими...

Начать жизнь заново, став совершенно другим человеком. Самому Кидо ни разу в жизни это не приходило в голову. Конечно, в подростковом возрасте он частенько хотел быть похожим на того или иного человека. Как-то он был безответно влюблен в девочку, которой нравился другой. Он ревновал, но при этом ему хотелось стать похожим на того парня. Однако все это было не более чем мимолетная фантазия.

Он неоднократно говорил себе сегодня, как счастлив той жизнью, что у него есть. По работе ему приходилось сталкиваться с несчастьями других больше, чем остальным. Особенно в уголовных делах было немало трагедий, в которых и само дело, и то, что привело к нему, казалось, пришли из какого-то «изолированного от него мира». И каждый раз он понимал, что значит, когда ты живешь иной жизнью.

Он еще раз прошептал про себя: «Я счастлив», но на сей раз так, будто раздраженным окриком пытался успокоить странное волнение в душе.

Бросить все и стать кем-то другим — в этой фантазии была манящая привлекательность. Эта идея не обязательно возникает на фоне отчаяния, она может появиться и на фоне короткой передышки из-за усталости, и в совершенно счастливой жизни. Из-за предосторожности Кидо решил больше не ворошить эту тему в своей душе.

Если он и правда столкнулся с фактом подлога, неважно, будет ли полиция официально возбуждать дело или нет, Икс совершил несколько правонарушений, включая внесение ложной записи в нотариально заверенный государственный документ. А если, как предполагал Кёити, он замешан в серьезном преступлении или даже убийстве, то Кидо ничего

не останется, как обратиться за советом к коллеге, который лучше разбирается в уголовных делах.

Еще один, и на этом все. Кидо налил себе третий стакан. От капель воды с поверхности бутылки на столе образовалось круглое пятно. Оно было похоже на слегка искривленный полумесяц в далеком ночном небе.

Кидо подумал о Риэ — она потеряла одного за другим близких людей: маленького ребенка, еще не старого отца и молодого мужа.

В голове появился ее образ: девичье лицо с большими глазами. Он искренне жалел ее. Она была миниатюрной и хрупкой, и только плечи были крупноваты для такой фигуры, словно поддерживали ее в том, чтобы кивать только тогда, когда она полностью понимает, о чем он говорит.

Кидо и представить себе не мог, какое отчаяние может охватить мать, потерявшую двухлетнего ребенка, но она была сильной и рядом со старшим сыном даже улыбалась. Наверное, мальчик уже скоро пойдет в среднюю школу.

Риэ твердо решила развестись и решительно отвергла возможность восстановления отношений с мужем. Причиной их разрыва стал конфликт из-за болезни ребенка и его лечения.

Рё заболел, когда ему исполнилось два года, в большой больнице рядом с их домом ему первоначально диагностировали герминому — опухоль головного мозга. И Риэ, и ее муж были шокированы неожиданной болезнью сына, но их успокоили прогнозом: пятилетняя выживаемость пациентов превышает девяносто восемь процентов при проведении курса лучевой и химиотерапии. Тем не менее муж был категорически против хирургической биопсии, которую обычно проводят пациентам на этой стадии. Врач объяснил, что эта

процедура связана с определенным риском для такого маленького пациента. Если бы это оказалась не герминома, скорее всего, это могла бы быть неоперабельная злокачественная опухоль. Однако муж считал, что подвергать сына опасности ради того, чтобы узнать, что это неизлечимое заболевание, неправильно, и убедил в этом Риэ. Хотя она изначально склонялась к тому, чтобы сделать биопсию, но в спорах с мужем о рисках не смогла удержать своей позиции.

В течение последующих трех месяцев Рё мучился от рвоты, пока проходил изнурительное лечение герминомы. Риэ ухаживала за сыном, ради этого уволилась из банка, в котором работала с момента окончания университета.

Однако опухоль не уменьшилась, а выросла. На основании результатов МРТ врач поставил другой диагноз — глиобластому. Как он и говорил изначально, опухоль оказалась неизлечимой, а мальчику оставалось жить меньше года.

— Все, что вы можете сделать, — быть рядом с ним и провести с ним то время, что ему осталось.

Риэ перевезла сына в другую больницу, но диагноз не изменился. Через четыре месяца Рё умер. С первого посещения больницы прошло всего семь месяцев, три из которых он страдал от терапии, бесполезной в его случае.

Для обоих родителей это стало трагедией, но муж пытался убедить Риэ преодолеть несчастье вместе, ведь они были семьей и у них был Юто. Но Риэ была тверда в своем решении и настаивала на разводе.

Она вовсе не винила мужа в смерти сына. Напротив, она мучилась от мысли, что это была ее вина, но при этом и думать не хотела о совместном будущем с мужем.

С одной стороны, Кидо сочувствовал ей, но ему пришлось объяснить, что с юридической точки зрения ее желание не является убедительной причиной для развода. С другой

стороны, ему было жаль мужа. Факт, что тот совершил непоправимую ошибку как отец, оставался фактом, но когда Кидо спросил мнение своего зятя-врача, тот сказал, что неспециалисту трудно принять подобное решение, да и в объяснениях лечащего врача Рё были неточности. «В любом случае я не понимаю, почему жена так сердится на мужа», — сказал он в заключение.

Кидо взялся за бракоразводное дело, потому что почувствовал в характере Риэ нечто сложное, но при этом незамутненное, что-то заставляющее его задумываться все глубже.

Взявшись за дело, Кидо встретился с мужем и постепенно понял, почему чувства Риэ к нему ожесточились. Муж жаловался, говорил о том, насколько пострадал сам, о том, что адвокат должен быть разумным человеком, сокрушался о глупости и странном поведении Риэ, о том, как он сильно любит ее, со слезами описывал боль от потери сына, а затем требовал, чтобы Кидо помог им примириться. Как и сказала Риэ, муж оказался неплохим человеком. Однако он выглядел жалко: невероятная самоуверенность причинила боль жене, страдания маленькому умирающему ребенку и теперь разрушала его же собственную жизнь.

В течение года, пока длилась процедура развода, Кидо выслушивал все его оправдания, стараясь дать понять, что у него нет никакой надежды вернуть любовь Риэ. Как ни странно, муж Риэ стал относиться к Кидо с долей уважения: он много раз пересказывал своими словами те юридические аспекты, которые объяснил Кидо, демонстрируя, что понял сказанное, и в этом находил источник утешения для своей уязвленной гордости. Такое бывает у тех, кто совершает домашнее насилие над близкими. Он изо всех сил пытался доказать Кидо, насколько он серьезный и умный человек.

Месяцев через десять после начала дела Кидо заметил, что муж Риэ, очевидно, стал тяготиться им. В то же время

от внимания Кидо не ускользнуло, что он все чаще в хорошем настроении. Он и сам не любил такие методы, но решил нанять детектива и начать слежку. Затем, показав мужу фотографию, на которой тот выходил из своей новой квартиры с женщиной, Кидо посоветовал завершить переговоры. Как ни странно, муж Риэ довольно легко согласился не только на развод, но и на передачу опеки над Юто, хотя долго не хотел уступать.

А теперь Риэ не просто потеряла второго мужа. Оказалось, что он все эти годы обманывал ее по поводу своей личности.

Зачем ему это было надо?

Кидо потянулся со вздохом и посмотрел на часы. Было почти два часа ночи. Он прикрыл рукой рот и глубоко зевнул.

Кёити Танигуди сегодня дал контакты нескольких людей, которые, по его словам, могли знать о местонахождении брата. Он отдельно подчеркнул, что о Дайскэ может что-то знать его бывшая любовница.

Оставив в стороне вопрос о том, кем на самом деле был Икс, Кидо решил, что для начала нужно найти официальные записи о регистрации местожительства Дайскэ Танигуди.

Кидо залпом проглотил последнюю водку. Теперь она была теплой, но на языке оставался чуть острый и горький вкус. Кидо слегка вздохнул, последний раз за этот день.

Глава 4

В январе 2013 года, когда рабочие дела немного утряслись, Кидо наконец смог договориться о встрече с бывшей подругой Дайскэ Танигути — Мисудзу Гото.

Было холодное утро, даже шел небольшой снег, но ближе к полудню потеплело и прояснилось.

Абонента по телефонному номеру, который дал Кёити Танигути, уже не существовало, но Кидо знал, что она работала веб-дизайнером, поэтому стал искать в Сети и нашел ее страницу. Он отправил ей сообщение, объяснил ситуацию, и она сразу же ответила. Было понятно, что она озадачена и беспокоится за Дайскэ. Она работала фрилансером, подрабатывала вечерами в баре у знакомых в районе Синдзюку Аракитё и попросила его прийти туда. У Кидо были сомнения, смогут ли они там спокойно поговорить, но она, вероятно, опасалась встречаться с незнакомым человеком наедине.

Бар находился в нескольких минутах ходьбы от станции Ёцуя Сантёмэ. Это был старый район с барами, расположеными в лабиринте узких переулков. Кидо приехал сюда впервые и решил немного прогуляться. Оказалось, что здесь есть не только питейные заведения, но и множество ресторанчиков. Чего тут только не было: суши, карри, немецкая, испанская кухня, тонкацу* — еда на любой вкус. Кидо уже перекусил гречневой лапшой в подземном ресторане здания

* Блюдо японской кухни, свиная котлета, зажаренная во фритюре.

Токийской ассоциации адвокатов перед встречей с Мисудзу, а теперь стал жалеть об этом, ведь можно было поесть и здесь.

В разговоре с одним из своих партнеров в компании, который был любителем литературы, зашла речь о квартале Аракитё, и тот засыпал его множеством подробностей: раньше это был известный квартал развлечений, о нем даже было написано в повести Нагаи Кафу «До и после дождя», а в здании, которое в эпоху «мыльного пузыря» было лав-отелем, теперь располагалось издательство. Для начала недели здесь было оживленно, много и такси, и людей.

На втором этаже здания, которое занимали маленькие ресторанчики и бары, Кидо заметил вывеску бара с желтыми буквами, напоминающими солнечный свет, — Sunny. Кидо подумал, что это удачное название для бара, который работает только ночью. Но потом выяснилось, что бар назван в честь песни Бобби Хебба.

В уютном баре стояло шесть табуретов у стойки и два столика с диванами, освещение было приглушенным, как и должно быть в баре. Когда Кидо вошел, играл старый концертный альбом Рэя Чарльза. Как это бывает в лаунж-барах, где крутят соул, все стены были плотно завешаны виниловыми пластинками и фото. Здесь были и пластиинка Марвина Гэя, и детские фотографии Стиви Уандера. Чуть перевалило за восемь.

За столиками сидели посетители. За стойкой был один мужчина, по виду постоянный посетитель, он пил «Гиннес» и крутил в руках монетку — видимо, практиковался делать фокус.

— Добро пожаловать, — поприветствовала Кидо женщина за стойкой. Судя по ее взгляду, она размышляла, не с ним ли договорилась о встрече.

Бейсболка с шипами на козырьке, высветленные волосы заправлены за уши и спускаются на изящные плечи, четко

очерченные черты лица, в глазах цветные серые контактные линзы, блестящие губы. Кидо подумал, что она красавица. Свободный черный свитер и довольно сильно потертые джинсы. Ее образ ассоциировался скорее не с соулом, а с роком.

Она сидела на высоком табурете за стойкой, обхватив рукой одно колено в рваных джинсах, и разговаривала с небритым мужчиной лет пятидесяти в черном свитшоте. Похоже, он был владельцем бара, его стиль одежды в большей степени подходил атмосфере заведения.

— Здравствуйте, мы с вами договаривались о встрече. Я — адвокат Акира Кидо.

Кидо протянул свою визитку женщине, после чего хозяин бара Такаги с сомнением заглянул в нее, словно не веря, что перед ним адвокат.

— А разве адвокаты не носят значок на лацкане?

— Последнее время нам уже можно не носить его на одежду. Но я его ношу с собой, — ответил Кидо, достал значок из портфеля и показал владельцу бара.

Даже увидев значок, Такаги, кажется, еще не до конца поверили, что перед ним и правда адвокат. А Мисудзу, судя по всему, была в восторге от увиденного.

— Впервые вижу такой значок. Можно потрогать?

— Да, конечно.

Как потом рассказала Мисудзу, она раньше частенько приходила сюда как обычный посетитель, а где-то год назад начала работать «просто ради интереса», как она выразилась, два раза в неделю. Кидо предположил, что она, возможно, встречается с хозяином бара, но по ее поведению сложно было сказать, так ли это на самом деле.

В любом случае именно Такаги посоветовал проявить осторожность и встретиться с адвокатом здесь. Больше он ничего не расспрашивал у Кидо, но было видно, что он внимательно присматривает за ними.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Пальто можно вон там повесить. Будете что-нибудь пить? — спросила Мисудзу с улыбкой. У нее была специфическая расслабленная манера разговора, будто она слегка скучала. Припухлость нижних век немного смягчала геометрическую красоту ее лица.

— Да, конечно... Давайте светлое пиво «Шиме».

В таком месте было неудобно попросить просто воды, поэтому Кидо заказал пива, которое не требовало приготовления. Сделав глоток, он сразу же перешел к делу.

— Я вам уже писал в мейле по поводу Дайскэ Танигути...

— Так и не знаете, где он?

— Пока нет. Вам известен человек на этой фотографии?

С этими словами Кидо показал ей фотографию Икса, мужа Риэ.

Мисудзу взяла фото в руки, некоторое время смотрела на него, после чего покачала головой и вернула его Кидо.

— Это не Дайскэ Танигути?

— Нет. Это он выдавал себя за Дайскэ?

— Да.

— Совсем не похож. Даже рост... Скорее всего, он был невысокого роста. А Дайскэ был немного выше меня... Примерно вот такого роста — сто семьдесят два сантиметра.

— Значит, вы его не знаете?

Мисудзу передала Кидо бежевый конверт, который заранее подготовила.

— Я принесла сегодня фотографии Дайскэ. Мы тогда еще встречались с ним, лет десять назад.

В конверте лежало три фотографии.

У Кёити Танигути не было ни одной фотографии, на которой можно было бы четко рассмотреть лицо Дайскэ. Как и свойственно его поколению, раньше в молодости люди так часто не фотографировались, это и понятно, однако даже во взрослом возрасте из-за плохих отношений между

братьями они не снимали друг друга на цифровые фотоаппараты. Кёити показал ему одну старую семейную фотографию, на которой изображение Дайскэ в профиль было очень мелким. Дайскэ на снимках Мисудзу казался совершенно другим человеком.

На фото, которое сняла его девушка, он выглядел застенчивым, словно стеснялся того, что она его фотографирует. Кидо явственно представил себе и лицо Мисудзу, когда она делала снимок. Но он был совершенно не похож на Икса.

— Вы можете взять их, если нужно. Вдруг они вам пригодятся... Я уже лет десять с ним не общалась, так что не имею больше никакого отношения к его жизни сейчас.

— Понятно. Его старший брат Кёити предположил, что вы можете что-то знать о том, как связаться с Дайскэ.

Мисудзу положила в стакан льда, налила «Чинзано Роско», сделала глоток и нахмурилась.

— Я знаю Дайскэ давно, еще со старших классов. Мы встречались, потом расставались, потом опять сходились... Мы долго были знакомы, может, поэтому он так и решил.

— Вы хорошо знаете Кёити? — спросил Кидо, решив, что это вполне естественный вопрос.

— Да, — ответила Мисудзу и перевела взгляд куда-то под стойку. А затем вновь посмотрела на Кидо, словно спрашивая его, чего он добивается, задав подобный вопрос.

— Отношения между братьями были напряженными?

— Дайскэ... думаю, он любил старшего брата. У них были противоположные характеры, но до старшей школы они нормально общались и...

Мисудзу запнулась, будто сомневалась, стоит ли продолжать, но в результате больше ничего не сказала. Кидо заметил это, но промолчал, позволив ей перейти к другой теме.

— Мне кажется, проблема была не между братьями. Дело в родителях... Так часто бывает в семьях... Родители все никак

не могли определиться, кому оставят семейный бизнес. Кёити отказался заниматься делами семьи, поэтому Дайскэ стал запасным вариантом. Вместо того чтобы просто отдать дело Дайскэ, родители продолжали вести себя неопределенno, будто готовы передать дело Кёити, как только тот передумает. Поэтому положение Дайскэ было подвешенным.

— А Дайскэ хотел заниматься делами отца?

— Хотел. Ему нравилась гостиница. На горячих источниках Икахо Онсэн это довольно известное место. Знаете, у них там свои традиции.

— Так я и понял. Я смотрел их сайт. Новый корпус в современном стиле, а старое здание — прекрасный образец традиционной архитектуры.

— Новым зданием как раз занимался Кёити, — сказала Мисудзу с ироничной улыбкой, — во всех номерах купели с горячей водой на открытом воздухе. Они видны, когда лежишь на кровати. В каждой комнате оберегается приватность проживающих, да и интерьеры с лоском, хотя во всем этом есть что-то непристойное.

Услышав последние слова, Кидо рассмеялся. Следующий глоток пива он сделал с какой-то веселой непринужденностью. Выпив пива, он вновь засмеялся, а вслед за ним и Мисудзу — ее плечи затряслись от смеха.

— Да, скорее всего, эти номера не предназначены для семейного отдыха.

— Это шикарный лав-отель. Несколько лет назад был скандал, когда телевизионную ведущую застукали там с женатым любовником.

— А... точно... это же были источники Икахо... Я вспомнил. Когда я искал в интернете про гостиницу, что-то такое выдавал поиск. Хотя я просто пробежался глазами.

— У Кёити была бурная молодость, он знает все нюансы подобных дел. Знает прекрасно, чего хотят парочки, когда

едут на источники. Дайскэ слишком серьезный, он совершенно в этом не разбирается. Новый корпус гостиницы, кажется, процветает. После землетрясения они принимали пострадавших, это пошло на пользу репутации.

Вспоминая своего бывшего друга, Мисудзу слегка улыбнулась, немного мечтательно, но в то же время с оттенком жалости.

Кидо молча слушал ее, а когда допил пиво, то заказал коктейль «Гимлет» с водкой.

Мисудзу коротко сказала: «Секунду» — и стала готовить коктейль в шейкере совсем по-будничному, без красивых жестов, будто делала это у себя на кухне. Хотя они только что встретились, Кидо подумал, что спокойствие и неторопливость, скорее всего, являются чертами ее характера.

Мисудзу тщательно взболтала ингредиенты. Когда она переливала коктейль в охлажденный бокал, он зашипел мелкими пузырьками. Кидо почувствовал, что он хорошо охлажденный, мягкий, с ярким ароматом.

— Прекрасно получилось, — сказал он искренне. Мисудзу одарила его белозубой улыбкой, было понятно, что она и правда работает здесь «ради удовольствия», как она и говорила. Ворот свитера чуть сполз, обнажив ключицу, она быстро подтянула его. На цепочке, отражая свет, ярко блестел маленький бриллиант, украшая ее образ, как орнаментирование в музыкальной пьесе.

Появился еще один посетитель — казалось, он тоже частенько бывает здесь. Он сел у барной стойки через один табурет от Кидо и начал непринужденно болтать с хозяином бара. Сейчас звучал концертный альбом Кёртиса Мэйфилда, в баре стало шумно от голосов.

Кидо решил, что лучше задать ей еще несколько вопросов, пока не стало совсем шумно.

— Вы перестали общаться с Дайскэ после смерти его отца?

— Наверное, именно тогда... Я ходила на похороны, после этого он некоторое время жил дома. Я уже переехала к тому времени в Токио, мы виделись где-то раз в две недели.

— А вы тогда еще...

— Встречались, да. А потом он просто исчез, никаких разговоров о расставании между нами не было.

— Ясно. А он звонил после? Или писал?

Мисудзу покачала головой.

— Его номер не отвечал.

— Может, история с донорством оказала на него такое влияние?

— А кто вам об этом рассказал? Кёити?

— Нет. Вот этот человек на фотографии, я называю его Иксом, он умер, но при жизни представлялся Дайскэ Танигути. Женщина, на которой он был женат, рассказала мне об этом.

— Как же так? Откуда он узнал? Ужас.

— Я не знаю. Вероятно, Икс был знаком с Дайскэ. Может, слышал от него напрямую. По какой-то причине он стал называть себя Дайскэ и жить *его* жизнью. И прошлое Дайскэ стало его собственным прошлым.

— Зачем ему это понадобилось? Не такое уж у Дайскэ было прошлое, которому можно завидовать... Дело в наследстве?

Между бровями под козырьком на ее красивом лбу промелькнула тень беспокойства.

— Мне его цели неизвестны. Естественно предположить, что он охотился за наследством. Моя задача как адвоката разобраться в этой запутанной ситуации.

— А Дайскэ, что с ним? Обращались в полицию?

— Полиция приняла заявление об исчезновении человека, но это все.

— Может, нужно привлечь внимание к этой истории. Например, на телевидении выступить.

— Возможно, позже так и придется поступить, однако ни Кёити, ни жена Икса этого не хотят.

— Почему?

— Она... совершенно растеряна пока. Это и понятно. А Кёити боится, что если дело осложнится и это окажется убийство, то может повлиять на его бизнес.

Мисудзу выглядела пораженной, она глубоко вздохнула.

Такаги, который, какказалось, не слушает их разговор, вдруг предположил:

— Может быть, его похитила Северная Корея?

Кидо неопределенно покачал головой, то ли соглашаясь, то ли ставя под сомнение сказанное, при этом прижав кончик языка к нёбу, чтобы приглушить вкус лайма в коктейле.

Кидо подумал, что в наше время такого просто быть не может. Боясь, что Мисудзу, которая вызывала у него симпатию с начала разговора, вдруг скажет что-нибудь против дзайнити, он почти бессознательно отвел от нее взгляд.

Кидо был дзайнити в третьем поколении, родители никогда не говорили с ним об этнической идентичности, он родился и вырос в обычном районе Канадзавы, а не в корейской диаспоре, поэтому с тех пор, как его семья сменила фамилию с Ли на Кидо, он почти не сталкивался с дискриминацией. Когда он переходил в среднюю школу, они поменяли фамилию; родители никогда не рассказывали почему, хотя, возможно, все же что-то произошло. У родителей был обычный ресторанчик, не связанный с корейской кухней. Учителя его школы, когда он учился еще в младших классах, частенько заходили туда и, бывало, немало выпивали, поэтому ученика владельцев ресторана знали даже те преподаватели, которые не работали в его классе.

В старших классах он вместе с родителями стал гражданином Японии. Он не читал по-корейски, и, когда из Кореи

приезжали родственники отца, к ним относились как к иностранцам. Родители считали этот выбор неизбежным, а Кидо было все равно, гражданство какой страны у него.

Однако, когда его класс должен был поехать в Австралию, отец сказал, что лучше получить японское гражданство, чтобы потом не было вопросов с паспортом. Кидо послушался совета, а слова отца еще долго не мог забыть. «Если что-то случится во время путешествия, — предупредил отец, — можно надеяться на защиту только со стороны правительства Японии, так как правительство Южной Кореи не знает о тебе, с этой страной у тебя нет “чувства”».

Тогда отец всего один раз упомянул это «чувство», а Кидо не стал переспрашивать, что тот имел в виду. Но, вероятно, отец просто выбрал неправильное слово и хотел сказать «связи». Ведь он и правда никогда не жил в Южной Корее, и тот факт, что он никак не был связан с этой страной как ее гражданин, был неоспоримым.

Но даже сейчас, когда уже прошло больше двадцати лет, он никак не мог отвязаться от того слова, которое отец использовал по ошибке. У Кидо возник образ очеловеченной Кореи, которая не испытывала никаких «чувств» по отношению к Кидо, а вот он, возможно, именно в тот момент впервые что-то «почувствовал» в отношении этой страны.

А может, именно этот смысл тогда и вложил отец в свои слова?

Отец серьезно говорил с ним об их гражданстве всего три раза, включая тот раз.

Когда Кидо размышлял, куда идти учиться после школы, отец сказал, что нужно получить какую-нибудь государственную лицензию, потому что существует дискриминация при приеме на работу.

Кидо к тому времени был уже японским гражданином, он был потрясен словами отца и подумал даже, что отец

неудачно пошутил, но тот был вполне серьезен. В результате, как и многие студенты гуманитарных направлений, слабо представляя себе, этим ли он хочет заниматься в будущем, он поступил на юридический, но во время учебы уверился в правильности своего выбора благодаря словам отца.

Отец еще раз поднял вопрос национальности накануне свадьбы Кидо. Он не был против женитьбы, но вместе с матерью предложил провести свадебную церемонию за рубежом. Бабушка по материинской линии очень хотела, чтобы внук надел на свадьбу традиционный наряд — чогори*. Кидо отказался, заметив, что «это уж чересчур», но, узнав, что родители жены озабочены тем же вопросом, решил организовать свадьбу на Гавайях, пригласив только родственников, после чего там же провести медовый месяц. Вернувшись в Японию, они устроили скромную вечеринку в ресторане. И при первом знакомстве, и на свадьбе Кидо со смешанным чувством стыда и жалости наблюдал, как его родители нервничают, общаясь с родителями Каори.

До недавнего времени лишь в этих эпизодах Кидо столкнулся с вопросом собственной этнической принадлежности, никаких четких воспоминаний об ущемлении прав у него не осталось, хотя, возможно, он просто был забывчивым человеком. Когда он поступил в университет и переехал в Токио, ему приходилось сталкиваться с такими же корейцами-дзайнити, как и он сам, которые рассказывали о серьезных фактах дискриминации, но он совсем не чувствовал в душе отклика на их истории.

* Жакет, основной элемент ханбока, корейского национального наряда.

К тому же Кидо был вполне нейтрален к политической ситуации, когда после так называемого высказывания Мураямы* в стране вспыхнула дискуссия на корейскую тему и исторический ревизионизм.

Только после Великого восточно-японского землетрясения, когда он стал размышлять о массовых убийствах корейцев в Йокогаме, Кидо впервые понял, что значит, когда на тебя смотрят как на корейца, и эта мысль вызвала в нем неприятные чувства.

А вслед за тем, словно подстегивая в нем эти чувства, в СМИ появились сообщения о росте японского национализма и ксенофобских ультраправых демонстрациях, спровоцированных посещением президента Ли Мён Бака спорных территорий — группы островов Такэсима, которые на Корейском полуострове называют Токто. Кидо был вынужден признать, что в стране, где он живет, есть люди, с которыми он не хотел бы встречаться, и места, которые он не хотел бы посещать. Подобные чувства вряд ли разделяли все люди, все граждане этой страны.

После этого старый университетский приятель впервые за много лет связался с Кидо, вероятно из добрых побуждений, и сообщил, что фотография Кидо из одного его школьного альбома была размещена в интернете с подписью: «Дзайнити стал адвокатом в Японии».

Пройдя по ссылке, Кидо увидел, что подозреваемый в деле о нападении и грабеже, которое он когда-то вел, еще до женитьбы, и уже благополучно о нем забыл, тоже кореец-дзайнити. Он и написал о нем, исказив все факты.

* В 1995 году премьер-министр Японии Томиити Мураяма, выступая по случаю пятидесятилетия завершения войны, заявил: «Наша страна в недалеком прошлом руководствовалась ошибочной политикой, шла по пути войны, что ввело народ в кризис существования. Колониальное господство и агрессия принесли народам многих стран, особенно народам азиатских стран, огромные ущерб и страдания».

Кидо не столько ранило, сколько ошарашило такое количество дискриминационных высказываний, гротескных и устаревших. Будучи сам дзайнити, он прежде такого никогда не слышал. А когда он увидел свое имя и школьную фотографию с подписью «Шпион и агент разведки», он не мог оставаться спокойным. На сайте даже было написано, что он женат и у него есть ребенок. Кидо так рассердился, что рука на мышке стала дрожать и будто энергия стала уходить из его тела, словно ничто больше не поддерживало его существование. В эту прореху ворвалось нечто холодное, грязное и неприятное, и ему казалось, что он больше не сможет от этого освободиться. В тот момент он впервые почувствовал, что его переживания могут принимать такое жидкое состояние, втекая и вытекая из него.

Никогда Кидо не рассказывал об этом жене. Он понимал, что поговорить стоит, но не хотел и не мог этого сделать. Не только Каори, но и ее мать, ярая поклонница корейских сериалов, с беспокойством следили за хейт-спичами, расстранившимися в последнее время.

Прежде он отмахивался от подобного, и даже если приходилось сталкиваться, то принимал все за какую-то ошибку, но теперь стал чувствителен в отношении предубеждений окружающих и дискриминации, и эта восприимчивость выматывала.

Что касается Северной Кореи, он, как и многие другие, критиковал авторитарный режим, а похищения японских граждан^{*} вызывали искреннюю жалость к жертвам и их семьям. Он хорошо понимал, что это влияет на жизнь корейской общины в Японии и оставляет незаживающие до сих пор раны, хотя и смотрел на все словно бы издалека. Он сердился

^{*} В 1970–1980-е годы северокорейскими спецслужбами совершались похищения японских граждан. Факт похищения тринадцати человек был позднее признан правительством Северной Кореи.

на то, что правительство Японии ничего не предпринимает, чтобы урегулировать вопрос.

Но когда Кидо рассматривал эту проблему в свете своей *этнической принадлежности*, она казалась иной. Он представлял, что было бы, если бы у него был родственник такого же возраста, живущий при режиме, и его захватывали размышления фаталистического характера.

Если бы его спросили, желает ли он объединения Северной и Южной Кореи, он, вероятно, кивнул бы утвердительно, однако объяснить свой выбор словами вряд ли бы сумел. Хотя он и представить себе не мог, когда такое будет возможно. Это касалось и вопроса о том, должна ли Япония выплатить репарации за войну и нормализовать дипломатические отношения с Северной Кореей.

Кидо хотел проигнорировать замечание Такаги, но тишина затянулась и стала слишком тяжелой, беседа застопорилась, поэтому он ответил:

— Людей похищали в 1980-е. Из-за нынешнего дела я поднял старые материалы и немного изучил их в связи с исчезновением Дайскэ. Было дело повара в китайском ресторане в Осаке, у него не было семьи, ему предложили работу в Мицдзаки, а оттуда перевезли в Северную Корею. Затем шпион, выдавая себя за него, приехал в Японию, где получил водительские права, медицинскую страховку, и действовал в течение нескольких лет, используя информацию о прошлом этого человека. После этого он отправился в Южную Корею, где его и схватили.

Изучая дела, Кидо узнал слово «крот», на японском полицейском жаргоне обозначающее иностранного шпиона, который выдает себя за местного жителя, украв данные из его семейного реестра.

— Ну вот! Этот ваш тип Икс тоже умер в Миядзаки! — сказал Такаги, широко раскрыв глаза, когда понял, что его предположение неожиданно попало в точку. Кажется, два постоянных клиента, сидевших за стойкой, тоже стали прислушиваться к разговору. Кидо понял, что дальше не может обсуждать это дело, ведь оно касалось частной информации его клиента.

— Да. Но теперь совсем другое время. Это просто случайное совпадение, — сказал он.

— В тех местах может быть еще много северокорейских агентов.

— Ну... в каждой стране действуют службы разведки, не думаю, что именно там их много.

— Но ведь в Южной Корее даже школьников настраивают против Японии.

Кидо уже надоела эта беседа, он сжал зубы, пытаясь изобразить улыбку на лице.

— Мы говорим о Северной Корее? Или Южной?

— Ну... какая разница.

— Это совершенно разные страны. В Южной Корее, разумеется, ученики на уроках истории проходят японский империализм, но вряд ли можно сказать, что их «настраивают против Японии». Судя по всему, так же, как и в Японии, они мало занимаются современной историей.

— Тогда почему они ненавидят нашу страну?

— У вас есть такие корейские друзья?

— Нет, но стоит включить телевизор, и сразу понятно.

— Ну... я бы рекомендовал вам съездить в Сеул и в каком-нибудь клубе поболтать с молодыми людьми.

Кидо не хотел портить впечатление от разговора еще больше, поэтому улыбнулся и попросил Мисудзу приготовить ему еще один коктейль с водкой. Такаги тоже больше ничего не сказал после того, как Кидо его осадил.

Мисудзу выглядела так, словно ее мысли были заняты чем-то другим, возможно, она думала о Дайскэ Танигути. Кидо был рад, что она оказалась безразлична к его дискуссии с Такаги.

Пока Кидо ждал коктейль, он взял в руки и стал рассматривать футляр от игравшего в тот момент диска The Kids & Me Билли Престона. На фоне жизнерадостной мелодии молчание между ним и Мисудзу было унылым.

— Будь это и правда похищение Дайскэ Танигути северокорейскими службами, это стало бы серьезным делом. Но Икс стал выдавать себя за Танигути относительно недавно. В наше время такого уже не бывает. Кроме того, Икс работал в лесозаготовительной компании в маленьком городке. Зачем шпиону сидеть в такой глупши?

Говоря это приглушенno, подаввшись вперед, чтобы остальные не слышали, Кидо вдруг осознал психологическую связь между ним самим и Иксом. Оба попали в ситуации, в которых можно было усомниться в их японской идентичности.

— Пожалуйста, второй коктейль. — Мисудзу с улыбкой протянула ему стакан, никак не отреагировав на только что сказанное.

— Мне так было жалко Дайскэ. Вы знаете о рисках, связанных с донорством печени?

— Без подробностей.

— Тогда я слышала, что в Японии на пять тысяч пятьсот человек умирает один.

— Из доноров?

— Да, риск всего две сотых процента. В остальных случаях доноры выживают, но в десяти, а то и двадцати процентах случаев остаются последствия: хроническая усталость, боль и другие осложнения. Бывает психологическая подавленность.

— Отец Дайскэ просил его стать донором?

— Думаю, нет. Уверена в этом. Хотя, если бы отец и врачи просили об этом, Дайскэ вряд ли стал бы рассказывать.

— Его старший брат утверждал, что Дайскэ сам предложил стать донором.

— Возможно, так и было. Ему не хватало любви родных, — сказала Мисудзу довольно банальную фразу с жалостливой интонацией, а затем продолжила: — Но не только это. Я думаю, он чувствовал, что обязан выполнить свой долг. Потому что тогда отца мог спасти только он... Риск — это не просто черное или белое. Он действительно корил себя за то, что опасался, вдруг именно он станет тем самым, одним из пяти тысяч пятисот человек. Спрашивал себя, почему так боится того, что остальные могут без страха сделать ради спасения члена семьи. Когда врач сказал, что после операции большая часть доноров быстро возвращаются к нормальной жизни без каких-либо ограничений, он думал, что станет одним из тех, кого ждут осложнения.

— Это вполне понятно.

— Вы понимаете? Но... он себя загнал в угол и в результате принял такое решение. Он был у меня перед глазами, я жалела его... но ничего не могла сделать.

Кидо несколько раз кивнул, демонстрируя, что тоже сочувствует Дайскэ и разделяет чувства Мисудзу.

Из динамиков доносились сладостные звуки известной баллады You Are So Beautiful.

На втором куплете: «Such joy and happiness you bring... just like a dream» — фортепиано и струнные достигли драматической кульминации, после чего начался припев. Кидо заметил на глазах Мисудзу слезы. Сначала он подумал, что она плачет из-за Дайскэ Танигути, но она объяснилась:

— Я всегда плачу, когда слышу эту песню. Видимо, возраст, становлюсь все сентиментальнее.

С улыбкой Мисудзу вытерла глаза, будто и сама удивилась своей реакции. Кидо завороженно смотрел на привлекательное выражение ее лица в этот момент. В ответ на ее улыбку он тоже улыбнулся.

— Я знаю только томную версию Джо Кокера, а это оригинал? — спросил он.

— Да, эта мне нравится больше.

— Впервые слышу, но мне, наверное, тоже. Хорошая песня.

— И я о том же.

— Раньше, когда я слышал тексты песен, в которых воспевались прелести возлюбленной, мне было как-то неловко даже. Наверное, с возрастом это меняется...

— Да, — сказала Мисудзу со вздохом, вытерла слезы, посмотрев наверх, и, кажется, успокоилась.

— Кёити всегда считал Дайскэ «непутевым типом». Чтобы тот ни делал, все было плохо. Он не мог понять и принять того, что я встречаюсь с Дайскэ. То, что его младший брат может стать единственной надеждой на спасение отца, вызвало у него непростые чувства. И то, что Дайскэ никак не может решиться, раздражало его еще больше.

— Понятно.

— Он все твердил, что не такой уж это и большой риск, чтобы из себя жертву трагедии строить, и не такое уж он большое одолжение делает. По словам Кёити, будь у него здоровая печень, он бы вообще без рассуждений согласился стать донором.

— Он это сказал напрямую Дайскэ?

— Матери. Дайскэ случайно услышал.

— Ясно.

— После такого любому захочется уйти из дома. У него не осталось никого в семье, на кого можно было бы

положиться. А что уж дальше случилось, убили его или похитили...

Мисудзу оборвала фразу на полуслове и покачала головой, снова погрузившись в размышления. Рассыпанные по плечам волосы колыхнулись. Правой рукой она заправила волосы за уши, а затем поднесла бокал к губам.

— Надеюсь, он еще жив. Я постараюсь его поискать.

Кидо подумал, что Дайскэ Танигути был неплохим парнем. Хотя бы судя по его выбору возлюбленной и тому, как сильно такая женщина любила его.

То же можно было сказать и об Иксе, который любил Риэ, ведь и она любила его. Однако подобные аналогии не всегда были справедливы. Первый муж Риэ хотя и вызывал чувство жалости, но человеком был не слишком симпатичным.

Мисудзу посмотрела на фотографию Дайскэ Танигути, а затем на фотографию Икса. В этот момент, как ни странно, Кидо вдруг показалось, что он уже где-то видел лицо Икса.

Но к этому времени он уже немного захмелел, поэтому глубже копаться в своих воспоминаниях не смог. Бросив взгляд на часы, он с сожалением понял, что пора уходить, и попросил у Мисудзу счет.

Глава 5

В тот день, когда приехал Кёити, Риэ, пребывая в шоке от неожиданно вскрывшихся фактов, пошла вместе с ним в полицию. Несмотря на недоверие к Кёити, она считала, что нужно сообщить о нарушении закона.

Полицейский участок находился прямо напротив автобусной станции, с которой она раньше ездила в школу, но внутри участка она оказалась впервые.

Риэ чувствовала себя странно.

Она принялась поспешно рассказывать детективу о сложившейся ситуации, но, пока она говорила, ее стало мучить беспокойство: а вдруг вокруг этой загадочной истории поднимут шумиху. Если полиция начнет расследование, то это неизбежно повлияет и на ее детей. В маленьких городах слухи распространяются мгновенно. Возможно, об этом даже напишут в газетах...

Полицейский, который принял ее, почему-то с самого начала рассказа был в плохом расположении духа. Выслушивая сбивчивые объяснения Риэ и Кёити, он то и дело покачивал головой.

— Как так? А умер-то кто? — спросил он.

Полицейский не стал советоваться с коллегами и велел Кёити подать заявление об исчезновении Дайскэ Танигути. Риэ спросила, есть ли какой-то способ узнать, кем был ее покойный муж, но полицейский сказал, что приоритетом являются поиски настоящего Дайскэ Танигути.

После этого из полиции не было никаких новостей. Спустя две недели она позвонила сама, но ей безучастно сообщили, что результат проверок в списках пропавших без вести ничего не дал. Когда она спросила про выяснение личности мужа, от нее просто отмахнулись, сообщив, что не представляется возможности провести расследование в настоящий момент.

Риэ не знала, что еще сможет сделать сама.

Поговорить с Кидо она решила не просто потому, что доверяла ему как адвокату. Неожиданно для нее семь лет, которые прошли с момента возвращения домой, вдруг утратили реальность и стали расплывчатыми. В ее памяти самым отчетливым оказалось время в Йокогаме после смерти Рё. И тогда единственной опорой для нее стал не кто иной, как Кидо.

Когда Риэ сказала ему по телефону, что особенно не надеется на полицию, Кидо все тем же спокойным голосом, что и раньше, ответил:

— Я сомневаюсь, что полиция что-нибудь сделает. В год у них тысячи дел о пропавших без вести. Они ведь тоже простые госслужащие, лишняя головная боль из-за выяснений личности покойного им не нужна.

Риэ, хоть и была ошарашена таким отношением полиции, почувствовала облегчение оттого, что рядом есть человек, трезво оценивающий ситуацию, и задала вопрос, который бы не решилась задать полиции:

— Мой муж... может, он был замешан в каком-то преступлении?

После размышлений Кидо осторожно сказал, что вероятность правонарушений есть, но попросил дать время, чтобы выяснить все детали.

Так год подошел к концу, а в феврале следующего года Кидо приехал навестить Риэ в Миядзаки.

Они встретились в рабочем кабинете в магазине. Кидо сказал, что еще не обедал, поэтому Риэ предложила отвести его в ресторанчик по соседству, где подавали угрей. В том самом ресторане Икс впервые рассказал ей о прошлом Дайскэ Танигути, но она его выбрала просто потому, что это было единственное место неподалеку, куда можно было привлечь гостя.

Они не виделись уже семь лет, Риэ подумала, что Кидо немного постарел, хотя ничего не сказала вслух. На его висках заметно прибавилось седых волос.

— Много дел? — спросила она.

— Да, в феврале многовато было. Но сейчас стало спокойнее.

Он приподнял очки, двумя средними пальцами помассировал уголки глаз и улыбнулся.

Раньше они всегда общались в его офисе в Йокогаме, поэтому встреча в другом месте казалась немного необычной.

В паузах в разговоре Кидо переводил взгляд на окно и смотрел на безлюдную картину провинциального города, окруженного горами, словно его поглощал этот пейзаж. Он похвалил вкус еды, с аппетитом съев порцию угря с рисом высшего качества и густой суп годзиру, который подавали вместо стандартного бульона из рыбных потрохов.

Кидо был спокойным и внимательным человеком, во время бракоразводного дела после смерти ребенка его теплая улыбка не раз успокаивала Риэ. И в эту встречу, семь лет спустя, он был все таким же внимательным и деликатным. Но Риэ бросилось в глаза, что время от времени на его лице появлялось одинокое выражение. Хотя, вероятно, он сам этого не замечал.

Кидо порекомендовал для начала навести порядок в семейных реестрах Риэ и рода Танигути.

Если ее покойный муж не был Дайскэ Танигути, то нет никаких оснований оставлять его фамилию. Риэ согласилась с этим. С одной стороны, она была привязана к фамилии Танигути, ведь знала своего мужа под ней, но в то же время после встречи с Кёити чувствовала себя некомфортно, оттого что жила с фамилией совершенно чужого для нее человека.

Риэ тревожил вопрос о страховании жизни, которое оплачивал Икс под именем Дайскэ Танигути, но Кидо объяснил, что ничего возвращать не нужно.

— Хотя в документах значится имя Дайскэ Танигути, именно Икс подписал документы и делал взносы. Поэтому вы оставляете выплаченную страховку себе. Нет необходимости менять имя страхователя. Вам не нужно об этом беспокоиться, если будут проблемы, я все устрою.

В семейном реестре «Дайскэ Танигути» и Риэ местом жительства был указан дом семьи Риэ в городе S, Кидо подал прошение о поправках в реестре в суд по семейным делам Миядзаки.

Кидо запросил отменить исключение Дайскэ Танигути из реестра в связи со смертью. Благодаря этому Дайскэ Танигути, на имя которого в полиции оформлено заявление о пропаже человека, в семейном реестре останется в статусе живого человека.

Кроме того, имя Риэ должно было быть удалено из реестра Дайскэ Танигути, а она восстановлена в своем семейном реестре под девичьей фамилией Такэмото. Иначе говоря, брак Риэ с Дайскэ Танигути становился недействительным из-за ошибки. В результате из семейного реестра Риэ должны быть стерты данные о втором браке, а дочь Икса — Хана — становилась рожденной вне брака.

В обычной ситуации Кидо справлялся с этой процедурой и без клиента, но, учитывая сложность дела, суд по просил Риэ явиться лично. Кроме того, возникла необходимость ДНК-теста, чтобы доказать, что Икс не являлся Дайскэ Танигути. Кидо забрал с собой личные вещи покойного: электробритву, зубную щётку, одежду с прилипшими волосками и кусочки для ногтей — и вернулся в Йокогаму.

Риэ с Кидо провели почти полдня вместе, успев переговорить на самые разные темы.

Риэ помнила, что тогда у Кидо не было детей, но теперь выяснилось, что у него есть сын примерно возраста Ханы, поэтому они долго обсуждали проблемы воспитания. Когда она спросила, что он делал во время землетрясения, Кидо рассказал ей об улицах, запруженных машинами, о толпах людей, стремящихся домой, после того как транспортная система была парализована, о треснувших зданиях, об отключениях и перебоях с водой, о затишье в Китайском квартале Йокогамы, поскольку иностранные рабочие вернулись домой и клиентов стало меньше.

Риэ подумала, что если бы Рё не умер, а она не развелась с первым мужем, то все это пришлось бы пройти и ей. И она бы никогда не познакомилась с человеком, погившим в аварии на лесозаготовках в этом городе.

Кидо умел слушать, и это, разумеется, помогло ей выговориться. Собирая вещи Икса, она рассказала Кидо об их первой встрече и о том, каким он был человеком, ведь о таком по телефону не поговоришь.

Кидо на всякий случай делал фотографии вещей и внимательно изучил блокноты с рисунками Икса, перелистывая один за другим. Наблюдая за профилем Кидо, Риэ подумала, что уже давно не видела человека, так спокойно погруженного в размышления.

— По этим работам можно представить его характер. Словно мальчик стал взрослым, но так и не изменился.

— Он очень старался, когда рисовал. Хотя это не настолько хорошие рисунки, чтобы кому-то их показывать, но они отражают, как зеркало, его душу... Он был такой, как на этих рисунках. Простой, серьезный, внимательный. Мне казалось, что такой человек ни за что не может соврать, кого-то обмануть...

Кидо поддакивал, показывая, что прекрасно понимает, периодически подбадривая ее. Он согласился взяться за расследование личности Икса, но назвал невероятно низкий гонорар.

— Адвокат Кидо, вы очень хороший человек, — поспешила сказать Риэ, а затем пожалела.

Хотя она так искренне думала и хотела ему сообщить об этом, но, вероятно, нужно было найти более подходящее выражение.

Слегка откинувшись назад, Кидо с улыбкой ответил:

— Это просто моя работа.

Риэ стало неловко, ведь это вовсе не Кидо, а она сама стала чувствительной от одиночества средних лет.

Хотя Кидо пробыл в Миядзаки считаные часы, Риэ действительно почувствовала себя одинокой после его отъезда. Она не хотела, чтобы он остался подольше, просто чувствовала себя одинокой.

Она несколько раз прокручивала в голове слова полицейского, который спросил: «А умер-то кто?» В голове она поменяла этот вопрос на «Кто умер?». Хотя суть не менялась, ей показалось, что это меняет смысл.

Ты можешь обменяться с кем-то жизнью. Риэ и в ужасном сне не могла себе такого представить, но ее муж и правда это

сделал. Он действительно жил жизнью другого человека. А как быть со смертью? Смерть — это единственное, чем ты ни с кем не можешь обменяться.

Не стоит и говорить, что она это узнала на собственном опыте, потеряв сына.

Рё был веселым и активным малышом, он много играл со старшим братом Юто и поразительно быстро научился говорить. В год и десять месяцев он уже обходился без подгузников, воспитатели в детском саду были удивлены, а муж с гордостью говорил, что все это благодаря методу раннего воспитания, о котором он прочитал в интернете.

Однако незадолго до того, как Рё исполнилось два года, он начал часто мочиться в постель. Он стал писаться и днем в детском саду, поэтому Риэ и воспитатели пришли к выводу, что отказываться от подгузников слишком рано, и вновь стали их использовать. Муж тогда ругался за то, что они вновь вернулись к подгузникам, особенно когда перед сном Рё начинал плакать и просить попить. Муж говорил, что надо терпеть, ведь он опять описывается. Из-за этого они частенько ругались с Риэ.

Через некоторое время Рё стало нездоровиться, иногда его рвало.

Сначала Риэ подумала, что все это из-за слишком строгого воспитания мужа. Когда она спрашивала, болит у него живот или нет, он всегда отвечал как-то невнятно. Поэтому она никак не могла понять, что именно не так. Одно было ясно: по утрам, перед тем, как идти в сад, у него начинала болеть голова.

Муж Риэ злился, думая, что она винит его в происходящем. Как-то раз он сам, что бывало редко, поехал за Рё в детский сад, а затем, не сообщив Риэ, отвел его к педиатру. «Это просто простуда», — сказал он по возвращении и бросил на кухонный стол пакет с лекарствами.

Вспоминая произошедшее, Риэ подумала, что позже муж сожалел о своем поведении тогда, но в результате весь их брак пошел под откос.

Но и после недели приема лекарств Рё не стало легче. Риэ решила еще раз показать Рё врачу, на этот раз тому, кто его обычно наблюдал, но муж был против: «Если ты будешь постоянно спрашивать, болит ли у него голова, то Рё и сам в это поверит. Это станет психосоматической болью, и в этом будешь виновата ты сама».

Осмотрев Рё, врач посоветовал им немедленно отвезти его в большую больницу и выписал направление. Тогда он впервые высказал опасения, что это может быть опухоль мозга.

На следующей неделе провели МРТ и подтвердили, что в базальных ганглиях мозга обнаружена опухоль — типичная герминома. Неконтролируемое мочеиспускание и жажда оказались следствием диабета, сопутствующего этому заболеванию.

До сих пор Риэ жалела о том, что изо всех сил цеплялась и верила в слово «выздоровление» после первого осмотра. Врач казался уверенным в своем диагнозе и не объяснил вероятность глиобластомы так, как он позже утверждал. Риэ было сложно смириться с реальностью, но, как ни странно, муж быстро принял этот диагноз. Мужественное противостояние трагической судьбе стало для него поводом для самоуважения. Казалось, что он даже упивается этим, что это была своего рода компенсация за все те обиды, которые он терпел от жены из-за болезни сына. Муж демонстрировал свою готовность к борьбе за сына.

Но именно Риэ пришлось бросить работу в банке, устроиться на раскладушке возле постели Рё в больнице, чтобы днем и ночью в течение трех месяцев ухаживать за сыном. Муж был просто уверен в том, что сын «выздоровеет». «Вполне резонно попробовать лучевую и химиотерапию», — говорил

он, вечно повторяя, что она как гуманитарий и как женщина просто не разбирается в сложных вещах, но и сам не понимал, каким тяжелым может оказаться такое лечение для ребенка.

Риэ изо всех сил старалась не вызывать в памяти воспоминания о том, как Рё мучился от непрекращающейся рвоты. Во рту мальчика было воспаление, боль от глотания собственной слюны доводила его до слез, и она наблюдала, как он таял на глазах. Да и сама Риэ с трудом могла спать или есть, за три месяца она потеряла девять килограммов, хотя и без того всегда была хрупкой. Но она продолжала верить в слово «выздоровление» и крепко сжимала сына, который метался от боли, продолжая лечение. До сих пор она чаще вспоминала не плачущего Рё, а те моменты, когда приходил врач и говорил: «Держись молодцом. Мальчики должны терпеть...», на что Рё, сидя на краю кровати и сложив ручки на коленях, серьезно отвечал: «Да, конечно». У него было наивное выражение в тот момент. Волосики уже выпали, а лицо распухло так, что прежнего Рё было сложно узнать. Он всегда отвечал так: «Да, конечно», потому что отец привил его давать развернутый ответ взрослым. Сколько раз Рё появлялся в снах Риэ после смерти, кивая в ответ и говоря: «Да, конечно».

Какое же отчаяние охватило ее, когда она узнала, что все страдания, которым они подвергли Рё, оказались бессмысленны. Они должны были посвятить оставшиеся дни его короткой жизни хотя бы тому, чтобы накормить его тем, что он больше всего любил, водить в зоопарк, который ему так нравился, баловать его всем, что он попросит, пусть и недолго позволить ему радоваться жизни. Как будто была необходимость в таком суровом воспитании. Если бы она только могла знать! Когда Риэ стало известно, что «выздоровление» не наступит, что Рё *не удастся спасти*, у нее перехватило

дыхание, будто невидимая рука грубо закрыла ей рот и крепко сжала в своей хватке. Внутри становилось то жарко, словно разожгли огонь, то холодно, будто насыпали льда. Она лихорадочно терла руки и ноги и плакала.

Риэ казалось, что только теперь она наконец поняла, что тогда происходило с ее организмом.

Она хотела тогда сойти с ума, чтобы утратить способность что-либо чувствовать.

Риэ не могла умереть вместо Рё. «Я готов умереть вместо своего ребенка» — это выражение кажется банальным, но она искренне и мучительно желала лишь этого. Все, что она могла сделать, — отправлять свои молитвы без адреса, прося о чуде. Но, в конце концов, только Рё мог умереть своей смертью. А для Риэ не было другой смерти, кроме той, что ждала ее.

«Кто умер?» — продолжала она бормотать про себя. Согласно записям семейного реестра, умершим был человек по имени Дайскэ Танигути. Однако смерть Дайскэ Танигути может принадлежать только человеку, которого так зовут. Кем же был ее покойный муж? Риэ все думала об этом. Иными словами, за кого умер этот человек.

Раньше Риэ никогда не была склонна к таким абстрактным размышлениям. Когда она поняла, что Рё умрет, ее тело изо всех сил старалось сойти с ума, но теперь, чтобы продолжать жить, ей не оставалось ничего, кроме как размышлять.

Кидо называл покойного мужа Икс, но Риэ даже ради удобства не делала этого.

Обращение к человеку не по его имени, а по условному коду, который ты выбрал без его разрешения,казалось ей оскорблением. Всякий раз, когда она слышала, как Кидо говорит «Икс», у нее возникало ощущение, что они обсуждают

незнакомого человека, и слова ускользали от нее. Ей казалось, что Икс прошел мимо, она останавливалась посреди разговора и оборачивалась. Она чувствовала, что это должно было относиться к ее мужу. Но, не зная его *настоящего* имени, она не могла окликнуть его и просто смотрела вслед удаляющейся фигуре.

Мертвые не могут взвывать к нам. Они могут только ждать, пока мы позовем их. Однако мертвых, имена которых неизвестны, никто не может окликнуть, поэтому они все глубже погружаются в одиночество.

Стоя перед фотографией мужа на алтаре, Риэ не знала, что сказать, чтобы он обернулся. При его жизни, когда рядом были дети, она называла его «папа» или «отец», но, когда они оставались одни, она говорила «Дайскэ-кун». Из-за того самого впечатления от его блокнотов со скетчами ей хотелось добавлять к его имени *-кун*, будто он был одним из ее одноклассников в начальной школе. Казалось, что после слога *-скэ-* сам собой напрашивается суффикс *-кун*.

Но имя Дайскэ тоже принадлежало совершенно чужому человеку.

Риэ вызывала в памяти воспоминания о том, как звала его Дайскэ, когда расстояние между ними было самым маленьким, а любовь к мужу была самой глубокой. Когда никого больше нет рядом, когда ты вряд ли перепутаешь его с кем-то другим, когда нет необходимости отличать его от кого-то другого, даже тогда — особенно тогда! — мы обращаемся к любимому по имени.

Она задавалась вопросом: что он мог чувствовать в такие моменты, когда его жена произносила имя другого? Когда любовь жены пропитала каждый уголок этого имени, а звучание этого имени постоянно окутывало его?

Его имя было не единственной проблемой. Покойный муж Риэ рассказывал о прошлом Дайскэ Танигуди, и она глубоко сопереживала ему.

Ей нравилось представлять, каким могло быть детство мужа, о котором он не хотел рассказывать. Будь он даже ее одноклассником, наверное, могло бы так статься, что до перехода в следующий класс они бы и парой фраз не перекинулись.

Наверное, он был тихим, серьезным мальчиком, который во время обеда уходил в укромное местечко, чтобы поиграть в одиночестве. Таких обычно исключают из болтовни о том, кто в кого влюблен в классе, но они совершенно не возражают. Однако когда все начинают вспоминать о детстве, то почему-то именно образы девочек и мальчиков такого типа всплывают в мозгу гораздо ярче, чем образы тех одноклассников, с которыми общались каждый день. Почему-то именно воспоминания о них кажутся ностальгическими...

После свадьбы он оставался все таким же мягким и понимающим. На лице всегда было выражение спокойствия, он ни разу не повышал голос на Риэ или детей. Он был полной противоположностью ее предыдущему мужу, который был раздражителен после рождения Юто, и в результате из-за этого взрослые не заметили вовремя тех изменений, которые происходили с Рё.

Риэ считала, что никогда не была так счастлива, как в течение трех лет и девяти месяцев супружеской жизни с ним. Но вместе с концом его жизни эти воспоминания стали напоминать волчок, крутящийся на одном месте, который вдруг падает на бок и больше не двигается.

Если бы он остался жив, Риэ, возможно, никогда бы не заметила противоречий, подобно тому как пятно грязи на вершине волчка выглядит будто идеальный круг, пока тот продолжает вращаться.

Воспоминания о муже оставили свой след в каждой части ее тела. Ей было страшно, что за всем этим может скрываться жуткое лицо, которое на самом деле соответствует бесплодному прозвищу Икс.

Должна быть веская причина, по которой он сделал такое. В это ей хотелось верить. Но почему он не сказал ей? С момента их знакомства прошло четыре с половиной года. Они были искренни и доверяли друг другу. У него было достаточно возможностей, чтобы открыться ей.

Стоя перед его фотографией, каждый раз Риэ смотрела ему в глаза, не зная, как его назвать. Может ли напускная искренность, тщательно сыгнитированная, на самом деле оказаться ложью?

Глава 6

Кидо объяснил Риэ, что решение суда по их ходатайству об аннулировании записи о смерти Дайскэ Танигути и восстановлении девичьей фамилии Такэмото в семейном реестре может занять от двух месяцев до года. Что касается возвращения фамилии, в случае отказа им пришлось бы подавать иск о признании брака недействительным. Но через пять месяцев в начале августа оба прошения были удовлетворены.

Тест ДНК подтвердил, что Икс не являлся Дайскэ Танигути, после чего второй брак Риэ был удален из записей.

Теперь ее прошлое было исправлено: замужем по документам она была всего лишь раз и официально больше не считалась вдовой.

Ошибка закралась не в официальные процедуры, а в ее действия. Она решила, что вышла замуж за человека по имени Дайскэ Танигути, которого на самом деле даже никогда не видела, публично объявила об этом всем вокруг, а затем, когда этот неизвестный человек умер, подала в государственные органы заявление о смерти. При мыслях об этом ее охватывала грусть, странная и щемящая, она переставала понимать, кем после всего этого является сама.

Закончились летние каникулы, тем утром должна была состояться линейка по случаю начала второго семестра в школе Юто.

— Мам, я пыталась разбудить Юто, но он не встает, — сказала Хана.

— Что? Не встает? — переспросила Риэ, оглянувшись на дочку. Риэ готовила в этот момент яичницу на завтрак.

— Я вот что думаю. Юто привык высыпаться по утрам на каникулах, вот ему и не проснуться сейчас. Так я думаю.

С этими словами она улыбнулась, а глаза стали напоминать узкие щелочки, вроде молодого месяца. В следующем месяце Хане исполнялось пять лет, и когда она хотела высказать собственное мнение, то всегда начинала с вводной фразы: «Я вот что думаю», как в английском, после чего делала паузу, слгатывала, смотрела куда-то наверх, приводя мысли в порядок. Риэ казалась эта манера дочери забавной, и пока она ждала продолжения рассказа, не могла сдержать улыбки.

С самого рождения Хана была пухленьким ребенком — не толстой, но ручки и ножки были в меру упитанные, что хотелось до них дотронуться. Прикосновение к такому малышу несравненно ни с чем другим на свете.

С тех пор как она научилась ходить, много двигалась и бегала в детском саду, контуры ее тела стали подтягиваться, а за этот год ручки и ножки стали стройными. Она больше не была пухлой девочкой, да и сама уже вряд ли помнила, что взрослые раньше ее так называли.

Дети растут так быстро, что черты, характерные в младенчестве, исчезают, не успеешь и оглянуться. Риэ с болью и неопределенностью думала о том, были ли качества характера ее умершего сына Рё — сообразительность, терпение, миловидность, обаяние, пугливость — чем-то, что тоже изменилось бы с возрастом.

Глядя на Хану сейчас, Риэ видела, что с каждым днем она становилась все больше похожа на своего отца, по крайней мере внешне. Особенно глаза. Хотя переносица была четко очерченная, чего не было ни у Риэ, ни у ее мужа, но внешне

девочка была похожа на человека, личность которого все еще оставалась неизвестной.

Внезапно у Риэ появилось дурное предчувствие, ей показалось, что кровь отлила от лица. Положив яичницу на тарелку и намазав подсущенный в тостере хлеб джемом и маслом, Риэ сказала:

— Хана, я пойду разбуджу брата. Ты поешь без меня? Бабушка скоро встанет.

— Хорошо! — ответила Хана.

Когда Риэ вошла в комнату Юто на втором этаже, там был включен кондиционер, а Юто лежал на постели, завернувшись в покрывало.

— Что случилось? Плохо себя чувствуешь? — спросила она.

Не дожидаясь ответа Юто, Риэ присела на край его кровати и положила руку ему на спину. Лежа лицом к стене, Юто теперь еще плотнее свернулся калачиком. Риэ протянула руку, чтобы пощупать лоб и проверить, нет ли температуры, но он зарылся лицом в подушку. Под пальцами она не почувствовала жара.

— Если тебе нехорошо, скажи мне. Мы тогда съездим к врачу.

— Все хорошо.

— Правда?

Через некоторое время Юто медленно сел. Приглаживая взъерошенные волосы, он сказал, опустив глаза:

— Мама, ты слишком много беспокоишься. Я ведь не Рё. Ты поднимаешь переполох каждый раз, когда я простужаюсь или начинает болеть голова. Я — это я. Я не Рё.

Риэ вздохнула и кивнула.

— Разумеется, все так, но ты ведь понимаешь, что я ничего не могу с этим поделать? После того, что мы пережили. Я думаю, мое беспокойство уже никуда не денется больше, тебе просто придется с ним жить.

Подняв голову, Юто вымученно улыбнулся. Риэ еще раз подумала о том, что в его возрасте он уже потерял трех близких членов семьи. На первый взгляд, непонимание трагичности смерти, свойственное детям, казалось, защитило его от глубоких психологических травм. Но даже если и так, его детство сложно сравнить с беззаботным и счастливым детством Риэ. Ей даже показалось странным, что он просто будет взрослеть дальше, так и не отреагировав на все эти потери.

— И правда все хорошо?

— Да. Я здоров, ничего не болит...

— Тогда что с тобой? Настроение?

Юто оставался неподвижным, было видно, что он думает. Он уже был выше ее ростом, и на щеках появились прыщи.

— Скажи мне.

Юто снова почесал голову, провел руками по лицу, закусил губу и стал подыскивать слова.

— Я... не хочу менять фамилию... Мы не можем оставить фамилию Танигути?

Риэ с досадой на себя подумала, почему же раньше не догадалась об этом. Она ведь ничего не рассказала ему про то, что узнала о покойном муже, а просто сообщила, что они меняют фамилию. А Юто тогда, как ни странно, только кивнул, больше ничего не спросив.

— Когда я родился, у меня была фамилия Ёнэда. Потом вы развелись, и я стал Такэмото, в начальной школе я стал Танигути. В средней школе все — и ребята из моего класса, и из младших классов — зовут меня Танигути. А теперь мы опять станем Такэмото? Возможно, тебе будет привычно с этой фамилией, но для меня это фамилия бабушки и девушки. Мне как-то странно. Каждый раз, когда меня будут называть Танигути, мне придется говорить, что я теперь опять Такэмото. Мне не хочется этого делать...

— Понимаю.

— Мам, если ты опять выйдешь замуж, моя фамилия опять изменится! Хорошо бы, чтобы вообще больше не было никаких фамилий...

Юто демонстративно хлопнул себя по коленям и улыбнулся.

— Я больше не выйду замуж. Мне уже хватит.

Для Риэ перемена фамилии в связи с замужеством была делом естественным, однако когда она оказалась в доме родственников первого мужа, то резко почувствовала что-то странное: ведь фамилия принадлежала не только ее мужу, но и всем этим чужим для нее людям. Возвращаясь в дом родителей, она всегда с нежностью думала о своей девичьей фамилии Такэмото, которая еще жила внутри ее. Со вторым мужем ситуация была совершенно иной, но отторжение, которое вызвал Кёити при первой встрече, вероятно, имело такие же корни.

А что, если человек не любит своих родных родителей? Значит ли это, что он не будет испытывать привязанности к своей фамилии?..

— Мам, ты уже забыла папу?

— Как я могу его забыть.

— Когда мы наконец похороним урну с его прахом? Ты перестала совсем о нем говорить. Это странно.

— ...

— А можно я оставлю себе фамилию Танигуди, когда ты опять станешь Такэмото? Мне... мне жалко папу. От него отвернулась родная семья, и мы его вроде забыли.

Звук старого кондиционера подчеркивал напряженную тишину первого школьного дня.

У Юто стал ломаться голос, когда они семьей ездили в Бэппу на праздник Обон, а после возвращения стал совсем

низким. Возможно, из-за этого сын вдруг стал казаться Риэ взрослым.

За время их короткого разговора лучи солнца, пробивавшиеся сквозь шторы, стали заметно ярче, а стрекотание цикад громче, словно наступающий день подбадривал их.

Риэ, плотно сжимавшая губы до этого, вздохнула:

— Каким был твой отец?

— Каким? Добрый. Разве нет?

— Да, ты прав.

— Даже когда он мне выговаривал, он просто садился рядом и объяснял, почему так нельзя делать. Он всегда внимательно меня слушал. Он был гораздо лучше, чем мой первый отец. Я знаю, что с первым отцом я связан кровными узами, но мне бы хотелось, чтобы мой второй папа был мне настоящим отцом. Я завидую Хане.

После того как Риэ снова вышла замуж, Юто никогда не употреблял фразу «настоящий отец». В то время ему было всего восемь лет, и он повторял за Риэ, называя своего настоящего отца «первым отцом». А потом, из любви к своему «второму отцу» или, возможно, из уважения к маме, он, похоже, пришел к решению никогда больше не говорить «настоящий отец». Ведь это значило бы, что его второй папа «ненастоящий».

Когда Риэ поняла ход мыслей сына, она еще больше прониклась его внимательностью. Казалось, эта черта досталась ему не при рождении от первого отца, а была приобретенной благодаря влиянию второго.

— Папа тоже очень любил тебя.

— Я... после того как папа умер, я больше не грущу так. И бабушка очень о нас заботится. Просто, как бы это сказать... — с этими словами Юто смущенно улыбнулся, — мне очень тоскливо без него. Я каждый день прихожу домой, и мне все время хочется столько всего у него спросить.

У него задрожали плечи, и он разрыдался. Риэ тоже стала плакать, тихонько гладя мальчика по спине.

— Ты любил папу.

— Мама, наверное, у тебя есть какие-то причины так поступать... но, если я перестану быть Танигути, мне кажется, он перестанет быть моим папой. Я буду ребенком лишь своего первого отца... а мой второй отец будет только твоим вторым мужем... и Хана будет его ребенком, и у нас с ней будут разные отцы.

Риэ видела лишь слезы, которые падали ему на колени, — он так и не поднимал лица. Все, что она могла разглядеть, — это покрасневшие щеки.

Он впервые так плакал у нее на глазах после похорон.

С первого этажа донесся голос бабушки:

— Ой, Хана здесь одна сидит? А где мама? На втором этаже? Риэ, Хана тут одна завтракает.

— Я уже иду.

Юто, сдерживая рыдания, тер покрасневшие глаза.

— Юто, ты можешь оставить себе папину фамилию. Хорошо? Мне из-за юридических проволочек пришлось вернуть себе старую. Я потом все объясню. Там все так запутано. Извини, что раньше не поговорила с тобой. Прости меня.

Риэ подумала, что должна объяснить ему, что происходит. Сначала она хотела дождаться прояснения ситуации, но ведь неизвестно, когда это наступит.

Но как он отреагирует, когда узнает, что его любимый отец их обманывал?

Юто догадывался, что мама что-то скрывает. Когда она сказала про «запутанную ситуацию», он решил, что его предчувствие про третий брак должно быть правдой. Позже Юто рассказал об этом Риэ, и она была поражена тем, что он сделал такой вывод. Юто объяснил, что пришел к этому выводу после того, как Кидо приехал к ним в магазин и они

с мамой куда-то ушли, а потом еще тихо переговаривались по телефону.

Черты лица Юто, красного и припухшего от слез, слегка изменились в глазах Риэ. Юто молча кивнул, поднялся с кровати и пошел раздвигать шторы. Затем, взглянув на улицу, он еще раз грубо смахнул слезы. В такие моменты, когда Риэ видела, как растут ее дети, она всегда напоминала себе, что нужно быть сильной и двигаться вперед.

Глава 7

— Вы купили это кольцо для себя?

— Да.

— Не для ребенка?

— Для себя.

— Но вы дали кольцо ребенку в руки?

— Я просто дала ей подержать. И она так обрадовалась, что перестала плакать. Всего один раз.

— Другими словами, вы знали, что ваша дочь держит кольцо в руке, и вы позволили ей. Все верно?

— Я уже сказала, всего один раз. И я тогда смотрела за ней. Да.

— Вы не использовали кольцо в качестве пустышки, чтобы ваша дочь перестала плакать?

— Я бы ни за что этого не сделала! Нет. Но производитель должен был предупредить, что нужно быть осторожным, ведь маленькие дети могут положить его в рот. Я понимаю, что кольцо для взрослых, но если его покупает молодая женщина, то, как правило, у нее есть дети. Для студента университета продавать подобный товар без предупреждения о последствиях просто безответственно!

— Я представляю вещественное доказательство номер пять — фотографию, сделанную в квартире истца. Это магниты в вашей гостиной, все верно?

— Да.

— Это не игрушки вашей дочери?

— Что? Нет...

— И магниты находятся в недоступном для вашего ребенка месте?

— Да...

— Есть ли в вашем доме другие кольца, кроме того, о котором идет речь?

— Да...

— И серьги тоже?

— Да...

— И вы всегда держите эти кольца и серьги в недоступном для вашего ребенка месте?

— ...

— Прошу вас ответить.

— Да.

— Чтобы ваша дочь не проглотила их по ошибке. Все верно?

— Да.

— Однако это кольцо оказалось в доступном для ребенка месте?

— ...

— И вы не просто положили его туда, вы дали его ей, чтобы она держала его. Все верно?

— Я же говорила уже... Да...

— У меня все.

Завершив утром устные слушания по гражданскому иску в окружном суде Йокогамы, Кидо обедал в Китайском квартале с Накакитой, одним из партнеров по фирме.

Он неосторожно схватил кусочек горячей кисло-сладкой свинины в черном уксусе и обжег кончик языка.

— Просто поразительно, как адвокат уговорил ее подать в суд. Настоящий злодей. Интересно, давно он работает? Я его впервые видел.

— Столько журналистов собралось. И в Сети пишут о «родительском недосмотре», но женщину жалко. Она категорически отказывается идти на соглашение, но ведь обязательно проиграет свое дело. Что будет дальше делать мать-одиночка с ребенком-инвалидом, получившим мозговую травму? Так жалко ее.

Одна из аспиранток университета в Фудзисаве продавала в интернете безделушки, напечатанные на 3D-принтере. Дочь покупательницы, взяв в рот кольцо, стала задыхаться; жизнь девочки удалось спасти, но она получила тяжелую травму мозга. После этого мать ребенка предъявила иск на двести миллионов иен аспирантке, изготавлившей бижутерию.

Кидо был впечатлен яркими и современными кольцами и чокерами, которые ответчица изготавливала на 3D-принтере университетской лаборатории. В последнее время она печатала и различную рекламную продукцию для мероприятий. За год продажи составили четыреста семьдесят тысяч иен. Учитывая время и усилия, вложенные в работы, прибыль была скромной, но девушка стремилась в будущем стать дизайнером. Между тем она не оформила страхование гражданской ответственности за качество продукции и даже не знала, что обязана подавать налоговую декларацию о доходах, превышающих двести тысяч иен.

Кидо жалел обвиняемую, при каждой встрече она начинала плакать, ведь из-за нее ребенок остался инвалидом. После всей критики, которой ее подвергли в Сети, она была психологически подавлена и говорила, что больше никогда не будет заниматься аксессуарами. Было жаль, что это загубит ее талант, тем более что наказывать с точки зрения закона тоже казалось неправильным.

В суде Кидо строил линию защиты на том, что аксессуары не были предусмотрены для детских игр и с конструктивной

точки зрения не лишены уровня безопасности, требуемой для такого типа продукции. В доме истца было достаточно и других безделушек схожих дизайна и формы. Адвокат истца настаивал на том, что проблемой являлось отсутствие подробной письменной инструкции, но Кидо считал, что этот тип продукции не предполагает наличие подобных инструкций. Как общее утверждение он признавал, что компания-производитель должна нести определенную ответственность за такие любительские продукты с целью обеспечения безопасности общества в будущем, но это не касалось случая, в связи с которым возбуждено дело в суде.

— К слову сказать, я тут вспомнил о постановлении Верховного суда Японии о неравенстве в правах наследования для внебрачных детей. Как там у вас то дело в Миядзаки?

Накакита решил попробовать карри с отварной свининой, популярное в этом ресторанчике блюдо; судя по выражению его лица, выбор оказался неплохим, он ел с аппетитом, а пот выступил на лбу.

Накакита в свободное время играл на барабанах, был чуть старше Кидо. У него были худые небритые щеки, щетина придавала ему привлекательности, но не была свойственна человеку его профессии. У него вечно было много дел и дома, и в музыкальной группе, но он любил заниматься уголовными делами и охотно брал новые заказы. Каким бы трагическим ни было дело, он всегда придерживался буквы закона. Его группа играла в стиле The Gadd Gang, Кидо иногда ходил их послушать. В размеренном барабанном ритме Накакиты проявлялась особенность его характера. Поскольку Кидо и сам играл на бас-гитаре в университетской группе, они сразу сошлись характерами, а когда

Кидо создавал фирму, Накакита был первым, к кому он обратился.

— Свидетельства о смерти и браке с человеком, за которого он себя выдавал, были аннулированы.

— Да? Ну, наверное, больше ничего и не сделаешь.

— Из личного интереса я продолжаю выяснять, где сейчас находится Дайскэ Танигуди и кем был Икс.

— Понимаю, это и правда цепляет. Интересно, какую музыку они слушали? Сложно подделать музыкальный вкус.

— Хм... Про Икса не знаю. Мне известно лишь, что он любил рисовать. А Дайскэ Танигуди любил Михаэля Шенкера. По словам его бывшей девушки, он для него был «богом».

— Тогда он точно славный малый, — со смехом произнес Накакита.

— Можешь сказать точно?

— В то время среди тех, кто жил в провинции и со слезами слушал гитару Шенкера, не могло быть плохих людей. Я-то точно знаю.

— Ты тоже слушал такую музыку? Кто бы подумал.

— Это же были 1980-е... Кстати, многие из тех групп все еще выступают, даже в Японию на гастроли приезжают. Гитарист из нашей группы тоже недавно сходил на концерт, говорит, ностальгия. А публика — дедки и бабки одни. Может, этого твоего Танигуди стоит на концертах поискать.

— Точно... мне это даже в голову не приходило.

— Музыкальный вкус, конечно, меняется, но хорошие воспоминания ведь остаются. Можно попробовать поискать на фан-сайтах, вдруг где-то он и найдется.

Кидо скрестил руки на груди, размышляя над сказанным. Накакита доел карри и попросил у официанта долить ему воды в стакан.

— А что там с другим делом? О смерти от переутомления.

— Первое слушание в октябре, пока записываю показания свидетелей, занимаюсь подготовкой...

Последнее время у Кидо было в среднем пятьдесят дел в работе, но среди них особенно изматывающим стало дело о самоубийстве двадцатисемилетнего сотрудника ресторана, который покончил с собой после того, как его заставили работать много часов подряд, нарушив при этом трудовое законодательство. Семья покойного подала в суд на компанию и руководство.

— Судя по всему, ты устал...

— Ну, как ни говори, я могу заниматься такими делами, потому что это не касается меня лично. Я все еще иногда должен себе об этом напоминать.

— Да, это суть нашей работы. А что летом, так никуда и не съездил?

Кидо покачал головой. Он не собирался больше ничего об этом говорить, но ни с того ни с сего вдруг сказал:

— У нас дома не все ладно.

Кидо почти никогда не обсуждал свою личную жизнь, поэтому неожиданное признание удивило Накакиту.

Если посмотреть со стороны, то отсутствие общения между Кидо и Каори, незаметно ставшее их повседневностью, выглядело не более чем типичным «охлаждением» между супружами. Это напоминало воду в стакане, прозрачную и неподвижную, и нужно было, чтобы кто-то из них просто резко выпил и положил этому конец. Но шло время, теперь водаостояла слишком долго и больше не была пригодна для питья.

Теперь в воду упал кусок льда. Это был не яд, от него не должно быть вреда, обычный лед, он быстро растаял и исчез, однако это молчание стало чуть холоднее, чем прежде. При падении по поверхности пошли круги и разлетелись брызги, а воспоминания об этом остались навсегда.

Каори с подозрением отнеслась к командировке Кидо в Миядзаки.

Кидо должен был сохранять информацию клиентов втайне и дома почти не говорил о работе. Жена тоже совершенно не интересовалась его делами, поэтому, если кому-то из них нужно было уехать с ночевкой, достаточно было сказать, что этого требуют «рабочие дела».

Однако без каких-либо оснований именно в этой поездке Каори что-то показалось подозрительным.

Сначала Кидо лишь посмеялся над такой чрезмерной подозрительностью жены и просто отмахнулся, но потом стал беспокоиться: а вдруг виной стресс жены, причина которого в чем-то другом? Он попытался поговорить с ней, но она только покачала головой, однако теперь вместо того, чтобы адресовать свое молчание мужу, она необычно строго стала выговаривать сыну. Сначала Кидо терпел, но потом и сам не смог больше сдерживаться.

У него не было достаточно энергии, чтобы дать гневу взорваться, но из-за бессилия он не смог остановиться вовремя и не завести с ней неприятный разговор. Ему пришлось осознать, что уже и он сам не такой, как прежде, когда речь заходит о конфликте с женой.

Было сложно предположить, что Каори подозревает его в связи с Риэ. Даже если она по какой-то причине посмотрела в его телефон, в их переписке не было ничего, что могло бы вызвать у нее подозрения. Беспокойство по поводу его командировки в Миядзаки могло означать лишь ее предчувствия и не более того. Сколько он ни думал об этом, ему все это казалось глупостью.

— Я бы получил дисциплинарное взыскание, если бы связалась с клиенткой, — сказал Кидо, пытаясь сохранять ироничный тон и не выглядеть при этом слишком строгого. Он хотел ей добавить, что она без уважения относится к его работе, но передумал.

Сейчас у него в голове промелькнули воспоминания об их беседах с женой, но он не стал рассказывать подробности Накаките. Однако Накакита терпеливо ждал продолжения, поэтому Кидо пришлось продолжить, подойдя к теме с другой стороны.

— Мне кажется, моя жена ни разу в жизни не использовала хоть сколько-нибудь серьезно слово «мышление». Но я чувствую, что наши разногласия в своей сути исходят именно из-за разницы в мышлении.

Накакита нахмурился и спросил:

— Мышление? Вроде политических взглядов?

— Да нет... Ну, может, в конечном счете что-то вроде, но что-то более фундаментальное. Она, например, даже на июльские выборы депутатов в верхнюю палату не ходила. Я вообще не могу ее убедить проголосовать.

— Понятно.

— Я ведь этнический кореец, я понимаю, насколько важно иметь право на участие в выборах. Но когда говорю ей об этом, для нее это звучит так, словно я резонёр. С тех пор как родился ребенок, она, похоже, вообще не хочет осознавать, что я из семьи дзайнити. Думаю, если бы я силой потащил ее на выборы, она бы наверняка отдала свой голос за либерально-демократическую партию.

— Чем занимается ее семья?

— Отец — зубной врач. Брат — врач общей практики.

— Ах да, точно, ты же говорил.

— Я тогда так переживал, что не смог в полную силу работать волонтером после землетрясения. Так сильно мы с ней поссорились впервые. Она сказала, что оставлять жену и ребенка одних и идти помогать другим эвакуировавшимся матерям с детьми — лицемерие. Я должен был быть занят только собственной семьей, а времени на других у меня не должно было быть. Я предложил, что буду смотреть за сыном, а она

пойдет работать волонтером, но ничего не вышло. Потому что волонтерство ее не интересовало. Она говорила, что будет волноваться и не сможет бросить ребенка.

— Он тогда был еще малышом.

— Да. Поэтому... я понимал ее беспокойство. По соседству много зданий пострадали, все измучились из-за перебоев с электричеством и последующих толчков. На карте опасности, которую опубликовали власти, наш дом находился в зоне, рекомендованной к эвакуации в случае цунами. С учетом прогнозируемого большого землетрясения под столичным округом или в Нанкайском желобе задумаешься: а безопасно ли и дальше жить в этой квартире, которую мы купили?

— Да у нас та же история. Однако от того, что есть риск, сложно перейти к действиям. У нас закуплен паёк на случай стихийного бедствия, но, чтобы переехать из-за этого... сомневаюсь.

— Это правда, никто не знает, когда случится землетрясение. Но я давал юридические консультации всего один-два раза в месяц, а потом и этого не смог делать.

— Ты сделал достаточно. Просто ребенок был слишком маленьким, это было не самое подходящее для тебя время.

— Наверное, неправильно обобщать и говорить о мышлении, когда ситуация была чрезвычайной. В молодости мне в голову даже не приходило, что между любовью и мышлением человека, которого ты любишь, может быть какая-то связь. То ли я переоценивал любовь, то ли недооценивал мышление.

— Любовь и мышление... Возможно, в наши дни молодые люди на это с самого начала обращают внимание.

Кидо кивнул и решил использовать этот момент как завершение разговора на тему. Он хотел язвительно закончить

разговор тем, что они отказались от близости с женой после этого, но, к собственному удивлению, почувствовал, что слова мучительно застряли в горле.

Ощущая стыд и зависть к более полноценным парам, он представил, что будет и дальше жить, подавляя в себе сексуальное желание, отчего ему стало грустно.

Накакита должен был вернуться в суд во второй половине дня, поэтому Кидо расстался с ним в Китайском квартале и направился прогуляться пешком в сторону станции Каннай, где находилась фирма. Видимо, лето все же отступало — лоб оставался сухим во время прогулки, что было неожиданным открытием.

В парке у стадиона Йокогамы прогуливались матери с колясками, служащие компании сидели на скамейках и ели выпечку. Его фирма, суд и дом находились совсем близко друг от друга, он регулярно рассматривал ряды невысоких зданий, улицы с ресторанчиками, аллеи с деревьями гинкго с разных точек зрения: как юрист, как муж, как отец. Хотя сейчас его взгляд не был чьим-то конкретным. Думая о недавнем разговоре, он вспомнил тот день, когда приехал в Миядзаки, чтобы встретиться с Риэ.

Был сезон весенних сборов у бейсболистов, единственным свободным оказался двухместный номер в отеле Sheraton Seagaia, что и вызвало подозрения Каори.

Двухместный номер и правда был чересчур шикарным для обычной деловой поездки, и когда он смотрел из окна на поле для гольфа, на море и небо, то ему было неуютно, оттого что придется провести здесь ночь в одиночку.

Некоторое время он валялся в кровати. Идеально белые простыни, туго обтягивающие матрас словно униформа, казалось, ждали, что кто-то сорвет их грубым бездумным движением.

Сняв очки, он лежал на спине.

Он вызвал в памяти воспоминания о потолках, на которые он когда-то смотрел в моменты, когда тело было обнаженным и потным, сердце бешено колотилось, а дыхание было глубоким и приятным. В голове закрутились непристойные фантазии. Вокруг царила такая тишина, что казалось, в ней обязательно должен быть еще кто-то, кто разделит с ним жар обнаженного тела.

Через несколько минут он со вздохом отбросил эти бесмысленные фантазии, спустился в ресторан на первом этаже, чтобы поужинать фирменным блюдом — жареной курицей, а затем взял такси до центра города, чтобы где-нибудь выпить.

Вечер был слегка прохладный, а он был в джинсах и легком пиджаке.

Кидо привык к командировкам, однако его глубоко пропитало ощущение, что он никто в этом городе, ведь он приехал сюда даже не ради туризма.

Для всех в этом городе он был совершенно чужим. Разумеется, и Йокогама сильно не отличалась в этом отношении, но окружающие картины здесь были еще более чужими. Здесь у него не было имени, никто и никогда его раньше не видел — это приятное ощущение бодрило.

Когда он шел через торговый пассаж, то заметил несколько заведений, в какие он иногда наведывался, когда ему было двадцать. Но особенно он ими не увлекался и в конце концов потерял к ним интерес.

Возле переливающейся неоном дешевой вывески Кидо слегка притормозил. Вдруг ему показалось, будто он был не собой, а кем-то другим, кто обязательно должен войти внутрь. Прочитав описание на вывеске, он посмотрел на фотографии девушек с осветленными волосами. Идея зайти внутрь еще теплилась внутри, но ноги по инерции двинулись дальше, и он направился в бар, который заранее присмотрел в интернете.

Бар отличался стильным дизайном: прозрачная стойка, подсвеченная снизу, была декорирована комнатными растениями, сочная зелень растений отсвечивала на многочисленных бутылках с виски и ликерами.

Кидо уже устал, войдя в бар в районе восьми. Он намеревался вернуться в гостиницу после одной-двух рюмок, однако, неожиданно для себя, продолжал пить в баре и после полуночи.

За стойкой, пока он пил в баре, так больше никто и не появился. За столиками были редкие посетители, из отдельного зала в конце бара, забронированного компанией, каждый раз, как открывалась дверь, доносился шумный гул голосов. Официанты постоянно сновали туда-сюда с закусками и пивом. Увидев среди нескольких припозднившихся на вечеринку гостей мужчин крупного телосложения, Кидо догадался, что там гуляет бейсбольная команда, которая приехала на сборы. Кидо не интересовался бейсболом и не смог бы назвать даже игроков домашней команды Yokohama BayStars, поэтому понятия не имел, из какой они команды. Но, судя по поведению официантов, он предположил, что это известные бейсболисты.

В баре чуть приглушенно звучали известные джазовые альбомы: *Kind of Blue* и *Portrait in Jazz*.

Для начала Кидо заказал коктейль с водкой «Гимлет» и вспомнил Мисудзу. Долгое время его любимым был водочный коктейль «Балалайка», но в тот вечер, встречаясь с Мисудзу, он почему-то заказал «Гимлет» и с тех пор больше не пил сладкий Cointreau, хотя так был увлечен этим напитком в юности.

Бармен выглядел на несколько лет старше Кидо, он эффективно тряс шейкером, но вместо того, чтобы выжать лайм, использовал уже готовый сок, поэтому вкус коктейля получился отвратительным. Впечатление о Мисудзу как о барменше,

которая готовит вкусные коктейли, смешалось с ее томным беззаботным настроением, придав ей еще более притягательную ауру.

После коктейля он взял редкую «Сахалинскую» водку, она была хорошо охлажденной и мягко освежала, аромат, что приятно удивило, разливался во рту. Он даже пожалел, что не начал сразу же с нее. Сделав глубокий выдох, он погрузился в удовольствие от одиночной поездки в Миядзаки. Из соседнего зала больше не было заказов, у бармена выдалась свободная минута и он спросил у Кидо:

— Вы не из наших мест?

— Да. Вы сразу же поняли?

— Конечно. Из Токио?

После того как Кидо кивнул, он осушил рюмку и посмотрел на капли напитка на дне — даже если наклонить рюмку на бок, вряд ли они бы стекли в рот. Он не чувствовал опьянения, говорил медленно и четко.

— Вообще-то я родом из Гуммы. У родителей гостиница на горячих источниках, я младший сын в семье.

— Вот оно что. Это ведь известное место. Хотя мне не доводилось там бывать.

— Понятно, на Кюсю же своих горячих источников полно, совершенно не обязательно ехать в такую даль. Гостиница досталась моему старшему брату, пришлось уехать из дома. Я вообще плохо ладил с семьей.

Кидо улыбнулся бармену, которого, должно быть, слегка ошарашила личная история посетителя.

Может, и Икс вот так же приехал в чужой город, как Дайскэ Танигути, и рассказывал его историю как свою собственную, проверяя, как он чувствует себя с новой личностью, будто это была одежда или автомобиль.

Протирая стаканы, бармен подхватил рассказ Кидо и, посмотрев на него мягким понимающим взглядом, ответил:

— У нас та же история в семье. Хотя о таком новым посетителям, наверное, и не стоит рассказывать. У отца была строительная контора. Старший брат взял дела в свои руки.

С этими словами бармен протянул визитку, на которой было написано, что он управляющий баром.

— Извините, у меня закончились визитки... Меня зовут Танигуди. Дайскэ Танигуди.

Бармен, конечно, не усомнился в его словах.

Благодаря этому небольшому разговору Кидо показалось, что между ним и барменом установились какие-то особые отношения.

Он теперь перестал быть чужаком в этом городе. Если бы он, прогуливаясь по городу, случайно встретился с этим барменом, они, вероятно, кивнули бы друг другу.

Кидо заказал еще одну рюмку «Сахалинской» водки и продолжил свой рассказ о прошлом Дайскэ Танигуди. Как и сам Икс в тот день, когда открыл свое прошлое Риэ, он говорил отстраненно, словно о чем-то давно прошедшем, время от времени грустно улыбаясь, о том, как его согласие стать донором печени для отца привело к бесповоротному разрыву с семьей. Кидо почти не чувствовал, что все это игра, как раз наоборот — постепенно слова и он сам словно бы сливались воедино.

— Нелегко вам пришлось, — поддакивал бармен сочувственно, но не переходя границу. В тот вечер Кидо казалось, что он может продолжать в таком духе, пока не свалится пьяным и со слезами на глазах...

Ожидая зеленого сигнала светофора возле станции Каннай, Кидо смотрел на проезжающие мимо машины. Внезапно он

представил, что было бы, если бы одна из них сбила его, как «Дайскэ Танигути». Когда в лесной чаще, где не ходят люди, упавшая криптомерия придавила Икса, о чём он подумал в этот момент?

После возвращения в Йокогаму воспоминания Кидо о не передаваемой радости в те несколько часов, когда он изображал Икса, не покидали его. Он чувствовал напряжение, возбуждение, головокружение. Обычно это называют эффектом трагедии; люди переживают подобное, просматривая трагические фильмы или читая книги, но Кидо удалось синхронизировать себя с другим человеком и пережить его жизнь изнутри. Возможно, это могло дать ему какой-то новый опыт. Хотя таких развлечений, оставляющих горькое послевкусие, ему следовало стыдиться...

Кидо, который недавно опять ездил в Миядзаки, в глубине души предвкушал возможность вернуться к игре в Икса, выдающего себя за Дайскэ Танигути.

Но больше в этот бар он не пошел.

Ведь на следующий день он встретился с Риэ и, видя, как она переживает из-за настоящей личности Икса, почувствовал себя виноватым за то, что под вымышленным именем выпивал в баре. К тому же вряд ли он получил бы такое же удовольствие, если бы отправился в бар во второй раз.

Да у него больше и не осталось историй, которые он бы мог рассказывать как Дайскэ Танигути.

Кидо не знал, в какой ситуации оказался Икс, но, кажется, за одну жизнь он смог прожить две. Поставив точку в своей первой жизни, он принял решение начать совершенно новую.

В Иксе было две вещи, которые Кидо не мог понять.

Кидо осознавал, что испытывает к Иксу зависть. Хотя как бы он ни устал от своей жизни, он бы ни за что не смог бросить

все. Погружаясь в горячую воду источников в гостинице, он несколько раз подумал, насколько бы обрадовался сын, если бы он его сюда привез.

Неужели в прежней жизни Икс не испытывал такой радости, которую стоило бы сохранить? Словно Дайскэ Танигути, который раз и навсегда отказался от своего прошлого, чтобы избавиться от семьи, связанной с ним.

Вместо того чтобы продолжать ненавидеть, он просто обрубил связи, чтобы избавиться от еще большей ненависти. Приняв прошлое Дайскэ Танигути, нашел ли Икс для себя какое-то исцеление?

Второе, чего Кидо не мог понять, — это *обман*, который Икс не раскрыл Риэ до самого конца. Такой любви, как у Икса и Риэ, самому Кидо никогда не приходилось испытывать, она казалось ему чистой и прекрасной.

Если бы Икс не погиб от несчастного случая, признался бы он когда-нибудь? А не из-за сочувствия ли к выдуманному прошлому дрогнуло израненное сердце Риэ? Даже если предположить, что все остальное, что сказал Икс, было обманом, не должен ли он был быть честным с ней в тот самый момент, когда они разговаривали за обедом в том ресторане?

Можно ли оправдать его ложь той любовью, которая случилась между ними? Настоящей любовью?

Глава 8

В середине сентября, на следующий день после Дня уважения пожилых, Кидо получил известие, что его друг-адвокат, с которым в свое время они вместе проходили практику в Киото, внезапно умер от сердечной недостаточности. Кидо немедленно отправился на поминки в Осаку.

Возвращаясь вечером в Токио на последнем высокоскоростном поезде «Нодзоми», Кидо устало смотрел в окно. На контрасте с ночной картиной за окном ярко освещенный флуоресцентными лампами вагон поезда выглядел гротескно. Многие пассажиры уже спали, но несколько подвыпивших компаний продолжали болтать.

Воздух казался тяжелым и застоявшимся: смешались запахи пота отработавших целый день людей, пива, закусок к спиртному вроде сущеных кальмаров. От костюма Кидо к тому же пахло благовониями, которые возжигали на поминках.

В своем возрасте Кидо уже нередко получал сообщения об уходе из жизни родственников и знакомых, однако поминки по товарищу, которому бы еще жить и жить, отличаются от поминок старых людей и отнимают много сил. Жена друга и две дочери младшего школьного возраста проплакали всю церемонию, Кидо так и не нашел подходящих слов соболезнования. Хотя у его друга был лишний вес и он чистенько, потирая живот, приговаривал, что неплохо бы сесть на диету, никто к этому серьезно не относился. Выйдя из похоронного бюро, Кидо почувствовал, что сам факт смерти

друга опять стал расплывчатым, как в тот момент, когда он впервые услышал об этом.

Кидо попытался представить, как бы был поражен Сота, если бы мама сообщила ему о смерти отца. Наверное, смысл сказанного не дошел бы до него и он переспросил бы: «Папа умер?»

А он уже не смог бы ответить на этот вопрос. Не смог объяснить так, чтобы ребенку стало понятно, как любую другую сложную тему.

Он болезненно почувствовал, что не может умереть, да и не хочет. Вдруг у него в голове промелькнула фраза, которая выражала неописуемое настроение, поселившееся в его душе после землетрясения, — экзистенциальная тревога.

Разумеется, Кидо боялся смерти. Когда умираешь, с этого самого момента — ни на миг позже — твоё сознание прерывается и ты больше никогда не будешь способен чувствовать и размышлять, а время безостановочно будет и дальше течь для живых, больше никогда не имея к тебе никакого отношения. Мысли о смерти загоняли его сознание в угол. Он сейчас жив, и мир продолжает для него существовать. Однако от более чем пятнадцати тысяч человек, погибших два года назад в результате цунами, в этом мире не осталось ничего, что бы позволило осознавать или иметь отношение к происходящему. И не только в этом мире, но, вероятно, и в том тоже...

Страх смерти делал его восприятие жизни болезненно чувствительным.

Он сейчас подумал, что такие мысли уже давно его не посещали, он даже почти забыл об этом. А ведь Кидо в свое время, как и все подростки, упорно размышлял над вопросом «кто он?», связывая его с выбором будущей профессии.

В результате по совету отца он стал адвокатом. И хотя сомнения, правильный ли выбор он сделал, не покидали, он

смотрел в неясное будущее, пытаясь себя убедить в том, что сможет реализоваться как личность благодаря профессии адвоката. Иными словами, для того чтобы жить, он должен был отвечать на вопрос «кто он?», и это скрывало в себе как надежду, так и беспокойство.

Вот уже лет пятнадцать он не возвращался к этим мыслям, считая, что, к счастью для себя, уже преодолел их. Среди его клиентов, людей одного с ним поколения, с которыми он работал ежедневно как их адвокат, было немало и тех, кто не мог устроиться на работу, не мог самореализоваться через собственную профессию — если пользоваться формулировками Маслоу, — вынужденно мирясь с нестабильностью в социальном положении и доходе.

Однако шок, полученный во время землетрясения, вновь поселил в нем чувство беспокойства, заставляя отвечать на вопрос «кто он такой?», хотя Кидо и считал этот вопрос в своей жизни давно закрытым.

Теперь он звучал не так просто, как когда-то давно, с возрастом изменилась и его формулировка. Теперь он звучал так: «А правильный ли я сделал выбор?»

Естественно, для своих лет Кидо ощущал, что он нынешний, носящий имя Акира Кидо, является результатом того многообразия событий в собственной жизни, которую прожил к настоящему времени. Та часть жизни, которая еще недавно была в будущем, теперь уже осталась в прошлом, и он уже в значительной степени понимал, что он за человек.

Конечно, он мог прожить и другую жизнь. Наверное, разных путей было бесчисленное множество. Но теперь перед ним были поставлены не вопросы «кто он?» и «кем он был?», чтобы жить дальше, а вопрос «каким человеком он умрет?».

Когда-нибудь Сота будет жить в мире, в котором больше не будет его отца. Он подсчитал, что через тридцать три

года Сота будет в том же возрасте, что он сейчас. А Кидо будет семьдесят один год. Он надеялся, что все еще останется в живых. Но если его уже не станет, то каким будет отец в возрасте тридцати восьми лет в воспоминаниях Соты? Каким человеком он будет продолжать жить в воспоминаниях сына?

Умереть можно не только от старости. В следующий миг может случиться землетрясение в Нанкайском желобе, скоростной поезд может сойти с путей, и он, так и не успев ничего понять, уже будет мертв. О том, что этот риск не так уж мал, после землетрясения они слышали так много раз, что эти разговоры уже набили оскомуину.

В разгар его душевных волнений появились новые причины для тревог: воспоминания о резне корейцев после Великого землетрясения в Канто и ультраправый шовинизм последнего времени.

Правовой порядок, для поддержания которого Кидо упорно работал как юрист, обеспечивал его повседневную жизнь. Он защищал его права и права его семьи и поддерживал их гражданский статус. А что было бы, случись в качестве исключения нечто, что временно отменит этот порядок на каком-то разрушительном участке времени и пространства? Для тех подстрекателей, кто вышел посреди белого дня на улицы с криками «Смерть корейцам!», тонкие, сложные вопросы Кидо о бытии были бы бессмысленны. Хотя не обязательно, чтобы возникло что-то исключительное. Достаточно будет и одного человека, на которого повлияют голоса демонстрантов, и на фоне обычных будней он вдруг решит, что нужно убивать корейцев.

Кидо впервые так ясно сформулировал это для себя словами, что ему вдруг стало нехорошо, будто у него анемия.

Свет на потолке стал кричащим, словно гомон толпы, перед глазами потемнело, ему было тяжело дышать, будто груная сила давила его. Он закрыл глаза, наклонил голову вниз и ждал, пока отпустит. Сняв очки, он сильно потер лицо, что стало даже больно, оперся о колени, плотно прижав подошвы к полу.

Когда он на мгновение открыл глаза, женщина, сидевшая на соседнем кресле и что-то смотревшая в телефоне, отклонилась назад и краем глаза наблюдала за ним. Однако у него не было сил оглянуться на нее, он просто обхватил лицо руками и продолжал его тереть, ожидая, пока не станет легче.

Он с беспокойством оценивал свое состояние — вероятно, это был какой-то приступ.

Когда головокружение немного отступило, он еще больше отпустил и без того уже слабый узел галстука и откинулся в кресло. Не открывая глаз, он делал глубокие вдохи и выдохи и наконец почувствовал, что ему становится лучше.

Он вспомнил слова Риэ: «Адвокат Кидо, вы хороший человек». Он несколько раз проговорил эти слова, как будто они были лекарством.

Если бы его обвинили в шпионаже или же, решая, стоит его убивать или нет, заставили произнести фразу «Пятнадцать иен, пятнадцать сэн», как заставляли тогда корейцев, чтобы проверить японское произношение, защищила бы и тогда его Риэ? Для тех, кто бы захотел его убить, обладали бы эти слова хоть каким-то смыслом? Или бы тогда злой умысел распространился бы и на нее?

Кидо все еще хмурил брови, отходя от приступа, и размышлял о своих отношениях с женой после Великого восточнояпонского землетрясения.

Среди знакомых Кидо не было пострадавших от цунами. Однако при виде ужасающих кадров новостей, в которые было сложно поверить, Кидо испытал шок, он не мог оставаться спокойным, чувствуя необходимость что-то предпринимать.

Вместе со своими партнерами, среди которых был и Накакита, они решили как волонтеры оказывать юридическую помощь пострадавшим.

Кидо занимался вопросами людей, попавших в категорию «добровольно эвакуировавшихся». Согласно закону о поддержке пострадавших при стихийных бедствиях им безвозмездно выделялось временное жилье. Кидо консультировал и тех, кто хотел поменять полученное жилье. Выбранные в неразберихе после стихийного бедствия квартиры для эвакуации часто были либо совсем старыми, либо с шумными соседями, иногда возникали проблемы с негативным отношением к эвакуированным. Кроме этого, даже в таких ситуациях в системе оказывались прорехи: если жильцы съезжали из квартиры по иными причинам, нежели «по требованию арендодателя» или из-за «наличия серьезной опасности», они лишались льгот и им приходилось самим платить за жилье на новом месте.

Много семейных случаев, которыми занимался Кидо, было среди добровольно эвакуировавшихся, когда в семье не могли найти общего решения из-за работы и уровня опасности радиации, в результате мужья оставались на прежнем месте, а жены с детьми уезжали и начинали новую жизнь как эвакуированные. Все надеялись, что семья рано или поздно воссоединиться — либо муж приедет к жене и детям, либо жена с детьми сможет вернуться домой, — но Кидо приходилось сталкиваться с трагическими развязками, когда семьи разваливались и супруги разводились.

Каори не могла понять этой деятельности Кидо.

Кидо в очередной раз почувствовал, что доброта Каори распространялась лишь на тех, кто находился в ближнем круге, иными словами, на семью и знакомых, а все остальные оказывались за его границами.

Она была хорошей и заботливой матерью для их сына. Она лучше Кидо помнила имена друзей Соты из детского сада и подружилась с несколькими матерями, с которыми иногда ходила на чай. То, что где-то есть дети, которые в трудной ситуации голодают, выходило за рамки ее интересов, словно так и должно быть.

Кидо регулярно жертвовал средства в организации «Врачи без границ» и ЮНИСЕФ*, а Каори уже давно с усмешкой оценивала его социально ответственное поведение как «причуды адвоката». В последнее время они оба стали чувствовать в этой разнице взглядов что-то неприятное и избегали поднимать эту тему в разговоре.

Кидо прекрасно понимал, о чем думает жена.

В каждый момент на свете погибает огромное количество людей. Он не обладал такой безграничной восприимчивостью, чтобы из-за каждой потерянной жизни у него болело сердце.

Он и сам боялся смерти. Ему было грустно, когда умирал кто-то из знакомых. Смерть человека, вызывавшего в нем чувство сильной неприязни, могла стать хорошей новостью. Однако известия о смерти совершенно незнакомых людей не вызывали в нем каких-либо чувств. И все же, когда он представлял, что он сам или кто-то из знакомых мог оказаться на месте погибших, ему было страшно и грустно.

Возможно, на свете есть люди, которые, прочитав в новостях о гибели в автокатастрофе незнакомой семьи, будут

* Детский фонд ООН — международная организация, действующая под эгидой Организации Объединенных Наций.

оплакивать этих людей, словно они их родственники, однако было бы странно, если после смерти собственной семьи они грустили бы так же, как и после смерти чужих людей. Кидо мог работать адвокатом именно благодаря разнице в реакции на своих и чужих.

Между ним и его женой не должно было возникнуть разногласий из-за степени вовлеченности в чужие проблемы. Каори нельзя было назвать исключительно бессердечной по сравнению с остальными людьми. После Великого восточно-японского землетрясения, когда Кидо предложил ей сделать пожертвование, она перевела тридцать тысяч иен Красному Кресту.

Но все же Каори не могла понять, почему Кидо хоть и не испытывает эмоций из самой глубины души, но продолжает прикладывать столько усилий ради абсолютно чужих людей. Делал ли он это, чтобы сохранить свое профессиональное имя, или же так наивно проявлялось сожаление о том, что он не может сопереживать от всей души? Была ли это забота о сохранении профессионального лица? Жена считала, что если кто-то из них и изменился, то это Кидо, а не она, и когда Кидо задумался о том, каким он был, когда они встретились, ему пришлось признать ее правоту.

Если бы у Кидо было бесконечно много времени и денег или если бы у него было два-три клона, Каори, возможно, и упрекнула его за поверхностное сострадание к окружающим, но при этом оставила бы в покое. Однако в реальности ради этой деятельности ему не только приходилось тратить свое время и деньги, но и отбирать у себя время, которое он бы мог посвятить сыну. Когда произошло землетрясение, Соте было всего два с половиной года. Последующие толчки были один за другим, никто не знал, когда случится

следующее крупное землетрясение. Каори казалось неправильным оставлять в такое время ее и ребенка, чтобы заботиться о тех женщинах и детях, которые были эвакуированы, да и никто из друзей Каори не называл подобное поведение разумным.

Кидо считал свою жену человеком прямым и честным. К тому же ей нельзя было отказать в уме.

Когда муж начинал объяснять, оперируя словами «социальный долг» или «общественное благо», она все понимала. Она знала, что он поступает так, чтобы принести пользу. Однако в отношении Кидо к благотворительности она чувствовала какую-то чрезмерность и не могла смотреть на это иначе как на увлечение.

Сама она с возрастом перестала чем-либо увлекаться и теперь практически не интересовалась ничем, кроме жизни семьи.

Когда Кидо решил помочь ей и предложил присмотреть за сыном, пока она куда-нибудь сходит развлечься, она отправлялась на встречи с бывшими однокурсницами, на которых они обсуждали вопросы воспитания детей. С теми знакомыми, у кого не было детей, она оборвала связи.

После родов она ограничила свой мир семьей, а после землетрясения эта тенденция еще больше усилилась. Она спрашивала у Кидо: «Почему ты должен это делать? Почему тебе недостаточно семьи и работы?..»

В вагоне прозвучало объявление, что поезд по расписанию прошел Одавару. Кидо открыл глаза и приподнялся. На соседнем кресле больше не было той женщины — наверное, он все же немного задремал.

Он бесцельно смотрел вокруг, скрестил ноги и вновь вспомнил слова Риэ: «Адвокат Кидо, вы хороший человек».

Может, он старался быть внимательным, чтобы получить вот такую оценку? Может быть, он пытался доказать, что он совсем не подозрительный, а порядочный, безобидный, самый «обычный японец»? Он покачал головой, подумав, какие же глупости лезут в голову. Потерев глаза, он прошептал про себя, что такого быть не должно.

Он и правда чувствовал дискомфорт от всплеска националистических настроений после землетрясения, но это было не связано с тем, что он дзайнити, ведь его коллеги чувствовали нечто схожее. Одно дело, если бы проблема ограничивалась ультраправыми, но даже серьезные издательства, книги которых они читали с юности и чей выбор всегда уважали, теперь выпускали сочинения вроде «Ненависть к Китаю» или «Ненависть к Корее». Наблюдая за тем, как подобное чтиво заполняло полки книжных, невозможно было не впасть в пессимизм.

«Моя озабоченность проблемами общества, как и предполагает Каори, наверное, пуста и напоминает действия студента. Однако нельзя сказать, что этим все ограничивается. Ведь нужно учитывать еще и врожденную человеческую отзывчивость. Бессмысленно пытаться определить, где мною движут идеи волонтера, а где — серьезные душевые порывы».

Кидо действительно испытывал экзистенциальную тревогу в себе. Но мрачные перспективы Японии, несомненно, были гораздо большим фактором. Может быть, это просто банальная, мелкобуржуазная тревога эпохи, когда даже адвокаты борются за пропитание?

Кидо все же решил, что ему следует переговорить с Каори. Ведь в ней землетрясение, видимо, тоже продолжало находить свои отголоски. Пытаясь вернуть ситуацию дома в прежнее русло, он наконец ухватился за мысль, которую долго пытался не замечать, ведь она казалась ему слишком хлопотной.

Ситуация может быть гораздо проще и яснее, чем он ее себе представлял. Иначе говоря, может быть, жена его больше не любит.

Если так, мог ли он что-нибудь с этим поделать?

Их отношения уже начали постепенно разрушаться. И у него были веские причины так думать. Ведь ситуация, в которой они оказались, была почти неотличима от ситуаций тех пар, которых он консультировал почти ежедневно и чьи переговоры заканчивались разводом.

Глава 9

В начале октября Кидо получил неожиданное сообщение от Мисудзу. Она собиралась пойти на выставку «Новое введение в XXI веке» в Музее искусств Йокогамы в Минато-Мираи и приглашала его присоединиться. Она сказала, что ей нужен совет по поводу поисков Дайскэ Танигути, поэтому Кидо изменил свое расписание и договорился, что они пообщаются после выставки.

Поскольку Кидо был подписан на Мисудзу в социальной сети, у него было общее представление о том, чем она занимается.

Она не так часто публиковала посты, но у нее отлично получалось снимать бытовые зарисовки, будь то аппетитное пирожное или манекен в витрине в осенне-зимней одежде, да и комментарии были краткими и легкими, очень в ее духе. Судя по всему, она любила ходить одна в кино и музеи, редко делала селфи, появляясь только на фотографиях, отмеченных ее друзьями.

Даже на фотографиях, снятых днем, она была все той же барменшей из полутемного бара, которая умеет вкусно смешивать «Гимлет» с водкой.

В комментариях она вела непринужденную переписку с коллегами и знакомыми. Среди них было несколько мужчин, вероятно ее поклонников, которые делали комплименты ее внешности.

Часто на фотографиях появлялся управляющий бара, на нескольких фото они были вместе в компании выпивающих.

Кидо создал аккаунт в основном для того, чтобы можно было общаться с Мисудзу, но относился к соцсетям без особого интереса — иногда делал перепосты, выложил несколько фотографий из поездки в Миядзаки. Он никому не сообщил о том, что зарегистрировал аккаунт, поэтому почти никто не реагировал на его посты. Но каждый раз, когда он что-то выкладывал, Мисудзу обязательно ставила свой лайк. Сначала Кидо принял это за правила поведения пользователей Сети, но не все друзья поступали так же, да и Мисудзу, судя по всему, реагировала не на все посты, которые видела. В ответ Кидо ставил лайки ее постам, и благодаря подобному общению, что бы оно ни значило, он чувствовал душевный подъем.

Однако за последние два месяца их общение в Сети немного осложнилось. Чтобы найти Дайскэ, Мисудзу создала аккаунт под именем Дайскэ Танигути и стала писать посты от его имени. Наверное, надеялась, что, заметив это, Дайскэ свяжется с ней, но эта идея не вызывала у Кидо восторга. Скорее всего, такой план предложил Кёити.

Кёити был взбешён тем, что полиция совершенно забросила поиски его младшего брата, пропавшего без вести, о чём и заявил стражам порядка. Иными словами, он смирился с тем, что шанс вести это дело оказался нулевым до такой степени, что мог позволить себе такие всплески эмоций. Ведь пропажа родственника — это большая катастрофа для семьи, а для полиции — обычная история. Когда вероятность того, что раздуется большое дело, сошла на нет, а Кидо сообщил, что на бумагах его брат по-прежнему жив и брак с Риэ аннулирован, наверное, Кёити решил, что теперь нужно разобраться с этим делом по-семейному. На полицейских Кёити рассердился, скорее всего, из-за того, что их отношение показалось ему высокомерным.

Кёити продолжал подозревать, что брат убит. Кидо перебрнуло, когда из уст Кёити прозвучала фраза «похищение северокорейскими кротами». Наверное, тот нахватался таких словечек в интернете. Когда Кидо выразил сомнения по поводу этой теории, Кёити не стал ее отстаивать, но вместо этого заявил, что, какими бы ни были детали этого дела, если брата убили, то это был, вероятно, не просто несчастный случай, а какая-то темная история, настолько темная, что ей вряд ли посочувствуют окружающие, а жертвой оказался его брат. От мыслей, что могло случиться с его братом, Кёити казался встревоженным.

— Даже после землетрясения он с нами не связался. Разве это не странно? Будь он жив, он точно должен был позвонить домой. Или, может, он влечит такую жизнь, что и позвонить нам стыдится?

Кёити почти не проявлял инициативы в поисках брата, чтобы не наткнуться на какую-то нежелательную правду. Но, как выяснилось, его, вернее их, мать в слезах отчитала его за это, умоляя найти младшего сына, чтобы хоть раз с ним встретиться перед смертью.

К этому времени Кидо проверил приложение к семейному реестру Дайскэ Танигути и нашел его адрес до переезда в город S. Старый дом, построенный уже сорок пять лет назад, на реке Ёдо в районе Кита в Осаке. Квартплата была всего тридцать восемь тысяч в месяц. Хозяин квартиры работал неподалеку в своем офисе строительной компании.

Кидо объяснил все это Риэ и Кёити и предложил втрогм встретиться с хозяином квартиры. Риэ еще не ответила, а от Кёити тут же пришел ответ, что он уже съездил в Осаку и встретился с директором строительной компании.

Кёити сообщил, что этот человек с сочувствием выслушал историю о пропавшем брате. Внимательно посмотрев на фотографию Дайскэ, он сказал, что, скорее всего, именно он

жил в его квартире. На всякий случай он показал ему и фотографию Икса, но тот покачал головой и ответил, что такого человека не помнит.

Это означало, что Дайскэ оставался Дайскэ до тех пор, пока не уехал из Осаки. Затем он где-то встретился с Иксом, который отобрал у него все: и фамилию, и записи в семейном реестре.

Кёити еще больше рассвирепел, оттого что полиция не смогла провести даже такого простого расследования.

Под конец Кёити попросил передать ему договор об аренде квартиры и документы об аннулировании договора, надеясь, что там может быть телефонный номер или новый адрес Дайскэ, однако директор, который вроде был до того момента готов помогать, вдруг насторожился. А затем расплывчато пообещал, что постарается поискать эти документы и прислать позже.

Возможно, он заподозрил, что за этим кроется какая-то темная история, и решил не ввязываться. Это было вполне понятно. После этого от директора не было больше никаких новостей.

Хотя Кёити и говорил, что у него и без того были дела в Осаке и он заехал к бывшему арендодателю по пути, Кидо мог понять, почему Кёити рванул в Осаку. Но он никак не мог понять мотивов Мисудзу, по которым она завела аккаунт Дайскэ. Было странно, что она публикует посты под его именем, да и сомнительно, что это приведет к какому-либо результату.

Однако, наблюдая за общением в Сети между Кёити, Мисудзу и Дайскэ Танигути, за которого писала Мисудзу, Кидо постепенно догадался, в чем заключается замысел Кёити. И чем дальше, тем больше ему это не нравилось.

На странице Дайскэ Танигуди было загружено несколько старых фотографий, которые были у Мисудзу и Кёити. В его аккаунте были указаны родной город и школа, от его имени были поставлены лайки страницам Михаэля Шенкера и двум группам, в которых тот был бывшим участником, — Scorpions и UFO. По словам Мисудзу, Дайскэ был особенно ярым поклонником UFO, но у их официальной страницы было две-сти пятьдесят тысяч подписчиков, среди которых его имени не было, но даже если он и был подписан на них под другим ником, найти его было бы сложно. Пользователей с именем Дайскэ Танигуди они отыскали в нескольких социальных сетях, но все оказались чужими людьми. Они не знали, что объединяло Дайскэ и Икса, но даже если Дайскэ и был жив, возможно, он не регистрировался под своим настоящим именем. А может быть, использовал настоящее имя Икса.

Кидо был уверен, что Дайскэ Танигуди будет ошеломлен, если увидит аккаунт самозванца, но сомневался, не подумает ли он, что за этим стоит Икс. Интересно, подумает ли он на Икса? А может, Икс не знал о существовании Мисудзу? В любом случае, если бы настоящий Дайскэ Танигуди увидел, что в Сети кто-то любезничает с его бывшей подругой, он наверняка бы забеспокоился. Но заставило бы это позвонить Мисудзу?

Наблюдая за перепиской в этом фальшивом аккаунте, Кидо понял одно: Кёити явно симпатизировал Мисудзу. Скорее всего, это началось не сейчас, возможно, между братьями были трения именно из-за девушки. Кидо предположил, что Кёити любил Мисудзу, но она предпочла его младшего брата. Кидо точно не знал этого, но ему показалось, что они ведут переписку и в личных сообщениях.

Дайскэ Танигуди, за которого писала Мисудзу, был энергичным и оптимистичным, слегка робким, но не любил проигрывать, чувствительным, ему нравилась, как и раньше, песня UFO Love to Love, в комментариях написал, что она

доводит его до слез. Другими словами, именно таким Мисудзу хотела видеть и представляла Дайскэ Танигути.

Перебирая воспоминания о Дайскэ, Мисудзу скучала по своему прошлому. Воплощая воспоминания в жизни, она еще раз возвращалась к своей любви, прикасалась к ней кончиками пальцев.

Тогда в Миядзаки Кидо отправился в бар и назывался Дайскэ Танигути, как это делал Икс. Он порядком выпил и рассказывал бармену о своей бывшей любви — Мисудзу. Выложив в тот вечер все, что он знал о Танигути, он сделал это непроизвольно, но с тех пор в его отношении к Мисудзу произошли чуть заметные перемены.

Тот факт, что в течение нескольких часов он играл роль человека, который когда-то в молодости любил и был любим ею, стал секретом, который он должен был теперь скрывать. Его тревожило это, и предстоящая встреча вызывала чувство неловкости. Точно так же, вероятно, ведут себя те, кто влюблен по-настоящему.

Подозрения жены, а не изменяет ли он ей, вызвали сложную реакцию в душе. Это началось после поездки в Миядзаки, поэтому он сначала считал, что жена подозревает Риэ, но, вероятно, ее интуитивные догадки касались Мисудзу. Разумеется, Кидо ничего не оставалось, как отнестись к этому с долей иронией, но все же...

В тот день Кидо встретился с Мисудзу на станции Минато-Мирай в одиннадцать.

Она выглядела естественно и стильно: ей шла свободная блузка со спущенными плечами и джинсы длиной до щиколотки. В строгом костюме и галстуке рядом с ней Кидо чувствовал себя не в своей тарелке.

— Извините, что вытащила вас. Наверное, и без того дел много, — сказала Мисудзу с той же непринужденной улыбкой, которой она одарила его и в баре.

Тогда Кидо сидел на табурете за стойкой и смотрел на нее снизу вверх. Теперь, когда они были рядом, его поразили ее большие глаза с выраженными нижними веками и прямой точеный нос. Он почувствовал сдержаный запах духов, подходящих для утра.

В выставочном зале почти никого не было, что было вполне объяснимо: первая половина буднего дня, выставлено современное искусство молодых художников.

Они поднимались и спускались по лестницам атриума, напоминавшего музей Орсе в миниатюре, рассматривая различные экспозиции и почти не разговаривая.

Хотя Кидо не был частым посетителем галерей, он любил отточенную простоту вроде «Пространственной концепции» Лучо Фонтаны, поэтому все эти лодки из картона, портрет ученика, составленный из оттисков школьных штампов «Хорошо», «Отлично», «Удовлетворительно», рисунки с жестокими сюжетами на темы аниме не вызывали в нем отклика.

Время от времени он смотрел на Мисудзу, пытаясь понять, приходятся ли ей эти работы по вкусу, но она не задержалась надолго ни перед одной из них.

Инсталляция под названием «Когда мне было три года. Воспоминания», представленная на втором этаже, стала для них обоих исключительной находкой. Автором оказалась японская художница чуть моложе тридцати, живущая в Берлине, имя которой Кидо было неизвестно.

Огромная инсталляция напоминала декорации для съемки сериала. Внутри была точно воспроизведена гостиная дома художницы, в котором она жила в три года. Это было ее первое воспоминание, поэтому масштаб комнаты, мебели и предметов быта в ней были не в натуральную величину, а гигантского размера.

Своей работой художница пыталась передать ощущения от окружающего мира в трехлетнем возрасте. Квадратный

деревянный обеденный стол располагался примерно на уровне глаз Кидо, а четыре стула, расставленные вокруг него, были такими высокими, что на них невозможно было просто сесть, нужно было буквально карабкаться наверх. Баночки со специями, контейнер с мукой для блинчиков огромного размера стояли так высоко, что до них было не дотянуться, лезвия кухонных ножей напоминали короткие мечи. В результате зрителям казалось, что они сами вдруг уменьшились.

Наблюдая за своим сыном Сотой, когда тот слонялся без дела по гостиной и кухне, Кидо иногда в голову приходили схожие с художницей идеи, а порой он предавался воспоминаниям о собственном раннем детстве. Сначала он был слишком мал, чтобы видеть отражение в зеркале над раковиной в ванной, потом, подпрыгивая, мог увидеть волосы, чуть позже — лицо, стал сам чистить зубы и наконец смотрел на свое отражение по пояс. Что же тогда крутилось у него в голове, когда все окружающие предметы быта и мебель были такими огромными?

Единственным недостатком этой впечатляющей инсталляции была грубою выполненная фигура матери.

Кидо и Мисудзу с трудом забрались на стулья и сели напротив друг друга за столом. В отличие от первой встречи, когда между ними была барная стойка, они оба смущенно улыбались. Как будто они превратились в детей и перенеслись в прошлое. Казалось, словно они друзья детства, которых позвали на полдник. Вот-вот кто-то из взрослых должен принести им еду.

После выставки они отправились на обед в известный ресторан «Мон-Сен-Мишель» в соседнем с вокзалом здании, там они заказали воздушный омлет из взбитых в пышную пену яиц.

Обмениваясь впечатлениями о выставке, они оба с усмешкой признали, что она была весьма посредственной. Когда

Мисудзу извинилась за приглашение на такую выставку, Кидо замахал головой и сказал, что инсталляция про детские воспоминания ему понравилась.

— Да, правда. Там можно было провести хоть полдня и не заметить. Но фигура матери, повернувшейся спиной, выглядела одиноко. Интересно, что она означала? Что хотела сказать художница?

— Хм... и правда. Я сначала подумал, что у нее просто не очень получается изображать людей, но, возможно, вы правы. Может, действительно есть какая-то причина, по которой она выполнена так небрежно.

Кидо был впечатлен способностью Мисудзу подмечать детали, на которые он сам не обратил внимания.

— Было написано, что у художницы сложные отношения с родителями, — сказала Мисудзу.

— Я пропустил это... Хотя, если так подумать, то для людей, чье детство прошло счастливо, подобная работа станет поводом предаться приятным воспоминаниям. Но если детство было другим, то в таком пространстве, должно быть, непросто находиться.

Мисудзу улыбнулась, словно соглашаясь с его словами, во взгляде читался вопрос о том, к какой категории людей Кидо относит себя. Но в то же время казалось, что она не слишком будет настаивать, если он не ответит.

— Наверное, я из счастливой семьи. Я был близок и с родителями, и с младшим братом.

— Мне тоже так показалось.

— Правда?

— Да. У меня тоже была вполне обычна семья. В хорошем смысле.

— Хотя я кореец в третьем поколении, в старших классах я принял японское гражданство, поэтому теперь я обычный гражданин Японии. Но в те годы интерьера нашего дома

немного отличался от типичного японского дома. Висели свитки с корейской каллиграфией, на фотографиях бабушка и мама были в традиционных корейских нарядах — чогори. Хотя это все мелочи... Если бы эту инсталляцию выставили за рубежом, думаю, в любой стране посетители бы перенесли в нее собственные воспоминания о детстве, хотя в Японии, вероятно, подобный подход к изображению «типичного дома» может вызвать критику. Здесь растет количество людей с корнями из других стран, да и разница между богатыми и бедными все больше. Да, пожалуй, именно на такие мысли наталкивает это произведение.

В первую встречу с Мисудзу Кидо был осторожен в высказываниях на тему своей этнической принадлежности, но сегодня беседовал об этом с легкостью. Только когда он уже заговорил об этом, с опозданием осознал, что делает.

Возможно, на него повлияла встреча с произведениями искусства и то, что за эти несколько месяцев он соприкоснулся с тем, как мыслит и что чувствует Мисудзу.

Она не казалась удивленной, но, похоже, прокручивала в голове все, что ему сказала прежде.

— Вот как. Я как-то об этом даже не думала. Возможно, мне стоит сходить еще раз.

— Благодаря вашему комментарию мне тоже захотелось туда еще раз.

— Значит, мы еще вернемся в галерею? — сказала Мисудзу с шутливой улыбкой.

А затем выражение на лице сменилось беспокойством, и она добавила:

— Наш прошлый разговор в Sunny... наверное, вам было неприятно?

— Вовсе нет, — ответил Кидо, пожав плечами, — вы о тех историях похищений японцев северными корейцами? Ну, это факт... Хотя, ваш босс немного преувеличивал.

— Я не только об этом... — Мисудзу запнулась. — Босс предвзято относится к китайцам и корейцам. Это в нем глубоко пустило корни.

— Хотя он такой большой поклонник черной музыки! Интересно, разве это не делает человека чувствительным ко всему, что касается дискриминации?

— Он не видит связи. Я думаю, он даже не понимает, что это является дискриминацией.

Кидо несколько раз кивнул, чтобы закончить побыстрее с этой не слишком приятной темой.

— Такаги ведь ваш...

Не успел он закончить свой вопрос, как Мисудзу с досадой прервала его:

— Меня часто об этом спрашивают, но это не так.

Кидо удержался от вопроса, а не испытывает ли все же Такаги к ней чувств. В наступившем неловком молчании Мисудзу вновь вернулась к прежней теме. Она не просто хотела еще раз поговорить о том же самом, скорее, чувствовала необходимость прояснить свою позицию.

— Вся эта риторика ненависти последнее время — это просто отвратительно. Меня это бесит.

В ее тоне звучало неприкрытое презрение к таким людям, совершенно отличное от дежурных фраз, вроде «Как это все ужасно», которые обычно слышал Кидо, будто это была только его проблема, а не общая. Он почувствовал, как напряжение, которое подсознательно еще было в нем, постепенно тает.

— Честно говоря, я не чувствую себя оскорбленным или обиженным. Хотя, когда доходит до крайности и начинают кричать: «Сдохните», «Тараканы!»... от этого устаешь.

Кидо бессильно улыбнулся, словно повернул крышку бутылки с газировкой, из которой уже вышел газ.

— Как же все так обернулось? Еще несколько лет назад этого себе никто и представить не мог.

— Слова, которые залегли на дно интернета, просто поднялись на поверхность.

— Разве нет способа пресечь это законным путем?

— Кто-то пытается это сделать. Но даже в юридических кругах мнения разделились, ведь это связано со свободой слова. Лично я считаю, что хейт-спичи должны быть взяты под контроль, как только мы установим, что именно считать риторикой ненависти... Но, как бы это сказать... Я не слишком хочу отдавать свои силы этой проблеме. Да, я презираю подобных типов, не будь их, в моей жизни было бы чуть меньше стресса. Но... чуть меньше. В моей жизни есть многое более важных вещей, о которых я должен думать. Например, о делах, над которыми я работаю, о моей семье и особенно о моем сыне... к тому же...

Кидо посмотрел на Мисудзу. Он чуть было под влиянием момента не выпалил, что и то время, которое они сейчас проводят вместе, является важным для него. Но успел остановился, чтобы это не прозвучало, будто он флиртует.

Кидо принялся за пышный омлет, выглядевший на тарелке как образец здоровой пищи. Приготовленный до идеально золотистого оттенка, омлет был сложен пополам, вспененное яйцо, с такой напористостью проглядывающее между половинками, вызывало ассоциации с расплавленной лавой, несущейся к морю.

— В любом случае в моей жизни и без того много всего. Масса того, из-за чего стоит серьезно задуматься или пострадать. Конечно же, и приятные, и радостные вещи... Я вырос как обычный японец, в обычном городе, никогда не сталкивался с дискриминацией из-за того, что я кореец. До недавнего времени я даже не знал о стигме, связанной с моим происхождением.

— Я забыла, что значит стигма?

— А, стигма — это некое качество или характеристика, которая становится материалом для дискриминации, негативных чувств или нападок. Даже если сами эти качества не являются чем-то негативным. Например, это может быть родимое пятно на лице, судимость, место рождения.

— Это и есть стигма?

— Да. Акцент делается лишь на этом одном качестве, а все остальные, присущие этому человеку, игнорируются. Хотя человек изначально обладает множеством черт, вдруг стигматизируется лишь то, что ты этнический кореец, а остальное уже неважно. Но вовсе необязательно, что стигму воспринимают только в отрицательном ключе. Честно говоря, мне совсем не нравится, когда другие корейцы произносят: «Да, ведь мы дзайнити», будто это что-то особенное. Как, например, если бы кто-то начал говорить: «Ну, мы же все такие из префектуры Исикава». Есть такой термин «попрошайка из Каги», изначально его использовали в качестве описательного выражения характера жителей префектуры Исикава: если уж обеднели, то пойдут милостыню просить. Даже если его сейчас используют с самоуничижительной интонацией, мне все равно это неприятно. Тем более, когда так часто это слышишь... Тоже относится и к фразам «Мы же юристы!» или «Мы же японцы!». Невыносимо, когда вся твоя личность описывается лишь одной характеристикой и кто-то пытается манипулировать этим.

— Все верно! Я всегда говорю точно так же, — сказала Мисудзу с блеском в глазах. До этого она сидела, облокотившись о спинку стула, но теперь пододвинулась к столу.

— Вы применяете это на практике, Мисудзу, даже больше, чем я. Днем вы работаете на фрилансе, а ночью смешиваете коктейли.

— Мой жизненный девиз — «три победы, четыре поражения».

— Что это значит?

— В жизни нас ждет не только хорошее, поэтому, по мне, «три победы и четыре поражения» — это самое то.

— Наверное, наоборот — три поражения и четыре победы? Иначе вы будете все время проигрывать.

Кидо подправил ее, решив, что это просто оговорка, но Мисудзу покачала головой:

— Нет. Именно как я сказала: «Три победы и четыре поражения». Может, я и не выгляжу так, но на самом деле я настоящий пессимист. Настоящие пессимисты умеют радоваться жизни! Это моя жизненная установка. Ведь пессимисты не ждут от жизни ничего хорошего, а когда что-то неплохое случается, они сами не свои от радости.

Мисудзу рассмеялась. Видимо, она гордилась своей теорией о пессимизме. Кидо был несколько обескуражен. Но вдруг проникся ее словами, будто они открыли перед ним какую-то новую картину.

— Ясно.

— Мне, как правило, в жизни не везет. Вот и Дайскэ от меня ушел. Меня бы устроили и «две победы, четыре поражения», но я ставлю перед собой высокие цели, поэтому стремлюсь, чтобы побед было три.

— Это хорошая теория.

— И я о том же.

— Потому что в современном мире одно поражение может отменить три победы.

— Кидо-сан, вы тоже пессимист.

— Да. Наверное, да.

— Все просто переоценивают мир. Цепляются за надежды. Поэтому, когда у кого-то несчастья, говорят, что человек сам был виноват. Да и своей жизнью люди не удовлетворены.

— Это очень верно. Потому что никогда не знаешь, что может случиться... Быть этническим корейцем в Японии — это не поражение, однако я и сам не могу сказать, сколько это рождает стресса... Все это очень противно. Если бы какому-нибудь странному писателю пришло в голову сделать меня персонажем своего романа, он бы наверняка назвал его «История о дизайните в третьем поколении». Ужасно. Хотя вариант «История об адвокате» мне тоже не нравится.

— Вы забавный, Кидо-сан.

— Думаете?

— Но я прекрасно понимаю, о чем вы.

— Я не думаю, что являюсь классическим корейцем в Японии... К слову о том, как противостоять всем этим хейт-спичам в интернете... Я понимаю, что это нужно делать, но когда я смотрю видео в интернете, это просто...

— Может быть, выступить с ответной демонстрацией?

— Я бы не хотел туда идти. Разве только если давать юридические консультации пострадавшим. Кстати, вот буквально только что в суде приняли решение по гражданскому иску о нападении на корейскую начальную школу в Киото... Честно говоря, наверное, я всегда выбирал в жизни такие места, где мне не пришлось бы столкнуться с агрессивными людьми. В моей обычной жизни вокруг нет людей, которые могут высказать мне что-то, ущемляющее мои права как японца. Думаю, оказаться на демонстрации и услышать поток грязи, — это неприятно...

— Но... а что ваша семья? Ваши родители и ребенок?

Перед глазами Кидо возникло лицо Соты, он замешкался с ответом. Ведь именно об этом говорила тогда его жена, когда просила не упоминать его происхождение. Она настаивала на том, что это поможет защитить их сына, на что Кидо даже не смог возразить. Ведь она ни слова не говорила

о том, что чувствует какую-то неполноценность из-за того, что у их сына корейские корни.

— Ну, все так... Но, если уж японцы говорят, что дзайнити должны выйти на демонстрации, чтобы дать отпор, разве не должны это сделать сами японцы, ведь это проблема их собственной страны. Ведь среди тех, кто сейчас является гражданином Японии, есть и виновники, и пострадавшие. Хотя, это, вероятно, приведет меня к выводу, что и я, являясь гражданином Японии, должен пойти на демонстрацию.

Кидо улыбнулся Мисудзу, чтобы показать, что он не намерен спорить. Пока он говорил, он почувствовал, что ему постепенно становится так же нехорошо, как в скоростном поезде на днях, ему захотелось побыстрее сменить тему.

— В любом случае решение проблемы теми, кто в нее вовлечен, затруднительно.... В таких ситуациях должна вмешиваться третья сторона. Именно из-за этого существует профессия адвоката.

Мисудзу кивнула, показывая, что согласна с ним. Она прищурилась и бросила на него добрый взгляд. Он был немного удивлен увидеть в такой момент ее улыбку, однако почему-то это успокоило.

— Тогда я пойду вместо вас, Кидо-сан, — сказала она.

— Что?

Застигнутый врасплох, Кидо не смог сдержать возгласа удивления. Он и сам не понял, проникся ли он подобным предложением или оно его смущило.

— Я не к этому завел разговор... не думаю, что вам стоит так поступать. Вы просто испортите себе настроение. Но... я все равно благодарен.

— Не стоит. Мне просто самой захотелось сходить, — со смехом ответила Мисудзу, обратив это в шутку.

Подхватив эстафету, Кидо тоже рассмеялся. Он еще раз подумал, какая она удивительная женщина.

Он так и не узнал в тот день, о чем она хотела с ним посоветоваться в деле поиска Дайскэ Танигути. Но после этой встречи их общение по интернету стало более близким.

Глава 10

С тех пор как Кидо взялся за дело Риэ, прошло уже более десяти месяцев, однако он так и не продвинулся в расследовании личности Икса. Особенных надежд он не возлагал и на поддельный аккаунт в соцсети, которым занимались Мисудзу и Кёити. Из-за нескольких дел, включая и то самое о смерти от многочасовой работы, он был очень занят, но история Икса все равно не давала ему покоя. После того как все записи в семейном реестре Риэ были исправлены, расследование забуксовало и дальше не двигалось.

Как-то раз он беседовал в офисе с Накакитой и натолкнулся на подсказку, которая помогла двинуться дальше.

Они продолжали оказывать юридическую поддержку пострадавшим от землетрясения в регионе Тохоку и в связи с этим обратились к Накаките за консультацией о тех пострадавших, у которых не было записей в семейном реестре и о существовании которых местные власти не могли знать.

Во время Второй мировой войны часть архивов с семейными реестрами сгорела в результате воздушных бомбардировок, а те, кто не обратился в нужные инстанции после войны, оказались без записей в реестрах. В наше время система архивирования изменилась: оригиналы реестров хранились в органах по делам о гражданском состоянии, а копии — в соответствующих региональных отделениях по юридической регистрации реестров, поэтому таких проблем, чтобы кто-то потерял записи в семейном реестре, не было. К тому же документы оцифровывались. Однако к Накаките обратились

по поводу отсутствия регистрации у детей в связи с так называемой проблемой «трехсот дней».

Согласно Гражданскому кодексу Японии, ребенок, родившийся в течение трехсот дней после развода, по закону считался ребенком бывшего мужа, поэтому, если женщины подавали на развод из-за домашнего насилия, заводили ребенка с другим женщиной, но не оформляли официально свидетельство о рождении, у этих детей в результате не оказывалось записей в семейном реестре, что стало проблемой в последние годы. Несмотря на то что они соответствовали всем условиям для получения японского гражданства, государство не знало, что эти дети существуют и, следовательно, не могло зарегистрировать их смерть в результате цунами. С точки зрения буквы закона эти люди не умерли, потому что никогда не существовали. Не было признака, указывающего на факт их существования, ничего, чтобы можно было отрицать при помощи частицы «не». С самого начала их просто не существовало, небытие полностью поглотило их.

Слушая рассказ Накакиты, Кидо подумал: а вдруг Икс — один из таких «незарегистрированных»? Кажется, и Накакита тоже намекал на это.

Если Дайскэ Танигути жив и здоров, то, вероятно, он мог жить под именем и регистрацией Икса. А что, если Икс не был зарегистрирован? Значило бы это, что теперь Дайскэ остался без регистрации? Кидо подумал о версии Кёити, что Дайскэ убили. Но если Дайскэ Танигути выдавал себя за человека, полностью отсутствующего в государственных записях, государство не смогло бы признать его убийство. Даже если бы его тело было обнаружено, наверняка оно было бы записано как «тело неизвестного». Если бы оставшиеся в живых друзья и знакомые дали показания, был проведен анализ ДНК, остались фотографии и личные вещи, то можно было бы доказать, что человек *существовал*, но в случае с цунами

все подчистую было потеряно, а ситуация становилась еще более сложной.

В любом случае у Кидо появилось неприятное предчувствие в отношении Дайскэ Танигути, хотя до этого он оптимистично надеялся его найти. Ему не хотелось рассматривать как вариант то, что Икс мог быть убийцей, — хотя бы ради Риэ. Если бы это стало правдой, то все ее усилия удержаться в этой жизни, хватаясь за соломинку, оказались бы бесплодными, она вряд ли бы с этим справилась.

Кидо с Накакитой сидели на диване в офисе и за чашкой кофе беседовали об истории семейных реестров.

Семейные реестры появились еще в VII веке вместе с введением правовой системы рицурё, основной целью которой был сбор налогов и поддержание общественного порядка. В эпоху Эдо, начиная с XVII века, в качестве инструмента для подавления христианства появились «книги храмовых записей», которые фиксировали более широкий круг информации: рождение, брак, усыновление, развод, изменение адреса жительства, смену профессии, смерть. Но и в ту эпоху было много людей, которые не имели записей в подобных реестрах, например ронинов — представителей военного сословия, оставшихся по разным причинам без покровительства сюзерена.

С наступлением эпохи Мэйдзи в конце XIX века граждане получили право на свободу передвижения по стране, поэтому «книги храмовых записей», основанные на фиксированном месте проживания граждан, вышли из оборота, и их место заняли новые семейные реестры, которые использовались при переписи населения для призыва в армию и сбора налогов. Чтобы избежать этого было немало случаев уклонения от записей и фальсификации реестров.

— Например, незарегистрированными могли быть не-законнорожденные дети. Бывали случаи, когда родители детей, рожденных за границей, из-за закрытия дипломатической миссии во время войны не могли подать документы на получение свидетельства о рождении. В этой системе оказалось много слепых зон, — сказал Накакита, откусывая кекс-баумкuchen, который кто-то принес в подарок.

Размышая о том, какая могла скрываться выгода в том, чтобы не регистрироваться в реестре, Кидо заметил:

— Передвойной система социального обеспечения была исключительно слабой, поэтому нетрудно представить, что люди не хотели регистрироваться, чтобы избежать военной службы. Именно поэтому правительство тогда активно продвигало образовательную систему ассимиляции для всех граждан империи с единым языком и символами.

— Но это был замкнутый круг только для своих. Ведь основы этой системы образования лежали в непрерывной императорской власти, длящейся тысячелетия, и институте семьи.

— То есть те, кто не были зарегистрированы в реестре, отвергались государственной системой.

— В пример можно привести хотя бы Корейский полуостров и то, как японская политика ассимиляции работала там.

Накакита знал о происхождении Кидо, поэтому, видимо, проявляя такт, подчеркнул, что такая политика, разумеется, должна заслуживать критики. Когда Кидо кивнул в знак согласия, Накакита продолжил:

— В любом случае в наше время для идентификации личности в основном используется сертификат о регистрации по месту жительства, удостоверяющий имя и адрес владельца. А после внедрения системы «Мой номер», в которой

каждому гражданину присваивается уникальный код, система семейных реестров станет не нужна.

— Это верно. Хотя так будет проще подменить свое удостоверение личности.

— Рано или поздно в базу будут внесены и биометрические данные граждан. И тогда от системы будет уже не скрыться.

— Да. Как бы то ни было, но такие люди, как Дайскэ Танигуди, именно из-за существования системы семейных реестров хотят порвать связи со своими семьями.

— А что же Икс? Если у него все же была изначально регистрация, то первое, что приходит на ум, — он скрывал свою судимость. За какое-то тяжелое преступление. Ведь, наверное, человеку непросто, оттого что и государство, и общество из соображений безопасности с подозрением следят за тобой.

— Да... в этом есть резон.

— Но у Дайскэ Танигуди ведь нет судимости?

— Нет.

— Тогда...

Кидо, сложив руки на груди, задумался. Накакита тоже лишь пожал плечами и больше ничего не сказал.

После разговора с Накакитой Кидо просмотрел уголовные дела, связанные с социальным обеспечением, и вскоре наткнулся на записи о необычном судебном деле, случившемся шесть лет назад.

Мужчина пятидесяти пяти лет, проживавший в токийском районе Адати, выдавал себя за другого мужчину шестидесяти семи лет и незаконно получал его пенсию. Но он не просто мошенничал, присвоив себе имя другого, а по обоюдному согласию обменялся с ним записями в реестре.

Другой же пошел на сделку, потому что собирался жениться на тридцатилетней женщине. Он хотел убедить ее в том, что это его первый брак, и уменьшить огромную разницу в возрасте.

В суде был вынесен приговор: за внесение ложных сведений в оригинал нотариально заверенного электронного документа и использование этого поддельного документа пятидесятипятилетний мужчина был признан виновным и приговорен к одному году лишения свободы и трем условным годам. Внимание Кидо привлек еще один фигурант этого дела, посредник, который участвовал в сделке по обмену семейными реестрами.

Посредник за соучастие тоже получил условный срок, но позже был арестован по подозрению в инвестиционной афере в несуществующем бизнесе и приговорен к трем годам лишения свободы.

Это произошло в 2007 году, как раз в то время, когда Дайскэ Танигуди съехал из своей квартиры в Осаке, а Икс появился в городе S. В записях дела было отмечено, что посредник провернул тогда не одну, а несколько аналогичных сделок по обмену реестрами, за что каждый раз получал комиссионные.

Читая записи, Кидо пришло в голову, что Танигуди и Икс могли познакомиться именно через этого агента. В ходе дальнейших поисков он выяснил, что посредник отбывает наказание в тюрьме Йокогамы. Это было всего в тридцати минутах езды на электричке от его дома, поэтому Кидо решил навестить его.

В тюрьме Йокогамы содержались заключенные класса «B», характеризовавшиеся «преступными наклонностями, включая рецидивистов», и преступники класса «F» — «иностранные

требующие особого от японцев обращения». Кидо, который занимался последнее время только гражданскими делами, не был там уже лет десять.

Заключенный, с которым он планировал встретиться, предложил первую половину дня, поэтому в десять утра Кидо на входе сообщил охраннику о визите.

День был облачный и прохладный. Если бы не окружающая тюрьму стена, здание можно было бы принять за школу. Кидо вспомнил книгу Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы», которую читал еще в университете.

При входе Кидо заполнил форму для посещения и сдал вещи. У мужчины, с которым он собирался поговорить, была необычная фамилия — Омиура. Когда в письме Кидо написал, что хотел бы расспросить его об одном деле шестидесятилетней давности, тот сообщил, что ответит на его вопросы «с удовольствием». Это было странно, ведь Кидо был для него совершенно неизвестным адвокатом.

Вскоре в сопровождении охранника в комнате для встреч появился Омиура. Это был лысый пухлый мужчина в возрасте около шестидесяти лет. Его правый глаз был больше левого, на лбу, покрытом глубокими складками морщин, росли короткие редкие брови. У него был маленький рот, придающий ему сходство с карпом. Увидев Кидо, Омиура радостно улыбнулся:

— Кто бы подумал, что меня навестит такой красавец адвокат! Знаете, у меня по поводу собственной внешности комплекс неполноценности. Даже то, что я оказался здесь, видимо, случилось оттого, что я пытался его преодолеть.

Омиура оценивающе рассматривал Кидо через прозрачную пластиковую перегородку, слегка наклонив голову. Он немногого шепелявил, казался вполне приветливым, хотя по первому впечатлению в нем скрывалось достаточно внутренней силы, чтобы убить, если кто-то посмеет его обидеть.

Слова о красоте Кидо воспринял как лесть, однако Омиура нарочито добавил, что чувствует собственную «неполноценность». А вот это показалось Кидо правдой. Прищуренный левый глаз и широко раскрытый правый будто символизировали эти противоположные намерения: скрыть что-то одно и заставить собеседника поверить во что-то другое.

Не обращая внимания на странное приветствие, Кидо уже собирался перейти к основной теме, когда Омиура спросил:

— А вы ведь кореец, сенсей?

Кидо нахмурился, но не сразу нашел ответ, словно ему сдавили горло. Когда через мгновение он выдохнул, то понял: его дыхание и правда остановилось на секунду. Охранник просто сидел рядом, не реагируя на их разговор.

— Ведь это так?

— Я должен ответить?

— По вашему лицу сразу же видно. Особенно форма глаз и носа. Я сразу же могу заметить разницу.

— Моя семья в третьем поколении живет в Японии. А я являюсь гражданином этой страны.

Перед глазами у Кидо промелькнуло собственное отражение в зеркале в ванной, которое он видел каждое утро. Он рассердился, но не хотел терять минуты, отведенные для визита, поэтому не показал виду. Омиура, кажется, благодаря этому восстановил баланс между чувством физической «неполноценности» и превосходством, после чего улыбнулся, приоткрыв рот так, что обнажились только верхние зубы.

Кидо кратко представился и объяснил причину своего визита. Омиура время от времени кивал, а затем вдруг прервал его:

— Сенсей, а что, действительно есть люди, которые живут до трехсот лет?

— О чём вы?

— Говорят же. Бывает, человек и триста лет живет.

— Никогда о таком не слышал.

— Все же в вашем мире их нет — так я и думал. Между нами говоря, был здесь в тюрьме один такой. Хотя он уже вышел на свободу.

В связи с характером работы Кидо приходилось встречаться с самыми разными людьми, но таких странных типов нужно было еще поискать. Бросив взгляд на часы, Кидо попытался вернуться к основной теме разговора, но Омиура, не обращая на него внимания, продолжал, понизив тон голоса, говорить о «трехсотлетних людях», периодически придвигаясь поближе к пластиковой перегородке. В его словах не было никакого смысла.

До конца встречи оставалось около пятнадцати минут, когда Кидо не выдержал и перебил его:

— Это все очень интересно, но сегодня я хотел бы спросить вас о случае, который произошел шесть лет назад. Знакомы ли вы с человеком по имени Дайскэ Танигути?

Бросив взгляд на фотографию, которую держал Кидо, Омиура откинулся на спинку кресла с явным раздражением, а затем со скучающим видом уставился в потолок. Кидо на мгновение перевел взгляд на охранника, после чего продолжил:

— Человек, носивший это имя, скончался. Но он не был Дайскэ Танигути, а настоящий Танигути пропал без вести. Это всего лишь мое предположение, но я подумал, вы можете знать что-то об обмене семейными реестрами.

Омиура вздернул подбородок и сказал:

— Вы говорите о младшем сыне из гостиницы в Икахо?

— О нем! — сказал Кидо, уставившись на Омиуру. — Так вы его знаете?

— Возможно... А может, и нет. На сегодня, пожалуй, хватит.

— Я хочу узнать, с кем он поменялся. И буду признателен, если вы мне в этом поможете.

— Это не был обмен, назовем это «отмыванием личности». Знаете, как в случае с грязными деньжатами, многие люди хотят отмыться и от своего грязного прошлого. С давних времен есть люди, которые даже готовы себе купить родословную. Вот, хотя бы вы, сенсей. Я вас как на ладони вижу.

— ...

— Сенсей, когда зайдете ко мне в следующий раз, принесите мне каких-нибудь подарков.

— О чём вы?

— Журнальчик про жизнь звезд «Асахи Гэйно». Ну, еще книжку «Сутра сердца». Люблю простое чтение.

Охранник сказал, что время истекло. Кидо кивнул, но Омиура явно выглядел разочарованным. Встав и посмотрев сверху вниз на Кидо, он произнес:

— А вы не очень-то похожи на остальных корейцев в Японии. Но именно это выдает в вас корейца. Так же как и то, что я не похож на мошенника, хотя им являюсь.

Омиура опять улыбнулся, обнажив верхние зубы.

Кидо был готов взорваться от гнева. Но он вдруг почувствовал такую слабость, что даже не смог подняться, поэтому просто смотрел, как Омиура уходит из комнаты для встреч.

Шло время, и Кидо чувствовал, как в нем растекается чувство, близкое к ненависти к Омиуру.

Он был всего лишь мошенником, с которым ему пришлось встретиться из-за работы. Его высказывание, что Кидо «не такой кореец, как остальные», не имело никакого смысла, просто психологическая игра. Но, несмотря на это, каждый раз, когда после визита в тюрьму он оказывался перед

зеркалом, то с неприязнью ощущал, что он смотрит на того человека сквозь прозрачную пластиковую перегородку. Он искренне хотел, чтобы факт существования этого человека стерся из этого мира и из его памяти.

Выяснив, что Омиура знал Дайскэ Танигуди, он был удивлен, но мысль встретиться с ним еще раз портила ему настроение. Беседовать с ним второй раз он не хотел, но Омиура, вероятно, что-то знал и о личности Икса. Ему было очень жаль Риэ и он хотел ради нее доказать, что Икс не был преступником, однако теперь дело окрашивалось в тревожные тона, и он стал беспокоиться, что с самим Дайскэ Танигуди могло что-то произойти.

Кидо написал еще одно письмо Омиуре, чтобы как можно быстрее развязаться с этим делом. Он не мог его бросить на полпути, но хотел побыстрее его завершить.

Десять дней спустя, когда Кидо вновь приехал в тюрьму, Омиура поблагодарил его за журнал «Асахи Гэйно» и долго распространялся на тему фотографии обнаженной модели, помещенной в журнале.

— В моем возрасте фотографии голых девчонок уже не возбуждают. Мне нравятся женщины лет пятидесяти. Это тоже самое, что вода в ванной. Когда вы первый в семье принимаете ванну, вода в ней жесткая. У этих молодых девчонок подтянутые формы, но даже на фотографиях они выглядят жестковатыми. А вот у дамочек среднего возраста такая кожа мягкая, как становится вода после того, как в ней полежали два-три человека. Вы еще молодой, сенсей, вряд ли понимаете, о чём я.

После этого Омиура рассказал историю о том, как в университете старшие игроки из команды по регби принудили его сняться в порно: холодной весной на пляже Кудзюкури раздели догола, бросили в воду, а потом группой изнасиловали в гостинице. «Ну я и натерпелся тогда», — говорил он

с такой интонацией, словно это занятная история. Но в результате в конце встречи намекнул, что знает Икса.

Во время третьей встречи, два дня спустя, Омиура хватался, что подзаработал деньжат на частных заказах на импорт виагры; дело, по его словам, было прибыльное, поэтому он предлагал Кидо поучаствовать в нем, когда выйдет из тюрьмы. Когда Кидо деликатно отказался и снова спросил о связи между Дайскэ Танигути и Иксом, Омиура отвернулся от него и начал насвистывать, словно исполняя какой-то комедийный номер, так больше ничего и не сказав. После этого он игнорировал письма Кидо.

Омиура был странным человеком с частой сменой настроения. В его историях правда и вымысел были так причудливо сплетены, что любая попытка отделить ложь от фактов была сопряжена с риском разорвать и истинные факты так, что потом их невозможно было бы прочитать.

Кидо почувствовал, что дело не в специфике характера, а скорее в каком-то болезненном психическом отклонении, поэтому больше решил ему не писать, выждав время, и тогда послания пришли от Омиуры. Он прислал восемь открыток одну за другой, на которых была перерисована фотография обнаженной модели из журнала «Асахи Гэйно».

Рисунки были неумело нарисованы шариковой ручкой. Сматря на них, Кидо почувствовал, что ему становится грустно. Возможно, Омиура больше всего хотел рассказать о том, как его заставили сняться в порно и изнасиловали. Кидо сначала отмахнулся от этой истории, решив, что она придуманная, но теперь подумал, а не хотел ли Омиура получить совет юриста или, может быть, просто человеческое сочувствие.

Омиура, возможно, устал от перерисовывания обнаженной натуры, потому что прислал рисунок бодхисаттвы Каннон,

которая сидела на берегу и смотрела на отражение луны в воде. Кидо ответил благодарственным письмом и попросил о новой встрече. Ответ Омиуры последовал незамедлительно. Письмо начиналось так: «Рад приветствовать вас, корейский друг!» Было непонятно, пытался ли он поддеть этим Кидо или же просто вложить добрые чувства, но после приветствия было написано следующее: «Вы не видите очевидного, красавчик-адвокат! Идиот!» Эти буквы он обвел ручкой несколько раз.

На рисунке опять была обнаженная фигура. Но не копия прежней фотографии, теперь это был рисунок в стиле манги: женщина средних лет поддерживала руками огромную грудь, схватившись за нее всей пятерней. Присмотревшись внимательнее, Кидо обнаружил, что вокруг правого соска мелкими иероглифами было написано «Дайскэ Танигути», а вокруг левого — «Ёсихико Сонэдзаки».

Когда Накакита проходил мимо его стола, Кидо молча показал ему открытку. Накакита нахмурился, посмотрел на лицевую сторону и рассмеялся, покачивая головой.

— Он хочет сказать, что этот Ёсихико Сонэдзаки и есть Икс?

— Наверное, так, хотя я впервые слышу это имя...

Кидо написал Омиуре письмо с просьбой о подтверждении, но ответа не получил, да и на дальнейшие предложения встретиться Омиура больше не отвечал.

Глава 11

В последнее воскресенье октября Риэ с матерью и детьми отправились на машине в парк, расположенный на окраине города около кургана, чтобы посмотреть на цветущие космеи; в этом году они расцвели чуть раньше, чем в предыдущие годы.

Хана часто называла это место парком Ханы и с радостью отправилась на прогулку. Юто в последнее время все чаще запирался в своей комнате и сначала отказался, сказав, что лучше почитает.

Риэ начала получать удовольствие от книг только во взрослом возрасте, но читала немного, поэтому была удивлена увлеченностью Юто. Из библиотеки он приносил только японскую классику: произведения Сосэки Нацумэ, Наоя Сига и Санэацу Мусянокодзи. Особенно ему нравился, судя по всему, Рюноскэ Акутагава. Он покупал книжки в мягкой обложке и принимался за чтение при любом удобном случае. Когда она спрашивала: «Тебе интересно?» — он ограничивался ответом: «Интересно». В прошлом году примерно в то же время она делала ему замечания, что он слишком много времени играет в компьютер, а теперь он даже не притрагивался к играм.

После обеда Юто поднялся к себе наверх и отказался спускаться, и только когда бабушка взялась за уговоры, согласился.

Хотя Риэ никогда особенно не говорила с ним об этом, Юто всегда с большим уважением относился к дедушке и бабушке. Она ни разу не видела, чтобы он не послушался их,

и даже если был недоволен чем-то, что говорила ему мама, то всегда прислушивался к словам бабушки. Разумеется, бабушка жалела и дочь, и внука, на долю которых выпало столько несчастий, но мальчика она всегда старалась побаловать, покупая даже слишком много сладостей и игрушек.

В прихожей их дома стоял аквариум с золотыми рыбками — хотя это и не совсем связано с основной историей. Уже после годовщины смерти отца Риэ и ее второго брака Юто вместе с бабушкой купили золотых рыбок в зоомагазине.

Ни Риэ, ни ее муж не знали об этих планах, поэтому, вернувшись с работы, немало удивились.

— Откуда это? Ты хотел золотых рыбок? — спросила Риэ у Юто.

— После смерти дедушки бабушка выглядит так одиноко, — ответил мальчик, объяснив причину покупки.

Этот аквариум был знаком Риэ с детства. Но с тех пор как все ее рыбки умерли, он уже больше тридцати лет пылился в сарае рядом с домом.

— Выходит, ты для бабушки купил?

— Да, я подумал, что это ее отвлечет.

— А почему именно золотые рыбки?

— Я видел, как она смотрела на аквариум в сарае. Ведь можно их оставить, да? Я сам буду о них заботиться.

Риэ была глубоко тронута добротой Юто.

— Юто растет хорошим мальчиком, — сказал ей тогда муж, и от улыбки глаза его превратились в щелочки.

Судя по всему, Юто не раскрыл свои мотивы бабушке. Вечером, когда дети уже легли спать, Риэ разговаривала с матерью. Она спросила о том, почему они решили купить рыбок, и ответ оказался неожиданным:

— Просто Юто после смерти дедушки выглядел так одиноко.

Риэ прыснула от смеха.

— Так тебе не нужны были золотые рыбки? — переспросила Риэ.

Ее мать, не понимая, что смешного, с подозрением в голосе ответила:

— Они для Юто.

— Юто сказал то же самое.

— В каком смысле?

Когда Риэ все объяснила, мать сначала выглядела ошарашенно, потом рассмеялась вместе с дочерью, а под конец даже прослезилась.

Когда Юто помогал бабушке искать что-то в сарае, они обнаружили там аквариум. Затем он вымыл его шлангом, нашел в интернете, где продаются галька для аквариума и воздушный насос. Вместе с бабушкой они купили все необходимое, и он сам все установил.

Риэ была рада, что между ее матерью и сыном возникла связь, о которой она сама не подозревала. Два дорогих ей человека тоже любили друг друга. К тому же без ее посредничества. Это вселяло удивительное чувство радости, и, когда она представляла, о чем они беседуют, в душе разливалось тепло.

Они могли разделять печаль и скрашивать одиночество друг друга, пытались заботиться о ранах другого и лечить тоску.

У Юто был такой характер, что он довольно быстро остывал к тому, что, казалось, сильно увлекало его еще недавно. Но забота о золотых рыбках была единственным делом, которым он никогда не пренебрегал, он ни разу не попросил кого-нибудь помочь ему. Ничего не изменилось и после смерти его второго отца.

На стоянке перед парком вокруг кургана, которая в будние дни пустовала, плотно стояли машины, судя по номерным знакам, и из префектуры Миядзаки, и из других префектур.

Стоял ясный осенний день, на площади диаметром больше тридцати пяти метров располагался курган, вытянутый в форме эллипса, который окружали поля космей, насчитывающие около трех миллионов цветков. Куда ни брось взор — вокруг были красные, розовые, фиолетовые цветки с желтыми серединками, покачивающиеся на зеленых стеблях. В этом огромном парке насчитывалось триста девятнадцать некрополей. Чтобы как-то расцветить этот пейзаж, напоминающий лишь о далеком прошлом, местные власти в свое время выступили с инициативой засадить территорию цветами. Теперь с приходом нового сезона здесь распускались цветы: весной — сакура и рапс, летом — подсолнухи. С самого детства в семье Риэ была традиция приезжать сюда, чтобы полюбоваться цветами. Даже имя дочери — Хана, что означает «цветок», — покойный муж выбрал, потому что любил это место. Так и сам парк в семье стали называть парком Ханы.

На аккуратных пешеходных дорожках, проложенных через цветочные поля, толпились семьи; то тут, то там на глаза попадались фотографы-любители с большими фотоаппаратами и штативами в руках. Подул теплый ветер, было бы приятно, если бы такая погода стояла круглый год.

— Хана, встань-ка рядом с космелями. Ты пока еще пониже будешь.

Хана встала рядом с полем цветов, как велела бабушка, а потом попросила Риэ ее сфотографировать. Каждый год они сравнивали ее рост с высотой цветов, девочка любила потом перелистывать эти фотографии. Стоило зазеваться, как Хану уже было не видно из-за цветов. В прошлом году каждый раз, когда она убегала вперед, Риэ приходилось ее догонять. Наводя на нее камеру мобильного телефона, Риэ подумала, что уже в следующем году или через год Хана перерастет цветы. Из-за легкого дуновения ветра головки

цветов стали покачиваться из стороны в сторону, словно пытаясь сквозь толпу рассмотреть Риэ и ее родных.

По дороге в парк и потом, во время прогулки, Юто все время молчал. Засунув руки в карманы серой толстовки, он оттягивал ее вниз, будто в ней лежит что-то тяжелое. Он рассеянным взглядом скользил по цветам, периодически посматривая на сестричку.

Риэ смотрела на его спину, изучала его профиль, когда он поворачивался вполоборота, и думала о том, каково же пришлось мальчику потерять одного за другим брата, деда и своего второго отца. Он резко вытянулся в этом году, но фигура у него была по-прежнему мальчишеской.

Даже взрослый в такой ситуации чувствует пустоту, будто у него вырезали самые важные части тела. Сама Риэ потеряла равновесие, еле-еле могла стоять на ногах, слегка покачиваясь. А ее сын ничего не говорил, просто молча переживал эту боль. Он ухаживал за золотыми рыбками, присматривал за сестренкой, читал книжки, пытаясь как-то держать себя в руках. Ей было очень жалко мальчика. Когда умер Рё, Юто еще не понимал, что означает смерть. Но дальше он будет взросльть, переживать разные чувства и размышлять об этом. Когда Риэ была подростком, она не сталкивалась со смертью близких людей и лишь смутно размышляла о ней.

Благодаря тому, что Юто встретился со своим новым отцом уже в осознанном возрасте, он был к нему привязан даже больше, чем его настоящая дочь Хана. Когда Риэ переживала, как должна поступить в той или иной ситуации как мать Юто, она всегда думала, как было бы хорошо, если бы ее муж был жив и мог дать ей совет.

Текло время, ее горе постепенно теряло очертания, казалось, что оно медленно и бесшумно рассыпается. Оно

погружалось в поток времени, и на сердце становилось легче. Она чувствовала облегчение, ведь отдалась от кризиса, но при этом порой где-то в глубине души медленно поселялось одиночество совсем иного рода, нежели то мучительное одиночество, которое охватило ее после смерти мужа.

Риэ стала больше, чем прежде, размышлять о своем возрасте. Кто-то из знакомых говорил, что ей стоит задуматься о новом браке, но на это она отвечала с улыбкой: «Мне уже достаточно» — и качала головой.

Ее отец умер в шестьдесят семь лет. Временами она размышляла об этом и понимала, что, может, и она уже пересекла точку середины своей жизни. Мысли о смерти ее пугали. Но когда она думала, что по ту сторону ее ждут Рё и отец, этот страх смягчался. Даже Рё, будучи маленьким ребенком, принял свою смерть. Ту смерть, которой она не смогла умереть вместо него... Мысль о том, что он может с нетерпением ждать ее, порождала даже желание уйти к нему как можно быстрее. Ведь кто, кроме нее, мог позаботиться о нем? Бессмысленное лечение принесло ему столько боли, а она за это так и не извинилась перед ним. Она хотела сделать хотя бы это.

С какого же момента она стала воспринимать смерть ребенка не как часть своего прошлого, а как будущее, которое ее ждет? Оно не отдалось, а наоборот, приближалось к ней. К несчастью, она была не из числа людей, которые могли в это искренне поверить. Ведь будь это так, ей бы пришлось обречь Рё еще на сорок лет ожидания по ту сторону жизни. Как она могла это допустить? И пусть эта мысль была не оформлена, но то, что самые дорогие ей люди отправились уже по ту сторону и ждут ее там, успокаивало ее страхи и поддерживало одиночество.

Она не могла представить, что в том мире ее отец стареет. Но как же Рё? Если бы он был жив, ему было бы одиннадцать. Переезд избавил ее от необходимости наблюдать за тем, как растут его одногруппники по детскому саду. Те малыши в подгузниках, которые еще недавно еле-еле умели ходить, уже через два года наденут форму учеников средней школы.

В следующем году исполнится десять лет со дня его смерти. «Время летит», — подумала она про себя. А затем еще раз повторила: «Время летит».

Риэ получила от Кидо сообщение, что настоящее имя Икса пока не известно, хотя подвижки в деле есть. Она не могла торопить его, он и без того работал за скромное вознаграждение, и хотя узнать правду было страшно, но она очень этого хотела. Ведь пока она ее не узнает, не только личность ее погибшего мужа, но и ее прошлое окутано завесой неизвестности.

Риэ понимала: в том, что Юто отворачивается от нее, скрывается и критика, так как она больше не упоминала отца в разговорах. Однако в последнее время, наверное, потому, что он ее жалел, он больше ничего не говорил на эту тему, как тогда, в его спальне.

Когда они дошли до аллеи с сакурой, на которой уже не было листьев, Риэ спросила:

— Юто, а какую книгу ты читал перед отъездом?

— Ничего особенного, — ответил он.

— Есть такая книга «Ничего особенного»? — спросила Риэ с улыбкой, слегка толкнув его в плечо.

— Книга Акутагавы, — сказал Юто.

— Смотри, он тебе нравится. Я тоже когда-то давно читала «Бататовую кашу» и «Вагонетку».

Пропустив мимо ушей ее слова, Юто безразлично смотрел себе под ноги.

— И о чем этот рассказ?

— Это не рассказ. Это вроде стихов в прозе...

После Юто назвал книгу, но Риэ его не расслышала.

— Прости, как называется?

— «Парк Асакуса».

— Это Акутагава написал?

— Да.

— И о чем?

Юто пожал плечами, словно ему было неохота говорить.

— Расскажи мне.

— Главный герой проходит мимо магазина искусственных цветов, тигровая лилия заговаривает с ним: «Посмотри, какая я красивая». А герой отвечает: «Понятное дело, ведь ты искусственный цветок».

— Что-то не очень понятно. Странно, — улыбнулась Риэ. — Тебе кажется это интересным, Юто?

— Да... Но мне трудновато.

— Ты постепенно будешь понимать и то, что даже мне тяжело понять. Когда дочитаешь, дай мне.

— Не выйдет.

— Почему?

— Я кое-что уже подчеркнул...

Риэ с нежностью посмотрела на профиль сына и улыбнулась.

— Понятно. Тогда, наверное, мне придется купить себе другой экземпляр.

— Сомневаюсь, что тебе это будет... интересно.

— Послушай, не очень-то вежливо с твоей стороны.

Наконец Юто улыбнулся.

— Даже если мне не будет интересна книга, я хочу знать, чем ты увлекаешься.

— Да ладно, не обязательно тебе это знать.

— Ну, тогда я просто прочитаю сама.

— Хватит уже о моей книге говорить.

Юто взмахнул рукой и почесал голову, словно пытаясь избавиться от назойливости матери. Затем он оглянулся посмотреть, где Хана и бабушка, и, обнаружив, что они что-то рассматривают у края дорожки вдалеке, снова повернулся к Риэ.

— Мама, ты помнишь папино дерево?

— Конечно. Вот это? Третье дерево отсюда, у которого ветки вон так висят.

После того как Риэ снова вышла замуж, они все вместе пришли в парк и решили, что каждый выберет дерево сакуры, которое больше всего ему приглянется.

Дерево Риэ было дальше по дороге. Дерево Юто было на два дерева дальше от папиного. А дерево для Ханы выбрал для нее Юто, когда та была еще в утробе матери. Удивительно, что, выбрав свое дерево, в следующий раз, когда они приезжали сюда, каждый видел, что его дерево отличается от других, и испытывал к нему какие-то теплые чувства.

Каждый год весной они приезжали сюда и сравнивали, какое дерево красивее цветет. После смерти папы дерево Юто уступило дереву отца, но в следующем году дерево Юто оказалось самым красивым. Юто хотел постоять перед могилой отца и рассказать ему об этом, но этого так и не случилось.

Этой весной Риэ не привезла их в парк посмотреть на цветы.

Стоя перед деревом с голыми ветками, Риэ задрала голову наверх и рассматривала сакуру, которую выбрал покойный муж. В этом парке росло две тысячи деревьев, разумеется, он не видел их все. Но он почему-то выбрал именно это и, когда сменялись времена года, стоял здесь и смотрел на него, словно оно было частью его самого.

Она все еще ничего не знала о том, кем был этот человек. Но он был из тех людей, которые чувствуют, какое именно выбрать дерево из множества.

— В этом году на годовщину смерти ты так и не сделала для него могилу, — сдержанным тоном, удивительным для ребенка, сказал Юто матери.

Она не могла и представить, что у нее хватит духу объяснить все прямо сейчас, но, с другой стороны, он больше не принял бы уклончивого ответа.

— Я кое-что не рассказывала тебе.

— Что?

— О папе... Его настоящее имя не Дайскэ Танигути.

— Как?

— Я тоже этого не знала... но после его смерти выяснилось, что это было не его настоящее имя. Тогда приехал старший брат Дайскэ Танигути и сказал, что это не его брат.

— Я совсем ничего не понимаю...

— Он носил чужое имя.

Ресницы Юто дрогнули, он стоял с открытым ртом.

— Тогда... кто же он?

— Это выясняют сейчас. Я ходила в полицию, наняла адвоката.

— Так они это выяснили?

— Пока нет. Поэтому я и могилу не могу сделать.

— Тогда, выходит... что и мое имя Юто Танигути... оно ненастоящее?

— Танигути — это фамилия, которой назывался твой отец. Но на самом деле эта фамилия чужого человека.

— Поэтому ты вернула себе девичью фамилию?

Когда Риэ кивнула, Юто ошеломленно продолжал смотреть ей в лицо. Казалось, он не понимает, как описать собственную растерянность.

— А тогда... история, которую папа мне рассказывал?
О том, что дом его родителей на горячих источниках Икахо.
О том, что он ушел из дома, поссорившись с семьей?

Риэ на секунду замялась, но потом посмотрела решительно в глаза сыну:

— Это история не твоего отца, а того человека, Дайскэ Танигути.

— Это была неправда?

Было видно, как напряглись скулы на побледневшем лице Юто. Риэ дважды кивнула.

— Что за ерунда? Он нам всем наврал? Зачем? Зачем папе нас обманывать? Что он такого натворил?

— Я тоже не знаю. Поэтому и тебе объяснить не могла, я хотела тебе обо всем рассказать, когда чуть больше разберусь сама... Но я пока и сама не знаю.

Между ними повисла тишина.

Наконец Хана под руку с бабушкой подошла к ним, подпрыгивая на ходу.

— Мам, смотри, папино дерево!

— Точно.

— Вот что я думаю: папа наверняка знал, что мы сегодня придем, поэтому забрался внутрь дерева и там спрятался.

Риэ не хотелось отрывать взгляда от Юто, но, посмотрев на Хану, она с улыбкой ответила:

— Может быть, ты и права.

— Мам, сними меня.

— Хорошо. Вместе с папиным деревом?

— Да! А потом рядом с моим деревом.

Хана встала перед деревом, за ней последовала бабушка. Юто не двигался с места, но, когда бабушка окликнула его, он тоже подошел к ним.

— Так, улыбочку! — крикнула им Риэ. На экране смартфона она увидела, что Юто смотрит на нее без тени улыбки.

Она нажала на кнопку и сохранила это выражение сына на фотографии.

— Риэ, иди встань сюда. Давай я вас щелкну, — сказала бабушка.

Риэ взяла Хану за руку и стала рядом с Юто. Она поняла, что и сама толком не знает, как совладать со своими эмоциями.

Глава 12

В просторном вестибюле окружного суда Йокогамы Кидо стоял, беседуя со своими заказчиками — родителями молодого человека, покончившего с собой, — о только что завершившихся пятых устных прениях. Судебное разбирательство о смерти в результате многочасовых переработок уже тянулось почти два года, общественная позиция в отношении ответчика по делу сети питейных заведений стала более острой, и наконец появились признаки того, что ответчик готов пойти на мировое соглашение.

О ходе слушаний в суде Кидо и истцы собирались сообщить на брифинге с участием профсоюзов, поэтому сейчас они еще раз обсуждали дальнейшие действия. Отец погибшего, посмотрев в глаза Кидо, сказал:

— Сенсей, речь не о победе или поражении. Мы просто хотим разобраться, что произошло, почему наш сын погиб.

— Я понимаю вас, — кивнул Кидо, давая ясно понять, что ему очевидны мотивы, которые заставили родителей так долго вести это дело.

У отца погибшего был широкий лоб, почти все волосы уже поседели, аккуратная стрижка. Под бровями в форме домика всегда блестели, словно от слез, глаза, похожие на два одинаковых угольника. Общественное мнение с сочувствием относилось к этому делу, в этом немалую роль сыграло выражение отца, которого показывали в СМИ, ведь никто не мог остаться равнодушным.

— Будем двигаться вперед. Мы на правильном пути.

Кидо всегда так говорил, и прежде это не особенно воодушевляло его заказчиков, но, кажется, за последний год эти слова, сказанные с теплой интонацией, стали вызывать у них отклик.

— Мы вам очень благодарны, сенсей. В самом начале мы совсем не знали, что и как делать. То, что мы смогли сохранить рассудок в такой ситуации, — это исключительно ваша заслуга. Наш сын не вернется к нам благодаря суду, но...

Кидо только смог сдержанно ответить «Будем двигаться дальше» на слова отца. Однако в глубине души он был тронут, ведь в них отражались истинные чувства этого человека.

В тот день у Кидо было плохое настроение, ведь утром он отругал сына за то, что тот перед выходом из дома вдруг закатил истерику и не хотел одеваться.

Вчера жена уехала по делам в Осаку, Кидо остался дома вдвоем с Сотой.

Вечером они поужинали в семейном ресторане, затем приняли ванну и легли спать, все было как обычно, однако утром, когда Кидо проснулся, он увидел, что сын Сота смотрит «Дораэмона» на DVD по телевизору в гостиной. Кидо подгонял его, чтобы он шел завтракать и умываться, но Сота не реагировал на слова отца. Сначала Кидо подумал, может быть, мальчик заболел, но температуры не было, и на вопрос «не болит ли что-нибудь?» сын просто покачал головой. Шло время, но Сота так и не захотел завтракать, поэтому интонация отца стала более строгой.

У Кидо была договоренность о встрече в половине десятого, поэтому он торопился, то и дело посматривая на часы.

Сота вел себя беспокойно последние две недели. Каори отругала его за то, что он не хотел делать задания в тетради по счету. Кидо никогда не был сторонником чрезмерных

занятий в младшем возрасте и защитил сына, сказав: «Складывать он научится скоро и сам, незачем сейчас слишком много времени этому посвящать», из-за чего они поругались с женой. Кидо по работе знал, что разногласия между родителями по вопросам образования и воспитания часто становятся причиной развода. И все же это было странно для их пары, что они не могут спокойно обсудить даже такой вопрос. Видя, как Каори уже устала возить его на разные занятия, он сказал об этом из сочувствия, но это лишь подлило масла в огонь. С тех пор Каори стала еще строже обращаться с сыном.

Видя ее отношение к ребенку, Кидо впервые серьезно подумал о разводе. Очевидно, что семейная жизнь стала для нее источником стресса. Каори по-прежнему была для него близким человеком, и он подумал, что если бы она начала заново рядом с каким-нибудь другим женщиной, то, возможно, смогла бы вернуть себе спокойствие, которое было в ней раньше.

Он не мог найти никаких признаков, что она любит его. Да и задавая себе самому вопрос о том, любит ли он ее, затруднялся найти ответ. Но он не мог однозначно сказать и того, что не любит ее.

После десяти лет супружеской жизни их отношения стали постепенно разваливаться без каких-либо сильных ссор, Кидо все время думал о том, как они могли бы все исправить. За последние несколько месяцев они ни разу не прикоснулись друг к другу и, словно чужие люди, внимательно держали физическую дистанцию, чтобы даже случайно не столкнуться.

Каори, очевидно, тоже пыталась сдержаться от выяснения отношений.

Она следила за собой, чтобы в разговоре с мужем не допустить эмоциональных всплесков, однако когда она ругала сына, то становилась все более злой. Прожив вместе десять лет, он никогда еще не видел ее такой.

Да и сам Сота, что, впрочем, было нормальным для возрсления ребенка, чем строже приказывала ему мама, тем сильнее противился. Отношения между матерью и сыном, как порочный круг, становились все хуже.

Кидо сказал об этом Каори очень аккуратно, ведь он опасался, что и без того трещащие по швам отношения между ним и женой могут в любой момент рухнуть. Он утешал Соту, пока тот принимал ванну и готовился ко сну, обнимал его и слушал все, что тот хотел рассказать, но при этом раздражался от собственного поведения, ведь он словно продолжал закрывать глаза на проблему. Его поведение было далеко от образа того отца, каким он стремился стать.

Кидо понимал, что причина, почему так подавленно себя чувствует жена, заключается в нем. Однако каждый раз, когда он пытался нащупать основной повод ее раздражения, на поверхности которого были лишь нелепые подозрения в супружеской неверности, что-то останавливало его. И он продолжал заниматься поисками Икса, что стало уже своего рода хобби для него, сбегая от собственных реальных проблем.

Если бы все это касалось лишь отношений между супругами, он бы не тревожился так сильно. Однако разлад между родителями оказывал отрицательное влияние на ребенка, и ему больше всего хотелось избежать этого. Принять такую ситуацию он никак не мог.

У Кидо не было особой теории по воспитанию детей, но он очень надеялся, что Сота никогда не усомнится, что вырос, окруженный любовью родителей. И его жена, вероятно, думала так же.

Сота никогда не перечил отцу. Кидо ненавидел притворную доброту, с которой обращался к сыну, но в результате родилась иллюзия, что между ним и сыном сложились особые доверительные отношения. Однако, как только Каори уехала, Сота мог сорваться лишь на том, кто остался, и выплеснуть все разочарование на него.

Кидо должен был это предвидеть, но в ответ на сопротивление Соты вскипел так, что уже не мог себя контролировать, поэтому бросил в него носки, которые тот откашивался надевать, а затем, положив руку на голову сына, громко крикнул: «Хватит уже истерик!»

Хотя он не просто положил руку на голову. Этот жест должен был заставить ребенка слушаться, поэтому он, скорее, грубо схватил его. А в следующее мгновение отдернул руку, словно бессознательно пытаясь скрыть, что только что натворил. Сота испугался и перестал плакать. Кидо посмотрел на свою руку, которой только что в порыве ярости сжимал сына. Сила, которая была в этой руке, содержала все то, что он всегда так настойчиво отвергал в насилии.

У него было чувство, будто в глубине души лопнуло что-то ужасно грязное. Когда Кидо отошел от сына, Сота, всхлипывая, с красным лицом, надевал носки. Кидо обнимал его, пока тот не успокоился. После этого он, не говоря ни слова, отвез его в детский сад. И как только ребенок скрылся за дверьми сада, он почувствовал себя жалким, съедаемым угрызениями совести.

Каждый раз, когда Кидо в бракоразводных процессах сталкивался с трагическими случаями жестокого обращения с детьми, с одной стороны, он жалел детей, с другой — сочувствовал людям, которые родились и жили в условиях, сделавших их такими. При этом он был уверен, что сам принадлежит к другой категории людей.

Но теперь он впервые подумал, что будь его жизнь более несчастной, то, может быть, и он был тем самым отцом, который бьет своего ребенка. Представляя это, он терял веру в того человека, каким являлся. Даже то, что после всего он обнял и успокоил Соту, было стандартным поведением обидчиков в домашнем насилии, у которых после стадии насилия следует стадия примирения.

После шести часов Кидо пошел забирать Соту из детского сада, расположенного в здании станции «Мотомати-Тюкагай». Когда Кидо пришел, Сота поспешил убрал кубики, в которые он играл с друзьями, и, широко улыбаясь, подбежал к Кидо.

Воспитательница сказала, что день прошел хорошо, без особых проблем. Дети еще играли, словно не желая уходить, а затем собрались вместе и хором сказали: «До свидания!», после чего Кидо и Сота вышли из садика.

Дул сильный ветер с моря. Деревья вдоль дороги, силуэты которых очерчивались в темноте, были украшены блестящими рождественскими огнями. Они стояли на светофоре, рассматривая на яркий квартал Мотомати, и Кидо заметил, как какой-то мужчина бьет ногой электрический столб.

Кидо сжал руку Соты и отошел на несколько шагов по дальше. Загорелся зеленый свет, но мужчина не двигался с места, они прошли мимо и больше его не видели. Кидо ничего не сказал, но Сота тоже ускорил шаг.

Каждый раз, когда они останавливались на светофорах, доносился холодный ветер, гуляющий по улицам. Застегивая пуговицы на пальто, Кидо забеспокоился, не замерзли ли пальцы сына, который держал его за руку.

— Тебе холодно? Все в порядке?

— Да... Пап...

— Что?

— Хотя у Ультрамена не шевелится рот, как у него получается его клич «Сювач!»?

— Интересно. И правда, как же?

Кидо со смехом покачал головой. Судя по тому, как Сота округлил глаза, он был поражен способностями Ультрамена.

— Но ведь Ультрамен может летать, стрелять космическими лучами, делает такие штуки, по сравнению с которыми говорить с закрытым ртом совсем несложно.

Кидо решил, что он нашел хороший ответ, но для Соты он оказался неубедительным.

Вернувшись домой, Кидо приготовил на ужин спагетти с мясным соусом и котлеты из замороженных полуфабрикатов. Прежде чем Сота успел включить телевизор, Кидо сел на диван, усадил сына на колени и извинился перед ним:

— Прости, что накричал на тебя сегодня утром.

— Угу, — кивнул Сота, который хотел побыстрее включить телевизор.

— Я торопился, чтобы не опоздать на работу. Ты бы тоже не хотел опоздать в детский сад? Вот и рассердился.

— Угу.

— Завтра утром — посмотри на меня — завтра утром будем быстро собираться, чтобы не опоздать.

— Угу.

— Отлично, вот и договорились. Ладно, смотри телевизор.

С этими словами Кидо еще раз погладил ребенка по голове и обнял.

После купания они пошли в детскую и, выключив свет, вместе забрались в кровать.

— Папа.

— Что?

— Если бы кроме меня существовал еще и мой двойник, ты бы понял, кто из нас настоящий?

— Это ты к чему?

Сота рассказал ему о книжке с картинками про героя Ампаммана, которую им читали в детском саду, где есть антигерой, Байкинман, который выдает себя за настоящего Ампаммана.

— А, вот ты о чем... Конечно, я бы сразу догадался. Ты же мой ребенок.

— А как бы ты догадался?

— Одного взгляда достаточно. Ну, еще по голосу.

— А если бы у него были и лицо, и голос как у меня?

— Тогда... я бы спросил о воспоминаниях. Куда мы всей семьей ездили отдохнуть прошлым летом?

— Гавайи!

— Точно. Двойник может выглядеть, как ты, но у него не может быть твоих воспоминаний.

— Точно! Здорово ты придумал, пап. Значит, если появится твой двойник, я спрошу его о воспоминаниях.

— Да.

— Тогда... скажи мне, когда мы были на Гавайях, ел ли ты огромный стейк размером с сандалию?

— Ел. Но если ты так спросишь, то двойник сразу же догадается, какой ответ правильный.

Они болтали, потом паузы в беседе становились все длиннее, а затем Кидо услышал, как сын посапывает во сне. Он дождался, пока Сота заснет покрепче, а затем поправил одеяло и тихонько вышел из детской.

Решив, что пора уже украсить елку, ведь он постоянно откладывал это, Кидо включил диск с прекрасным дуэтом Масахико Тогаси и Масабуми Кикути и взялся за дело. Открыв коробку, он обнаружил гирлянду, серебряные и золотые украшения в том самом виде, в каком он упаковал их год назад.

Посмотрев на искусственную елку, Кидо вспомнил, что ровно год назад к нему обратилась Риэ по делу Икса. Он был поражен тому, как, оказывается, быстро пролетел год.

Он вспомнил тот вечер, когда уложил Соту спать, после чего пришел в гостиную и пил здесь водку. Он думал о том, какое сильное чувство радости тогда испытал.

Собрав елку, он поставил ее возле двери на балкон, украсил звездочками и стеклянными игрушками, а в завершение повесил гирлянду со светодиодными лампочками. Он так долго оттягивал это дело, а на все ушло пятнадцать минут. Включив гирлянду и приглушив освещение в комнате, он отошел на несколько шагов, чтобы посмотреть, как получилось. В балконной двери он увидел собственное отражение в комнате.

Кидо уже подумывал о том, чтобы выпить немного, но, когда зазвучала его любимая сольная композиция на фортепиано Масабуми Кикути All the Things You Are, ему расхотелось двигаться с места.

Темп композиции был таким, будто бы время постепенно рассыпалось. Каждая нота превращалась в прозрачную каплю, после падения которой по комнате в тишине расходились круги.

Кидо затаил дыхание даже не столько из-за самой музыки, сколько из-за переплетения предчувствия и резонанса звуков и смотрел на огни гирлянды, циклично менявшие последовательность подсветки.

Вдруг прозвучал сигнал на мобильном о полученном сообщении. Он посмотрел на телефон на столе, сообщение было от Каори: «Как вы там? Сота слушается?»

Обычно она не писала ему из командировок. Возможно, сегодня она отправила сообщение из-за напряженности между ними в последнее время. Он надеялся, что в командировке она сможет немного отвлечься, и был рад увидеть ее сообщение, пусть всего и в две строчки длиной. Она сказала, что

уезжает вместе со своим новым начальником. Кажется, он был внушающим доверие человеком. По крайней мере, при нем она перестала жаловаться на работу.

«У нас все в порядке. Сота хорошо себя ведет. Хорошей командировкой!» — ответил он, добавив неожиданно для себя эмодзи к сообщению. В ответ на это Каори прислала стикер с неизвестным ему персонажем и надписью: «Thank you!!» Персонаж улыбался, хотя Кидо уже целый год не видел улыбки Каори.

Сидя за столом, он еще некоторое время листал страницы новостей в мобильном, а потом вспомнил, что говорила о своей жизненной философии «три победы, четыре поражения» Мисудзу.

Теперь он ясно осознавал, что она нравится ему. Но он не прилагал никаких усилий, чтобы развивать эти отношения. В самых разных смыслах эта идея была настолько нереальной, что он никогда серьезно не думал о возможности отношений. Однако что-то в этой идее порождало фантазии о том, какой бы могла быть его жизнь рядом с ней.

Общаясь с ней по интернету, он чувствовал комфорт, которого не испытывал в обычной жизни. Когда он видел на фотографиях в соцсети ее улыбку с выражением легко-мыслия и радости от незначительных мелочей, он представлял себе: а как бы они могли жить вместе? Если бы он женился на ней, она была бы матерью Соты. Как бы это было? Это была не более чем фантазия об альтернативной жизни, которая, хотя и была возможна в другом мире, никогда не стала бы реальностью в этом.

Кидо подумал: будь он все еще молодым и холостым, наверное, вряд ли бы осторожничал и взвешивал каждый шаг. Однако импульс, который тогда подталкивал его и силой тянул за собой, а именно физическое желание, теперь робко отступал и, казалось, последует за ним, только если Кидо

будет очень настаивать. А ведь он так долго страдал из-за отсутствия близости в браке. А теперь и сам боялся подстегивать и выпускать его на волю. Когда ему было двадцать, он бы назвал подобное бездействие наглой ложью, прикрытой отговорками о собственной зрелости...

В любом случае, будучи человеком средних лет, он не мог поддаться внезапному разрушительному порыву бросить жизнь, которую он кропотливо строил, чтобы начать новую с Мисудзу. Ведь это было бы полной противоположностью ее прагматичной философии компромисса «три победы, четыре поражения», так сильно его впечатлившей.

Впервые Кидо задумался: а что, если Икс был совершенно обычным человеком, которому просто наскучила его прежняя жизнь?

Человек становится самим собой благодаря воспоминаниям. А что, если заимствовать чужие воспоминания? Вероятно, так можно стать этим человеком?

«А если Икс сидел в одиночестве поздно вечером, уставший от жизни, как и я сейчас, и случайно нашел Омиуру в интернете. Может быть, он не был связан ни с каким преступлением, убийством, а был просто человеком, жаждущим в жизни каких-то более ярких впечатлений».

Кидо пытался поискать в интернете имя Ёсихико Сонэдзаки, которое Омиура написал на женской груди на том рисунке, но не нашел никаких признаков существования человека с таким именем, уж не говоря о какой-то криминальной истории.

Больше, чем прежде, Кидо стал склоняться к мысли, что, учитывая подозрительный характер Омиуры, Икс, возможно, был замешан в каком-то преступлении. Поэтому он стал чуть меньше сопереживать ему.

С другой стороны, с точки зрения Дайскэ Танигуди, жизнь этого человека была настолько спокойной, что он решил обменяться на нее, просто чтобы избежать плохих отношений с семьей. А может, ему нужны были деньги?

Какой бы ни оказалась правда, Кидо понимал, что Риэ хочет ее узнать. Да и сам Кидо серьезно подумал, что, как только эта утомительная игра в детектива закончится, ему нужно разбираться с тем, что творится у него дома.

Однако благодаря неожиданному повороту событий как-то вечером две недели спустя он наткнулся на истинную личность Икса.

И это заставило его еще раз вернуться к «детективному расследованию», хотя накануне он уже был готов отказаться от своего увлечения этим делом.

Глава 13

За три дня до Рождества в городе наконец воцарилась праздничная атмосфера.

В этот день Кидо закончил работу в Токийском окружном суде и отправился в небольшую галерею, расположенную рядом с универмагом «Токю» в районе Сибуя.

О выставке ему рассказал приятель Сугино — адвокат, который активно выступал за запрет смертной казни в Японии и участвовал в организации выставки художественных работ осужденных, приговоренных к смертной казни.

Хотя Кидо был противником смертной казни, ему никогда прежде не приходилось принимать активного участия в движении за ее запрет или защищать клиентов в уголовных делах, где обвинение требовало смертной казни. На выставку его привел интерес к искусству осужденных, вызванный встречей с Омиурой и странными открытками, которые тот прислал из тюрьмы.

Омиура был просто мошенником с трагикомической судьбой. Будь он приговоренным к смертной казни, наверняка у него были бы совершенно другие рисунки.

В прошлом таких людей — совершенное убийство, в будущем — казнь, которую готовит им государство. Кидо хотел посмотреть, что создают они в настоящем.

Выставочный зал располагался на шестом этаже здания с барами и ресторанами. По прогнозу погоды, даже в центре Токио ожидали сильный снег, от станции Сибуя Кидо шел под зонтом, но пальто на груди все равно запорошило снегом.

Он шел так быстро, что чувствовал, как замерзшие щеки горят изнутри.

Когда перед входом в здание Кидо смахивал снег, к нему подошел Сугино и поблагодарил за то, что, несмотря на непогоду, Кидо смог приехать. С улыбкой Кидо сказал, что день и правда выдался холодным. По словам Сугино, на выставке вот-вот должна была начаться открытая дискуссия, на которой он работал модератором.

Белый деревянный пол намок от растаявшего снега с обувью посетителей. Кидо увидел, как женщина перед ним поскользнулась и чуть не упала. Организаторы уже расставили стулья для публики, Кидо с удивлением отметил, что выставочное помещение площадью более ста квадратных метров заполнено до отказа. Чтобы не опоздать на последнююю электричку, Кидо собирался уйти пораньше, еще до окончания мероприятия, поэтому бросил пальто на стул в последнем ряду.

На выставке были представлены произведения нескольких десятков авторов; размер работ — от таких больших, что приходилось задирать голову, до маленьких, не больше открытки. При очевидной ограниченности материалов было видно, как заключенные прилагали усилия для самовыражения, склеивая одно полотно из нескольких листов бумаги и играя цветом. Рядом с каждым произведением висела табличка с названием, автором и наименованием дела, по которому заключенный был осужден. Никаких других данных на табличках рядом с экспонатами не было, поэтому некоторые посетители обходили выставку и искали информацию в своих телефонах.

Недалеко от входа висел диптих большого размера — две вертикальные картины сантиметров пятьдесят в длину.

На нижней была изображена обнаженная женщина: она стояла на коленях на дне огромного сухого колодца и тянула руки вверх, чтобы забраться по кирпичной стене. На верхней картине, являющейся продолжением, было нарисовано голубое небо высоко над головой и зелень с цветами в мягком солнечном свете. Наверное, этот образ родился от впечатлений от солнечного света, который проникал через окно в камере. Полотно было склеено из листов формата В4. В перспективе, переданной автором, проявлялось отчаянное стремление к свободе, контраст между ярким светом и сгущающейся темнотой на дне колодца создавал трагический эффект.

Супружеская пара, владевшая зоомагазином, убила четырех покупателей и без следа уничтожила их тела. Автором диптиха была жена хозяина магазина, художница, которая с момента ареста заявляла о своей невиновности. Громкое дело было у всех на слуху, поэтому фотографию работы поместили даже на рекламных листовках выставки.

Рядом висела работа, на которой была изображена земля ранней осенью: повсюду были разбросаны молодые сосновые шишки и опавшие зеленые листья, бежала вереница муравьев. Необычными элементами картины стали множество ручных гранат и белая босая нога женщины. Кидо подумал, что босые ноги женщины бросались в глаза и на картине с колодцем.

Кроме этих работ были и такие, которые непосредственно словами сообщали о невиновности автора.

Кидо удивился, какого высокого качества были следующие рисунки, они походили скорее не на рисунки, а на пла-каты.

Они тоже свидетельствовали о невиновности автора: женщина, обвиняемая в массовом отравлении людей ядом, сейчас добивалась пересмотра ее дела в Верховном суде Японии.

На выставке было представлено около десяти ее работ, каждая размером с квадрат бумаги для оригами. Кидо следил за парой, которая шла перед ним, и остановился перед одной из картин: черный фон по центру пересекала волнистая жирная красная линия. По всему полотну были разбросаны капли, словно кровавые слезы. В аннотации, которую Кидо заранее прочитал на сайте, было написано, что линия представляла собой след на шее осужденного от веревки при повешении, а капли символизировали слезы семьи.

На следующей работе на синем фоне в центре был нарисован красный круг, заключенный в квадрат размером с фасоль. Судя по описанию на сайте, картина символизировала чувство изоляции и одиночества человека, который не может увидеть даже синего неба.

Страх смерти и отстаивание собственной невиновности превратились в абстрактные штрихи, вписанные в почти идеальные квадраты бумаги, и, несмотря на ограниченность материалов и мастерства автора, серия обладала силой, которая подавляла зрителя.

Каждый раз, когда Кидо останавливался перед очередной работой серии, он задерживал дыхание, а затем делал глубокий вдох.

Работы этой женщины были не чем иным, как примером графического дизайна.

Кидо вспомнил о дискуссиях на тему, что такое художественная характеристика рекламного произведения, а потом подумал, что в этом случае следовало бы подискутировать о рекламной характеристике художественного произведения.

Цель графического дизайна — это сообщение о существовании чего-либо, будь то мероприятие или продукт. Если не сообщить о нем, то о существовании никто и не узнает, словно его никогда и не было. Плакаты говорят зрителю:

«Здесь есть это!», используя различные эстетические приемы, и благодаря этому в ряде случаев возводятся в ранг искусства.

Однако не является ли и продукт искусства, независимо от целей его создания, будь то потребности капиталистического общества или общества массового потребления, объектом рекламы? Например, яркие, словно бы охваченные пламенем, подсолнухи в вазе. Лошадь, скачущая по полю. Жизнь в одиночестве. Трагедия войны. Ненависть к себе. Любовь к другому человеку... Отсутствие любви окружающих... Может быть, любое художественное произведение в конечном счете является рекламой?

Посматривая на часы, Кидо немного ускорил шаг.

Работы осужденных на смертную казнь на удивление отличались разнообразием форм. Ни одна не повторяла какую-либо другую: рисунки-иллюстрации, покадровая история в виде манги, изображения водопадов и карпов, напоминавшие наброски для татуировок, репродукции известных картин, сюрреалистические живописные работы, таблица ингредиентов мисо-супа, подаваемого в тюрьме на завтрак, обед и ужин.

Несмотря на разницу в уровне мастерства, в некоторых работах просматривался талант. Возможно, это было связано с тем, что на предложение участвовать в выставке откликнулись наиболее творческие личности из числа смертников.

И хотя часть работ явно свидетельствовала о том, что они написаны совершенно в ином месте, отличном от обычной жизни, от других так веяло теплом и красотой, что сложно было поверить, чтобы такие работы родились в тюремных стенах.

Среди картин заключенных, признавших свою вину, было несколько работ, осуждающих жестокость системы смертной казни, но было и немало на свободные темы, которые просто захотелось изобразить автору: птицы, цветы, кошки.

Несмотря на все сомнения, касающиеся того, стоит ли зацикливаться на первой пришедшей в голову идее, Кидо все равно продолжал размышлять о том, что осужденные «рекламируют» в своих работах.

Как ни странно, на удивление мало авторов отрицали совершенное преступление. Они не говорили, что этого не делали, они отчаянно кричали: «Мы не те, кто мог бы подобное совершить». Словно бы отстаивали не свои действия, а факт собственного существования. Ведь государственная машина собиралась положить ему конец.

Осужденные, которые рисовали такие очаровательные картины, что было сложно поверить, что это сделал человек, совершивший тяжкое преступление, казалось, пытаются сохранить следы своего существования, привязав их к чему-то иному, нежели физическое тело, которое вот-вот будет уничтожено. Это была «неожиданная сторона» тех, кто вскоре будет полностью стерт из этого мира, когда в исполнение приведут смертный приговор. Если человеческая личность может быть разделена на части, то, возможно, именно эту сторону своей личности — существование себя как жертвы — они отчаянно «рекламировали» из глубин страха перед наступающей смертью.

Ближе ко времени начала мероприятия зрителей вдоль стен стало уже так много, что Кидо пришлось пробираться через толпу, чтобы рассмотреть последние работы.

В центре полотна, заклеенного надписями в стиле политических листовок: «Долой договор о взаимном сотрудничестве

с США!»*, «Да здравствует диктатура пролетариата!», «Против потребительского налога!» — была размещена серия иллюстраций с обнаженными женщинами в стиле листовок, рекламирующих товары для взрослых. Кидо ошарашенно смотрел на это произведение. И композиция, и фигуры, поддерживающие руками пышную грудь, один в один повторяли то, что Омиура нарисовал на той открытке. Хотя вернее было бы сказать, что он скопировал эту серию. На выставке была даже копия «Сутры сердца», которую Омиура попросил Кидо достать для него.

«Может быть, Омиура видел выставку? Или читал о ней статью в журнале?»

Он вспомнил те слова Омиуры, обведенные ручкой, — «Идиот». Может, тем самым он был раздражен невнимательностью Кидо, который не понял, что это копия картины приговоренного к смертной казни?

— Уважаемые посетители... Мы вот-вот начнем нашу встречу. Прошу занять места. После завершения беседы у вас еще будет время осмотреть выставку.

Услышав объявление, Кидо направился к своему месту, но остановился как вкопанный возле последней работы.

В отличие от ярких работ остальных приговоренных, на ней был изображен скромный пейзаж: небольшая речка, текущая по холмам и полям. Несмотря на примитивный рисунок, работа создавала ощущение скромной простоты. Рядом висели еще картины того же автора, на одной были нарисованы цветущие сакуры и птички, на другой — уочка старого города с почтовым ящиком, столбами, дорогой, с двух сторон зажатой между заборами.

* Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией — договор между Соединенными Штатами Америки и Японией, оговаривающий присутствие американского военного контингента на территории Японии; подписан в Вашингтоне 19 января 1960 года.

Кидо почувствовал что-то странное. Ему казалось, что-то похожее он уже видел. Такой рисунок, который в средней школе на уроке может нарисовать любой школьник.

«Может, Омиура? Хотя нет. Это не его работа... Тогда что же это?»

Рядом с работой была подпись, что преступник в 1985 году совершил поджог и убийство. Тогда Кидо было десять лет, но он стал что-то смутно припоминать об этом деле.

Некоторое время он еще размышлял над этим, но, так и не найдя ответа, отправился на свое место.

На мероприятии выступал куратор выставки — искусствовед, который давал комментарии к каждому произведению, но исключительно с точки зрения «изобразительного искусства», поэтому эта беседа вскоре наскутила Кидо. Кажется, ведущий вечера Сугино тоже придерживался подобной трактовки. Кидо подумал, что можно позже подискутировать с ним на эту тему.

Во время беседы увиденные пейзажи все не выходили у него из головы. Он смотрел в сторону тех картин над головами сидящих впереди, но потом подумал, что в такой снежный вечер все же стоит уйти пораньше.

До конца беседы было минут пятнадцать.

— Времени остается все меньше, я хотел бы обратить ваше внимание вот на эти работы. Довольно откровенные рисунки обнаженных женщин. Автор был обвинен в убийстве по делу о страховом мошенничестве с подлогом в Китакюсю. Дело оказалось весьма запутанным. Если пересказать его в двух словах, то некий А, управляющий баром в городе Китакюсю, и В, сотрудник этого бара, оказались в сложной финансовой ситуации и разработали план мошенничества со страховкой. Они договорились об усыновлении с одним человеком, заплатив ему за это, и, согласно закону, стали братьями. Затем В застраховал свою жизнь на крупную сумму, сделав

получателем страховки в случае его смерти А, после чего они напоили и утопили бездомного, будто это и был В. После убийства и подлога, они попытались обманным путем получить страховку жизни. Но они допустили промашку — убитый мужчина ни возрастом, ни телосложением не был похож на В, — и полиция быстро вышла на преступников. Как выяснилось в ходе расследования, В до этого совершил разбой с убийством и поджог, за что и был приговорен к смертной казни.

Эти работы были нарисованы В.

Кидо слушал вполуха, пока вдруг не обратил внимание на термин «страховое мошенничество с подлогом». Тогда он перевел взгляд на говорившего.

«Бездомный стал В, после чего был убит».

В этот момент он почувствовал, как по рукам пробежали мураски. Разумеется, в этот момент он подумал об Иксе, который выдавал себя за Дайскэ Танигути.

Он беззвучно открыл рот. На несколько секунд он застыл в таком положении.

Кидо смотрел не на рисунки обнаженных женщин, сделанные В. Он не мог отвести взгляд от тех пейзажей, которые висели рядом. Он вдруг понял, где видел их раньше.

«Они похожи на картины Икса...»

Вытащив мобильный телефон, Кидо стал искать фотографии личных вещей Икса, которые сделал в доме Риэ. Он быстро нашел несколько набросков: на работах Икса были изображены совершенно иные пейзажи, но манера письма была один в один.

Сердце Кидо бешено колотилось в груди, словно пытаясь что-то сказать ему. Однако в следующий момент он смог взять себя в руки и начать размышлять, что может за этим стоять.

Между тем искусствовед как раз перешел к рассказу о тех самых пейзажах. По его словам, автора — Кэнкити

Кобаяси — казнили уже двадцать лет назад. Хотя, судя по той странной открытке, которую нарисовал Омиура, имя человека, выдававшего себя за Дайскэ Танигути, должно было быть Ёсихико Сонэдзаки.

Но разве можно было это точно утверждать?

Кидо нахмурился и покачал головой. Его единственной зацепкой были имена, написанные на груди женщины на открытке от Омиуры, не более того. Разве можно было точно утверждать, что надписи на правой груди «Дайскэ Танигути», а на левой — «Ёсихико Сонэдзаки» подтверждают, что эти два человека совершили обмен?

Кидо вспомнил буквы, выведенные по кругу вокруг сколов. А затем вновь слова Омиуры: «Вы не видите очевидного, красавчик-адвокат! Идиот!»

Просто ли Омиура пытался его подразнить? Или на что-то намекал?

Возможно, в том, что он скопировал рисунки человека, казненного за убийство в результате страховой аферы, был какой-то смысл. Если Омиура где-то видел эту выставку, возможно, он был знаком с картинами Кэнкити Кобаяси. Именно это он пытался сказать? Но ведь Кобаяси уже давно казнен...

Волнение Кидо быстро угасло, оставив после себя чувство опустошенности.

Он очнулся от своих мыслей, услышав аплодисменты. Сразу после завершения беседы аудитория стала задавать вопросы.

Судя по всему, большинство присутствующих сочувствовали движению за отмену смертной казни, многие не столько задавали вопросы, сколько высказывали впечатление от выставки, кто-то говорил взволнованно, со слезами на глазах.

Те, кто задавал вопросы, затрагивали наиболее безопасные темы: трудности организации подобной выставки, перспективы. Казалось, что все присутствующие тщательно выбирают слова.

Наконец слово предоставили мужчине, сидевшему в первом ряду, который с самого начала сессии вопросов держал руку поднятой.

— Да, прошу вас, — сказал Сугино.

— Этот вопрос будет последним на сегодня, — отметил ведущий.

— Большое спасибо за то, что подняли такую важную тему. Кроме того, я благодарен за возможность задать вопрос. Меня зовут Сюити Кавамура, я пишу публистику, в данный момент работаю над книгой о семьях жертв преступлений.

Кидо никогда не слышал об этом авторе. Кавамура производил впечатление серьезного молодого человека, был одет в белую рубашку и темно-синий свитер. Его манера речи была очень вежливой, но голос звучал напряженно, будто он вот-вот потеряет контроль над собой.

— Послушайте... возможно, я скажу нечто неподходящее атмосфере сегодняшней встречи, но, на мой взгляд, данная выставка вводит в заблуждение. Признаться честно, она вызывает во мне даже чувство раздражения. Почему бы не устроить заранее выставки работ жертв преступлений? Почему вы даже не пытались понять и посочувствовать пострадавшим? Прежде чем восхищаться тем, как здорово рисуют приговоренные к смертной казни, не стоит ли подумать о том, какие были таланты, мечты, прекрасные души у тех, кого убили? Было ли у них достаточно времени, чтобы рисовать, прежде чем отобрали их жизнь? Вы говорите, что система смертной казни жестока, но разве не все мы пожинаем то, что сеем? Почему эти люди могли позволить себе

роскошь заниматься искусством? Как бы они ни хотели выразить себя, давайте не будем забывать, что они лишили других свободы делать то же самое. А вы смотрите на их картины и говорите, как же жалко приговоренных к смертной казни. Разве это не однобоко? Разве не следовало поместить здесь описание тех ужасных преступлений, которые они совершили? Или хотя бы написать, что только две десятых процента убийц приговариваются к смерти. В этих делах не найти смягчающих обстоятельств! Разве не следует подумать о боли и страданиях не только тех, кто погиб, но и их родных, друзей и близких? Подобные выставки лишь бередят незажившие раны живых. Это все, что я хотел сказать.

Выпалив все это без остановки подрагивающим голосом, молодой человек плюхнулся на свое место и протянул микрофон ассистенту мероприятия. Пронзительный звук разорвал тишину галереи. Один человек с заднего ряда энергично зааплодировал, а несколько других оглянулись, чтобы посмотреть, кто это. Кавамура снова вскочил, словно внезапно что-то вспомнил:

— И еще. Я считаю казнь невиновных серьезной проблемой системы правосудия и выступаю против нее. Это все, что я хотел добавить.

Сказав это, он снова сел на свое место.

До этого момента Кидо все время думал о том, что никто почему-то не говорит о жертвах и не задает вопросов. Раз уж никто не задает вопросов, он было хотел сказать позже об этом Сугино, ведь именно это было одной из причин, почему он активно не поддерживал движения за запрет смертной казни.

Сугино, не изменив выражения лица, лишь кивнул. Судя по всему, он был знаком с Кавамурой.

— На мой взгляд, мы должны разграничить права, гарантированные законом, и наши эмоции. С точки зрения закона система наказаний в Японии — это не абсолютный, а пропорциональный ретибутивизм. Идея расплаты как симметричного ответа, воплощенная в распространенном выражении «око за око», по сути своей является ограничителем мести, как правило основанной на эмоциях, чтобы она не превзошла совершенное преступление. В юридическом праве, начиная с новейшей истории, телесные наказания «око за око» были заменены лишением свободы. Если жертва лишилась зрения, преступнику не выкалывают глаза. Несмотря на то что жертва больше никогда не сможет увидеть красоту мира, преступник может и дальше продолжать любоваться окружающим миром. Вместо этого назначается наказание, которое ограничивает свободу преступника в соответствии с тяжестью совершенного преступления. Система смертной казни полностью выпадает из этого принципа. Эмоционально я понимаю, что вы хотите сказать, но поскольку убитые лишены всего, то из ваших рассуждений следует, что и приговоренным к смертной казни никогда не должно быть позволено думать или чувствовать что-либо.

— Да, я так считаю. Разве смертная казнь не должна быть исполнена как можно быстрее? Ведь каждая прожитая преступником секунда — это роскошь по сравнению с тем, чего лишилась жертва, — ответил Кавамура с места без микрофона.

— Я против того, чтобы признавать смертную казнь как исключительную форму телесного наказания. Кроме того, я поддерживаю право осужденного на художественную деятельность, ведь это один из базовых видов деятельности в жизни человека. Тем не менее я считаю, что общество должно нести ответственность. Весьма интересно устроить

выставку работ пострадавших и их семьей, но ведь этим должны заниматься те, кто поддерживает пострадавших. А обычные граждане, конечно, должны посмотреть и то и другое и принять свое решение.

Пока Сугино говорил, Кавамура качал головой много раз в знак категорического несогласия, но больше ничего не сказал. Однако было видно, как напряжена его спина от чувства гнева, которое он вынужден держать при себе.

Сугино был исключительно редким человеком. Несмотря на все надежды, которые на него возлагали еще со времен стажировки в юридической практике и многочисленные приглашения стать судьей, он все же выбрал карьеру адвоката. С точки зрения истории права его ответ был консервативным, но было ясно, что Кавамура протестует против беспристрастности его позиции.

После окончания мероприятия Сугино отошел с приглашенным гостем-искусствоведом и продолжил с ним беседу, поэтому Кидо решил вырваться из толпы, спешащей к выходу, и подождать у картин с пейзажами.

На мероприятии рассказали, что Кэнкити Кобаяси убил не только супружескую пару владельцев местной строительной компании, но и их единственного сына — шестиклассника. Кидо, понимая, что в некоторых вещах может проявлять наивность, никак не мог поверить, что такой преступник мог рисовать подобные картины.

В галерее стало совсем малолюдно. В тот момент, когда в строке поиска на смартфоне Кидо начал набирать имя «Кэнкити Кобаяси», к нему сзади подошел Сугино.

— Прошу прощения, что заставил ждать. Спасибо, что дослушали до конца.

— Спасибо за приглашение. Было весьма интересно.

Поблагодарив Сугино, Кидо собрался убрать телефон в карман, как его взгляд упал на фотографию на экране. Это был Икс.

Сугино решил, что Кидо проверяет почту, поэтому ждал, пока тот закончит.

Кидо быстро пробежал глазами по тексту рядом с фотографией.

— Вот здесь...

С этими словами он показал Сугино экран.

— Да, это автор. Кэнкити Кобаяси.

Некоторое время Кидо переводил взгляд с фото на картины на стене, пытаясь осознать, что происходит.

Все же это был не Икс, но кто-то на него очень похожий. У него родилось предположение, но оно было таким невероятным, что он был так растерян и взволнован, что больше не мог рассуждать спокойно.

Глава 14

Сугино рассказал, что у Кэнкити Кобаяси был сын по имени Макото, но после развода родителей он взял девичью фамилию матери — Хара. То есть теперь его звали Макото Хара.

Кэнкити Кобаяси совершил преступление, за которое был впоследствии приговорен к смертной казни в 1985 году в городе Ёккайти префектуры Миэ. Это было дело о жестоком убийстве. Кобаяси страдал зависимостью от азартных игр, по уши погряз в долгах, а когда пришел просить денег к своему знакомому, управляющему небольшой строительной конторой, и ему отказали, впал в ярость. Он вернулся домой, но ночью вновь ввалился в дом соседей и, схватив кухонный нож, зарезал всю семью, включая жену и ребенка, после чего для сокрытия улик поджег дом.

Кидо смутно припоминал события того давнего дела, по стечению обстоятельств сын Кобаяси, Макото, родился в том же 1975 году, что и сам Кидо.

Когда он подумал, что этот человек в четвертом классе узнал о том, что его отец совершил страшное убийство, он почему-то очень близко принял это к сердцу. Сразу же нахлынули воспоминания о том, как выглядели тогда его одноклассники и как они вместе играли.

Это дело широко освещалось в новостях, газетчики атаковали семью убийцы, поэтому мать Макото с сыном сразу же уехали из города. После этого Макото некоторое время жил в детском доме в городе Маэбаси.

Через несколько лет имя Макото Хара опять всплыло в СМИ.

Начиная с 2006 года он стал регулярно попадать в полицию за кражи в магазинах, после многочисленных приводов в 2008 году было возбуждено дело, по которому он получил один год условно с испытательным сроком в три года. Во время испытательного срока он был снова задержан за кражу в магазине, получил полтора года реального тюремного заключения и вскоре после освобождения был опять обвинен в том же преступлении в третий раз, но в начале этого года его тюремное заключение закончилось.

После того как Макото Хара попал в тюрьму в первый раз, один из еженедельных журналов опубликовал материалы в специальном номере под названием «Преступление. Продолжение», в котором он приводился в качестве примера того, что может произойти с семьей преступника.

В статье он был назван вымышленным именем, но в ходе поисков информации о Кэнкити Кобаяси на одном сайте, созданном любителями криминалистики, Кидо нашел упоминания, что он носил девичью фамилию матери — Хара. Пробежавшись по записям на сайте, Кидо обнаружил смесь правды и вымысла — видимо, администратор сайта любил собирать грязные слухи. Однако именно благодаря этому сайту Кидо смог ознакомиться с выдержками из того еженедельного журнала.

В биографии Макото больше всего удивляло то, что после выхода из детского дома некоторое время он состоял в боксерском клубе в Кита-Сэндзю, позже дебютировал как профессиональный боксер и в 1997 году завоевал титул чемпиона в легчайшем весе на турнире начинающих боксеров Восточной Японии. Поскольку Кидо был немного знаком с боевыми видами спорта, то понимал, что это серьезная заявка для спортсмена.

Но дальше было написано, что у Макото были психологические проблемы, а перед финальным матчем на Всеяпонском турнире среди новичков он внезапно отказался от участия и исчез. Почти десять лет он занимался разными поденными работами, нигде не задерживаясь надолго, ведь слухи о том, что он сын убийцы, неизбежно всплывали на рабочем месте, куда бы он ни устраивался.

После того как в 2006 году его впервые поймали за кражу в магазине, он стал регулярно заниматься воровством.

В статье еженедельника жизнь Макото Хары описывалась с сожалением, но в финале автор делал жестокий вывод, что преступные наклонности являются наследственными.

Когда адвокат Кадосаки, которая работала вместе с Сугино в движении за отмену смертной казни, прочитала эту статью, она взялась за защиту Макото Хары и представляла его интересы в суде по второму делу, в результате которого он получил реальный срок. В суде она подчеркивала особые обстоятельства, при которых ее подзащитный рос дома и в приюте, утверждала, что его постоянные кражи из магазинов были результатом психического расстройства, но ее доводы не были приняты во внимание при вынесении приговора.

По словам Кадосаки, после освобождения она познакомила Хару с психиатром, опасаясь, что клептомания приведет его к очередному срыву, и периодически связывалась с ним.

Несмотря на поиски, Кидо не удалось найти в интернете фотографии Макото Хары, но по рекомендации Сугино он связался непосредственно с Кадосаки, и, по ее словам, сын внешне совсем не был похож на отца.

Когда они беседовали с ней по телефону, он уточнил, в какой тюрьме содержался Хара, и был поражен ее ответом.

— В тюрьме Йокогамы.

— Что? В Йокогаме?

— Да, вы ведь неподалеку живете?

— Да, рядом. Просто...

Это была та же тюрьма, в которой отбывал срок Омиура. С одной стороны, ничего странного в этом не было, ведь тюрьма Йокогамы была одной из немногих в Токийском округе, которая принимала осужденных класса «В». Но с другой, это наталкивало на мысль, что Омиура и Хара могли знать друг друга. Поэтому промелькнувшая догадка, которую Кидо до настоящего момента отгонял от себя, стала казаться чуть более правдоподобной, что вызвало в нем еще большее замешательство.

Кидо предполагал, что Икс был сыном Кэнкити Кобаяси. Иными словами, он был настоящим Макото Харой, а человек, пойманный за регулярное воровство в магазине, поменялся с ним семейным реестром при посредничестве Омиуры.

Когда Кидо по телефону сообщил об этом Кадосаки, она лишь воскликнула: «Как же так?!» — и больше не сказала ни слова.

— Если Икс является сыном Кэнкити Кобаяси, становится очевидным, почему он хотел изменить свое прошлое. Жить сыном человека, который совершил такое преступление... Думаю, это ужасно тяжело.

— Постойте... Вы это на полном серьезе?

— Да.

— Не слишком ли поспешный вывод? Я не успеваю за вашими размышлениями.

— В любом случае... Икс — вылитый Кэнкити Кобаяси.

— И это все?

— А еще очень похож стиль рисунка. Я просто ахнул. Неужели такие способности тоже передаются генетически?

— Как-то неубедительно.

— Макото Хара, когда он сидел в тюрьме, рассказывал что-нибудь о своем отце?

— Нет, ни слова.

— А о том, что занимался боксом?

— Немного. Сказал со смехом, что от всех этих ударов поглупел.

— А какой у этого человека был рост?

— Рост? Около ста семидесяти сантиметров, думаю.

— Высоковат. Вы, случайно, не увлекаетесь боксом?

— Нет.

— Макото Хара выступал в легчайшем весе. Значит, у него вес был пятьдесят два — пятьдесят три килограмма.

— Как мало. Меньше, чем у меня...

— Рост Икса был сто шестьдесят три сантиметра, для такого роста почти идеально.

Кадосаки снова замолчала, обдумывая сказанное, и на конец продолжила:

— Но психиатр Хары утверждал, что причиной клептомании могли стать занятия боксом. Хотя, конечно, и не без влияния отца обошлось.

— Полиция никогда не проверяла его личность? Может, фотографии в водительских правах?

— Думаю, у него не было прав. Он же был бездомным.

— Ясно...

— У него было расстройство развития. Он говорит, что из-за бокса не мог больше делать даже математические подсчеты. Но психиатр предполагал, что это случилось еще до бокса...

— ...

— Если, как вы говорите, Икс и есть настоящий Макото Хара... то это ведь просто ужасно. Выходит, что из-за ненависти к собственному прошлому он обманом поменялся с умственно отсталым бездомным записями в семейном реестре?

— Может быть, не обманом? Ваш клиент ведь понимал, что Макото Хара — это сын Кэнкити Кобаяси.

— Он говорил, что да. Но действительно ли он понимал или нет — я не знаю. Он на все, как правило, отвечал да. Разве можно обманывать такого человека?

— Может, деньги?

— Возможно, и деньги. Но не думаю, что ему передали крупную сумму.

— Скорее всего.

Кадосаки была права. Если Икс и правда был сыном Кэнкити Кобаяси, он действительно всем сердцем должен был стремиться к тому, чтобы избавиться от своего прошлого. Но тот факт, что он переложил свою судьбу на другого человека, вызывал неприятие. Тем более взвалить это на человека, который не мог трезво оценивать происходящее.

Кидо перестал понимать, каким человеком был Икс. В то же время Кидо перестал понимать и себя самого.

В ходе расследования, которое началось с сочувствия к судьбе Риэ, Кидо надеялся, что Икс окажется порядочным человеком, пусть и со сложной судьбой, но заслуживающим ее любви. В противном случае жизнь Риэ, оставшейся матерью-одиночкой, была бы непрекращающейся чередой несчастий.

Однако Кидо, вероятно, также чувствовал определенную зависть к Иксу, который смог отказаться от своего прошлого и начать жизнь заново. Иначе было бы сложно объяснить, почему его так интересует этот человек. Разве это не

нормальное желание человека, которому дана всего лишь одна жизнь и судьба, — попробовать прожить какую-то иную жизнь? Для этого не обязательно разочаровываться в своем настоящем. Однако мало у кого хватает безрассудства, чтобы принять решение и воплотить это желание в жизнь, поэтому оно и остается лишь несбыточной мечтой. Будучи дзайнити, Кидо сочувствовал людям, оказавшимся в ситуации, в которой они вынуждены были скрывать свою личность; он очень надеялся, что Икс был человеком, достойным любви такой женщины, как Риэ.

После встречи с Омиурой Кидо стал серьезно размышлять над вероятностью того, что Икс мог и правда оказаться опасным преступником, хотя до этого предположения Кёити казались ему бредом. И ему пришлось признать, что он все больше укрепляется в мысли, что ассоциировать себя с Иксом было неверно.

С тех пор как он стал подозревать, что Икс может быть сыном Кэнкити Кобаяси, он с новой силой стал сопереживать этому человеку. То, что выпало на его долю, не было результатом его ошибок, а чем-то вроде судьбы. Как ни странно, сочувствие к испытаниям Икса принесло Кидо некоторое облегчение его собственных переживаний.

Поэтому, когда Кадосаки сказала о том, что с бродягой поступили ужасно, Кидо почувствовал какое-то смутное уныние. А затем попытался трезво посмотреть на себя и решил, что с ним самим что-то не так.

В любом случае цепочка размышлений Кидо была следующей.

Настоящее имя умственно отсталого подсудимого, которым занималась Кадосаки, судя по подсказке Омиуры, было Ёсихико Сонэдзаки.

Он был первым, с кем Макото Хара поменялся записями в реестре, после чего стал жить под именем Ёсихико Сонэдзаки. После этого он встретился с Дайскэ Танигути и, возможно, совершил второй обмен... или же использовал его реестр без согласия самого Танигути. Затем он, называя себя Дайскэ Танигути, встретил Риэ в городе S. Настоящий Дайскэ Танигути, если он все еще жив, должен теперь называться Ёсихико Сонэдзаки.

Для начала Кидо хотел поговорить с тем вором, который называл себя Макото Хара, и попросил об организации встречи Кадосаки. Тот сразу же согласился, ведь с большим уважением относился к Кадосаки.

Мужчина, которого Кидо и Кадосаки встретили в кафе, расположенном рядом со станцией Хигаси-Накано, по документам должен был быть одного возраста с Кидо, но выглядел на сорок с лишним или даже на пятьдесят.

Худощавый, волосы с проседью коротко острижены, форма головы неправильная, словно бы сверху придавлена чем-то. Тонкие верхние веки тяжелыми складками опускались на глаза, все лицо смещено влево и будто бы сведено к кончику небольшого подбородка. Кидо обратил внимание на острый узкий нос. Сложно было поверить, что это лицо бывшего боксера, которого били столько раз, что он поглу-пел, как он сам говорил.

— А! Сенсей!

Мужчина ждал их за столиком, а увидев Кадосаки, расплылся в улыбке.

Кадосаки было тридцать с небольшим, от прически до костюма она воплощала собой молодого идеального адвоката. Когда мужчина протянул руку для рукопожатия, она участливо и дружески спросила, как у него дела. Когда она представила Кидо, мужчина, по-прежнему улыбаясь, поклонился. Кидо в нескольких фразах представился, а затем заказал

кофе у официантки, когда она принесла им воды. Во второй половине буднего дня в кафе было много посетительниц среднего и пожилого возраста.

Когда формальное представление было завершено, Кидо сразу же обратился к мужчине, отслеживая его реакцию:

— Сонэдзаки-сан...

Продолжая улыбаться, мужчина смотрел на него с непонимающим видом.

Кидо еще раз переспросил:

— Вы знаете Ёсихико Сонэдзаки?

— Да.

— Как вы с ним познакомились?

— Да. Я не знаю.

— То есть... вы его не знаете?

— Да.

— Простите за вопрос... а вы сам не Ёсихико Сонэдзаки?

— Я — Макото Хара. Это точно так.

Кадосаки, сидевшая рядом с Кидо, кажется, удивилась выражению «точно так», а затем добавила ласковым тоном:

— Простите, Хара-сан. Вы, наверное, удивились такому неожиданному и странному вопросу?

Мужчина казался взволнованным и ждал ее поддержки. Очевидно, что ему не понравился Кидо.

— Дело в том, что муж женщины — клиентки адвоката Кидо умер... — сказала Кадосаки, после чего коротко объяснила ситуацию: — Поэтому Кидо-сенсей предполагает, что умерший на самом деле был Макото Хара.

— Простите за прямоту, — продолжил Кидо, — жена этого человека очень страдает, потому что не знает, кем на самом деле был ее покойный муж. Я хотел бы как-то ей помочь. Один человек мне сообщил, что ваше настоящее имя, скорее

всего, Ёсихико Сонэдзаки. Я понимаю, что это бестактно, но все же позволил себе этот вопрос.

Мужчина добавил в кофе много молока и сахара, сжал ручку чашки, а затем обвел взглядом присутствующих. Рот его был приоткрыт, но он так ничего и не сказал.

«Все же он не Макото Хара», — подумал Кидо.

В этом он теперь был почти убежден, однако не мог сдержать своего удивления. Причина, по которой этот мужчина молчит, возможно, заключается в том, что Омиура велел ему помалкивать. Может, он припугнул его, чтобы тот не проболтался?

— Хорошо. Давайте я задам другой вопрос, — продолжил Кидо. — Вы знакомы с Норио Омиурой?

— Да.

— Вы его знаете? — переспросил его Кидо, чтобы убедиться, что это «да» обозначает.

— Да, — ответил он чуть более решительно.

— Он был посредником, когда вы обменялись записями в семейном реестре?

Мужчина посмотрел на Кадосаки, безмолвно спрашивая, следует ли ему высказать те слова, которые застряли в горле, или все же проглотить их.

— Вы можете все честно рассказать. Вас на самом деле зовут Макото Хара?

— Да.

— А какое у вас настоящее имя?

— Мне... опять придется сесть в тюрьму?

— То, что вы нам сообщите, мы больше никому не скажем, — произнес Кидо, глядя ему прямо в глаза. Мужчина колебался, но наконец ответил:

— Мое настоящее имя — Сёдзо Тасиро.

Кидо нахмурился, у Кадосаки, сидевшей рядом с ним, казалось, перехватило дыхание.

— Это ваше настоящее имя?

— Да.

— Вы обменялись именами с Макото Харой?

— Да. Это так. И записи в реестре. И все остальное.

— Зачем? Из-за денег?

— Да. Кроме того, бездомным сложно искать работу или занять денег.

— Вам так сказали?

— Да.

— И поэтому вы поменялись данными с Макото Харой?

— Да.

— А вы знаете, что за человек Макото Хара?

— Да.

— Он сам вам о себе рассказал?

— Да. Посредник.

— Значит, вы с ним не встречались?

— Да. Встречался.

— Вы сказали, что вас зовут Тасиро? А не Ёсихико Сонэдзаки?

— Да. Такого человека я не знаю.

Мужчина, назвавшийся фамилией Тасиро, решительно покачал головой. Не было похоже, чтобы он врал.

— Макото Хара, с которым вы обменялись данными, это он? — спросил Кидо, вытащив фотографию Икса.

— Да. Это не он. Этого человека я не знаю, — сказал мужчина твердо, без капли сомнений, словно бы от этого ответа зависело его самоуважение.

Вскоре принесли пирожные, а Кидо стал расспрашивать Тасиро, какая у него была жизнь. Тот сказал, что после окончания средней школы он постоянно менял одну работу на другую, повсюду его называли «идиотом» и «неполноценным», а чуть больше десяти лет назад он стал бездомным. Сумма, которую ему выплатили за обмен данными, после вычета комиссионных посреднику составила около тридцати тысяч

иен. Он сказал, что не знает, сколько настоящий Макото Хара заплатил Омиуре.

Когда Кидо спросил, не вызывал ли у него беспокойства тот факт, что его жизнь только осложнится, когда он станет сыном преступника Кэнкити Кобаяси, тот ответил:

— Да. Но фамилии разные, поэтому я просто никому об этом не рассказывал.

Через полтора часа он ушел из кафе, Кидо и Кадосаки остались вдвоем, но некоторое время сидели молча.

— Вся та поддержка, которую я ему оказывала... что это было? Он не Хара? А Тасиро? Он не хотел говорить о том, что случилось с его отцом. Но я думала, что это естественно. Я не хотела травмировать его.

— Это вполне понятно.

— Я думала, что kleptomania могла быть вызвана боксом, той историей с отцом. И это было вполне убедительно. Когда я смотрела на морщины в уголках глаз, я думала, что ему нелегко пришлось как сыну преступника, я постоянно думала об этом.

— Ну... мы не можем сказать, что его прошлое было простым. На его лице отпечатались одиночество и грусть, которые он пережил.

Пытаясь утешить Кадосаки, Кидо подумал об Иксе, который рассказывал историю Дайскэ Танигути, будто всю его боль пережил сам.

Хотя Кидо был уверен, что Омиура вновь проигнорирует его, он еще раз попросил о встрече. Он подумал, что нужно в письме оставить какую-то приманку, поэтому написал: «Я провел тщательное расследование после нашей последней встречи и наконец разобрался, что вы хотели рассказать мне в своих открытках».

От Омиуры сразу же пришел ответ. Обычное письмо с благодарностью без картинок, в котором было написано, что Кидо может приехать в любой момент. Как правило, заключенные любят встречи с людьми из внешнего мира, поэтому такая перемена для любого другого была бы не удивительной, но то, что Омиура так резко передумал, было неожиданно.

Двадцать девятого декабря Кидо отправился в очередной раз в тюрьму Йокогамы, чтобы встретиться с Омиурой. Хотя снег не шел, небо было хмурым, дул холодный ветер. Кидо торопился, каждый раз, когда он ступал кожаными туфлями на холодный асфальт, доносился жесткий хлопок.

Его фирма вчера ушла на новогодние каникулы, да и в электричках стало мало людей. Никогда прежде Кидо не посещал тюрьму в это время года, поэтому как-то особенно чувствительно воспринимал этот визит.

Спокойствие конца года навалилось на него с тяжестью всех прожитых в этом году дней, добавив меланхолического настроения.

Как только Омиура вошел в комнату для визитов, он указал подбородком на Кидо и, широко раскрыв один глаз, сказал:

— Приветствуя, господин корейский адвокат! Давненько не виделись.

Кидо чуть менее напряженно, чем прежде, ответил ему:

— И правда, давно.

Кидо слегка поклонился.

Хотя в предыдущий раз Омиура вызвал у него чувство гнева, почему-то больше он его не сердил. Кидо не чувствовал к нему никакой симпатии, Омиура больше не пытался его оскорбить, как в прошлый раз, и в этот момент Кидо захотелось даже улыбнуться.

— Вы неплохо выглядите.

— Не стоит шутить. Я еле-еле держусь.

— Я встретился с Макото Харой.

После этих слов Омиура на мгновение поджал губы и устремился на Кидо одним глазом.

— Вот как? Он только недавно отсюда вышел.

— Вы и для него работали посредником?

— Посредником чего?

Кидо промолчал, ожидая, что Омиура скажет.

— Не знаю, что он вам там наговорил, но я к этому не имею отношения.

— Это ведь другой человек, да?

— Кто?

Кидо проигнорировал вопрос Омиуры, который попытался притвориться, что не в курсе.

— Настоящий Макото Хара без сомнений свалил на него свое прошлое?

Услышав это, Омиура, словно от удивления, втянул щеки и улыбнулся Кидо с многозначительным видом.

— Так в результате, сенсей, вы так ничего и не поняли?

— Думаете?

Ухмыляясь, Омиура опустил взгляд, как будто ему было необыкновенно смешно.

Кидо переживал, что охранник будет записывать их беседу в журнал посещений, но потом понял, что беспокоиться не стоило. Профессиональное и совершенно невозмутимое выражение скучающего человека словно отключило его от разговора. Хотя их беседа для постороннего должна была звучать подозрительно, он почти ничего не писал.

— Ну, возможно, так оно и есть. Я знаю настоящее имя заключенного, который недавно вышел. Но теперь перестал понимать, кто такой Ёсихико Сонэдзаки. Вы написали в открытке...

Равнодушный к откровенному признанию Кидо, Омиура, казалось, нашел их беседу настолько утомительной, что собирался встать и уйти.

— Сенсей, ты и правда абсолютный идиот. Не стыдно за себя? — спросил он.

Кидо ничего не оставалось, как горько усмехнуться. Судя по всему, подобная реакция не понравилась Омиуре, потому что он еще некоторое время разбивал в пух и прах содержание писем Кидо, словно задался целью окончательно уничтожить самоуважение собеседника. Охранник с удивлением уставился не на Омиуру, а на Кидо. Брань Омиуры задела Кидо и вызвала раздражение, однако он в то же время почувствовал, что подобное поведение не более чем программа психологических манипуляций.

— Сенсей, ты хоть и кореец, но смеешь смотреть на меня свысока, да? С самого начала не верил ни единому моему слову, ведь для вас я просто мошенник. Думаешь, что я подвергаю тебя дискриминации, но делаешь-то это ты сам.

Кидо чуть было не сказал, что у него нет предвзятого отношения к Омиуре, потому что он и есть настоящий мошенник, который мотает срок за свое преступление, хотя тот и был прав в предположении, что Кидо смотрит на него сверху вниз.

Кидо заметил, как при помощи этого потока из правды и нелепостей Омиура затыкает ему рот: его манера речи обладала силой прирожденного оратора, который, аккуратно вступая на территорию своего собеседника, постепенно все прочнее занимал на ней свою позицию. У Кидо пошел мороз по коже, когда он понял, что если бы они вели этот разговор с глазу на глаз где-нибудь в другом месте, например в семейном ресторане, то Кидо в конце концов сдался бы и, возможно, принял бы каждое слово Омиуры.

— Давай я тебе назову самую твою идиотскую сторону.

— Какую?

— Ты ведь думаешь, что я стал таким, потому что меня заставили сниматься в порно?

— Этого я не говорил. Но для меня это прозвучало серьезно, ведь вы настойчиво принялись рассказывать об этом человеку, с которым только что встретились.

— Ты свысока смотришь на меня, потому что я мелкий мошенник, но при этом считаешь, что эта история была правдой?

— ...

— Поэтому я и говорю, что ты — идиот, сенсей.

Омиура медленно придинулся к прозрачной перегородке, глядя с презрением на Кидо.

— Откуда ты вообще знаешь, что меня зовут Норио Омиура? Это потому, что я похож на Норио Омиуру?

Лишившись дара речи, Кидо мог только отвести взгляд.

— То же самое с татуировщиками. Прежде чем делать татуировки другим, они наносят их себе. Почему ты решил, что только я оставил себе настоящее имя и запись в реестре? Ты идиот?

— То есть у тебя тоже ненастоящее имя?

Омиура ехидно рассмеялся этому прямому вопросу. Когда им сообщили, что время встречи подошло к концу, он сказал Кидо напоследок:

— Послушай, корейский адвокат, мне жаль тебя, поэтому я расскажу тебе одну вещь. Человек, личность которого ты стараешься разузнать, не стоит того. Не стоит возлагать на него странные надежды. Ведь, в конце концов, дети убийц — они такие. У тебя же есть семья? Не стоит его трогать, он может оказаться ядовитой змеей.

Глава 15

Новогодние праздники семья Кидо всегда проводила одинаково: тридцать первого декабря они отправлялись к родителям Каори в Йокогаме, а в начале нового года навещали в Канадзаве родственников Кидо.

Каори непринужденно общалась с родителями и старшим братом, была приветлива с родителями мужа, внешне ничего необычного на праздниках не происходило. Когда они сидели за семейным столом, Кидо как ни в чем не было улыбался жене, а ночью они спали в одной комнате, вместе стелили постель, обменивались планами на следующий день.

Последнее время Сота засыпал с одним из родителей, а потом уже до утра спал один, но в гостях у родителей они укладывались все вместе в одной комнате, поэтому мальчик никак не мог угомониться.

Кидо с тяжелым сердцем думал о возможном разводе, ведь им придется объяснять это родителям. Наверное, они столкнутся с Каори за право опеки над мальчиком; он ни за что не хотел жить отдельно от сына, но ему было жаль отбирать его у жены. На работе с коллегами они часто обсуждали вариант введения в Японии совместной опеки после развода родителей. Бабушки и дедушки с обеих сторон всем сердцем были привязаны к внуку, поэтому ему было жаль и их.

К тому же Кидо понимал, что Сота, который сейчас очень любил отца, если бы его попросили выбрать между мамой и папой, наверняка бы выбрал маму.

В любом случае, при любом сценарии кто-то мог пострадать. Кидо лежал в постели, глядя в потолок темной комнаты в доме своих родителей, и прислушивался, не заснула ли жена. Судя по всему, она тоже не спала и, вероятно, тоже думала, что между ними не все еще окончательно решено.

После того как волна дел в начале нового года схлынула, Кидо смог посетить боксерский клуб в Кита-Сэндзю, который с конца прошлого года не давал ему покоя.

В детстве он любил смотреть прямые трансляции чемпионатов мира по боксу, а благодаря буму боевых видов спорта, начавшемуся еще в 1990-х, он все больше интересовался технической стороной, некоторое время с головой ушел в просмотр в интернете трансляций наиболее известных боев.

Тем не менее он впервые отправился в настоящий боксерский клуб. Когда он шел от станции под холодным зимним небом по торговой улице Сёвакай, он вспоминал боксерские манги «Завтрашний Джо» и «Держись, Гэнки!».

Фонари, стоявшие на узком переулке жилого квартала, были похожи на людей, которые с телефоном в одной руке ждут опаздывающего друга.

Кидо несколько раз сверился с картой, ему казалось странным, что боксерский клуб располагается в таком месте, но наконец увидел вывеску.

Он заранее написал по электронной почте и предупредил о своем визите, директор клуба сразу же ответил и согласился на встречу. Он сообщил, что хорошо помнит Макото Хару, а когда узнал, что тот умер, был потрясен. Кидо объяснил, что жена Макото хочет побольше узнать о жизни покойного мужа, поэтому директор пригласил на встречу

и других спортсменов, которые в свое время тренировались вместе с Харой.

Как только Кидо открыл стеклянную дверь, молодые люди, один из которых тренировался на ринге, а два в зале, посмотрели на него и позвали директора из офиса, расположенного в глубине зала.

Вышедший мужчина выглядел примерно на пятьдесят лет, со здоровым цветом лица, в черном тренировочном костюме. Это был президент клуба Косугэ, с которым Кидо общался по электронной почте. Он поприветствовал Кидо и улыбнулся.

Раньше в этом здании, как прочитал Кидо, был мясо-перерабатывающий цех. С высокого потолка беспорядочно свисали люминесцентные лампы; стоило поднять на них глаза, как они слепили, но для такой большой площади ламп не хватало, поэтому в зале была полутьма.

Кидо прошел между несколькими висящими черно-красными мешками для битья вслед за директором клуба вглубь зала.

Играла музыка в стиле техно, каждые три минуты включался звуковой сигнал. На всех четырех стенах висели постеры таких известных боев, как «Майк Тайсон против Эндрея Холифилда», а также показательных матчей, которые устраивал этот боксерский клуб. В одном углу были вывешены чемпионские пояса участников клуба, памятные фотографии основателя, цитаты его речей, протоколы ежедневных тренировок. Такого Кидо прежде не видел.

В кабинете Кидо ждал бывший профессиональный боксер, который тренировался с Макото Харой в прошлом. Протянув визитную карточку, он представился Янагисавой. По его словам, он был чуть старше Хары, а теперь, когда уже

ушел из спорта, занимался в районе Кинситё продажей рыболовных снастей в магазине.

Кидо вкратце рассказал, что его привело сегодня в клуб, повторив уже написанное прежде, а затем показал им фотографию Икса и спросил:

— Это Макото Хара?

И директор клуба, и Янагисава, бросив взгляд на фотографию, кивнули.

— Да, это Макото.

— Вы в этом уверены? — переспросил Кидо.

— Да, узнав, что вы сегодня приедете, мы откопали несколько старых фотографий. Вот, смотрите, это же он.

Косугэ показал Кидо фотографию Макото Хары, который позировал в красных боксерских перчатках и в боксерской стойке. Тогда он меньше весил, но это, несомненно, был Икс.

Не находя слов, Кидо смотрел на фотографию и думал о том, что он наконец добрался до истины. Дрожь пробежала по его плечам, затем по спине, перекинулась на руки и ноги, будто судорожно искала путь.

Судя по всему, догадка на выставке работ осужденных, подсказанная интуицией, о том, что Икс — сын Кэнкити Кобаяси, его не обманула. Будь она неверной, ему оставалось бы только вздохнуть о неудаче, но теперь он в оцепенении осознавал невероятность происходящего.

— Почему погиб Макото? — спросил Косугэ, чтобы прервать молчание Кидо. Очнувшись от своих мыслей, он поднял глаза на Косугэ.

— Работал на лесозаготовках, погиб в результате инцидента на рабочем месте, — объяснил Кидо, не вдаваясь в подробности.

Косугэ слушал его, скрестив руки на груди и полуоткрыв рот. Янагисава тоже то и дело поддакивал, при этом

подбородок его сморщивался, делаясь похожим на косточку соленой сливы.

— С какого времени он стал ходить в этот клуб?

— Весной 1995 года. Я это хорошо помню, ведь накануне случилось крупное землетрясение в Кобэ, а вслед и теракт Аум Синрикё*.

— Понятно... в тот год, значит.

— Сначала про него поговаривали, что он один из сбежавших адептов Аум Синрикё, — сказал с усмешкой Янагисава.

Поймав недоуменный взгляд Кидо, Косугэ поспешило добавил:

— Все дело в том, что Макото никому о себе не рассказывал. У него был особенный взгляд, будто было что скрывать. Он был чувствительным человеком, с трудом общался с окружающими, а еще в нем была словно какая-то сжатая пружина внутри.

— Судя по фотографии, у него вполне добрый взгляд.

— Он изменился по сравнению с тем временем, что занимался у нас. Может, обрел свое счастье, когда женился?

— Да, судя по всему, — ответил Кидо искренне и кивнул.

— Когда занимался боксом, вот таким был, — добавил Ко-сугэ, кивнув на старую фотографию Макото Хары. И правда, казалось, что это взгляд совсем другого человека.

— Ну, он был внимательным, хорошим человеком. Да и взгляд его, не пугающий звериный взгляд, просто, как бы это сказать...

— Он был зорким.

— Да, проницательным. Все же бокс — это парная игра, важно, с каким отношением ты стоишь перед лицом противника. От этого зависит, получится у тебя или нет.

* В марте 1995 года в токийском метро произошел теракт — зариновая атака, организатором которой стала неорелигиозная secta Аум Синрикё.

— Понятно. А почему он начал заниматься боксом? С самого начала хотел стать профессиональным боксером?

— Сначала, кажется, его случайно прибило к нам. Я тогда стоял у входа в кабинет и наблюдал за тренировками, он вдруг вошел. Я до сих пор хорошо помню этот момент.

Кажется, точно так же Макото Хара неожиданно появился в магазине канцелярии Риэ. В мыслях Кидо эти два события слились в одно. Возможно, это было характерно для Хары — с осторожностью соприкасаться с остальными фрагментами этого мира.

— И со временем у него проклонулся талант?

— Да, именно так. Он ничего не знал о боксе, но у него были отличные рефлексы, и он быстро запоминал. А еще он отдавался тренировкам так, словно это единственное, что у него было. А в боксе вот это самое важное.

С этими словами Косугэ сжал кулак и выставленным большим пальцем несколько раз постучал по груди. Кулак был сжат не сильно, но Кидо почувствовал, что в его очертаниях есть какая-то сила, отличающая его от руки обычного человека.

— Он тогда и сам это решил, да и я рекомендовал. Пройти сертификацию, чтобы стать профессионалом. Тогда и Янагисава вкалывал изо всех сил, чтобы стать профессиональным боксером.

— Немного людей стремятся в профессиональный бокс?

— Сейчас мало. В нашем клубе восемьдесят ребят, но почти все любители. Включая женский бокс. Сложно прокормиться, когда ты профессионально занимаешься боксом. А те, кто хочет заниматься серьезно, начинают искать в интернете, какой клуб перспективнее, и идут туда. Маленькому клубу в жилом квартале сложно...

— Понятно. И сколько на круг выходит? Извините, спрашиваю из любопытства.

— При вступлении в клуб десять тысяч иен. Верхний потолок ежемесячной оплаты устанавливает ассоциация — две-надцать тысяч. Кроме того, спортсмены должны заказать капы, купить перчатки, разные мелкие расходы. Не так много, ведь в этом спорте нет инвентаря.

— Я думаю, господин адвокат спрашивал про заработки? — посмотрев на Кидо, добавил с улыбкой Янагисава. А затем, увидев недоумение в лице Косугэ, ответил на этот вопрос сам: — Больших боев примерно три в год. В бою с четырьмя раундами получаешь шестьдесят тысяч, с шестью раундами — сто тысяч. Прокормить себя на эти деньги невозможно. К тому же платят не наличными, а дают билеты на матчи. Для ребят вроде Макото — без знакомых — это было нелегко.

— Значит, все подрабатывают?

— Да. Как правило, в ресторанах. Например, Макото работал в китайском ресторане.

Кидо не записывал на диктофон, но делал пометки в записной книжке.

— А когда проходишь сертификацию, нужно предъявлять удостоверение личности?

— Для сертификации не нужно, но при получении лицензии необходима справка о регистрации или выписка из семейного реестра.

Отвечая на вопрос Кидо, Косугэ через плечо оглянулся на стажера, который выполнял упражнение «бой с тенью». Кидо тоже перевел взгляд на него. Молодой человек лет двадцати с волосами, разделенными на прямой пробор. Оставшись один на квадратном ринге, он наносил удар за ударом по невидимому противнику. Словно пытаясь увернуться от ударов, он постоянно переступал с ноги на ногу, раскачиваясь влево-вправо. Удары попадали в тело противника, которого у него пока не было, парень был отгорожен от будущей клеткой настоящего.

Кидо подумал, что и Макото Хара когда-то в одиночестве продолжал заниматься в этом полуутемном спортзале.

— А, простите, — сказал Косугэ, повернувшись к нему.

И Кидо наконец улучил момент задать тот самый вопрос, который его больше всего волновал:

— Вы знаете, кто был отцом Хары?

Бросив взгляд на Янагисаву, Косугэ ответил:

— Да, мы слышали.

— И когда вы узнали об этом?

— Перед тем как дебютировать на профессиональном ринге, он пришел ко мне за советом, что хочет выбрать себе псевдоним для выступлений. Я согласился. Бокс вообще-то не такой яркий вид спорта по сравнению с кикбоксингом или боями без правил. Для бокса важно, чтобы имя запомнили зрители, и я предложил придумать что-то очень яркое. Но он сказал, что ему, наоборот, нужно простое и незатейливое имя.

— Он объяснил причину?

— Тогда он ничего не сказал, я уже позже только узнал. После того как он победил на турнире для новичков Восточной Японии.

— Понятно.

— Ну... я, конечно же, удивился. Но родители — это одно дело, а дети — совсем другое. Я подбодрил его, сказал, что это только его жизнь и все зависит лишь от его усилий.

— Он тогда что-нибудь рассказывал о своем прошлом?

— Дайте подумать... После того громкого дела он какое-то время жил с матерью в семье младшей сестры матери и ее мужа. Сначала они по-доброму их встретили, но вскоре дядя стал шпионать свояченицу. Защищая мать Макото, сестра встремляла между ней и мужем, в результате впала в депрессию, и вскоре мать с мальчиком ушли оттуда.

— Ужасно...

— После этого мать оставила его в приюте, где он и прожил до окончания средней школы. В школе ему тоже пришлось тяжело... постоянные издевательства.

— Но ведь он уже сменил фамилию с Кобаяси на Хара к тому времени?

— Первая школа, в которую он перевелся, была неподалеку от прежнего дома, поэтому о том, кто он, сразу же стало известно. Отец Макото ведь убил мальчишку по возрасту чуть старше, чем собственный сын. Одноклассники не навидели его, ведь его отец был убийцей. В той школе, в которую он ходил, живя в приюте, уже никто не знал, кто он такой. Но у него к этому времени стал скрытный характер, и вроде как его травили из-за этого.

— В старших классах он не учился?

— Он перевелся в вечернюю школу, но, по его рассказам, сразу же бросил. А затем ушел и из детского дома и, пока не пришел к нам, в течение двух-трех лет бродяжничал. Он не вдавался в подробности, но, думаю, несовершеннолетнему пришлось хлебнуть лиха. У него не было регистрации, он был выброшен на улицу совершенно один, ужасная судьба.

— Когда в исполнение привели смертный приговор для Кэнкити Кобаяси, в 1993 году, Макото было восемнадцать лет. Это как раз в то самое время?

— Макото до смерти ненавидел своего отца. Он был тихим парнем, однако стоило ему заговорить о том, что он родился у такого человека, у него появлялось на лице страшное выражение, будто он одержимый, он дрожал. Его взгляд становился таким острым, вот-вот пронзит тебя нас kvозь... Он говорил, что с убитым мальчиком они когда-то вместе играли. Наверное, эта мысль все время преследовала его.

— А он ходил в тюрьму к отцу?

— Нет. Я слышал, что нет. По словам Макото, от отца приходили письма, в которых тот писал, как раскаивается, какую вину чувствует, но все они были о том, как страдает он сам, а извинения перед жертвами были лишь формальными. А еще он писал, что просит сына не забывать о том хорошем, что было в их жизни.

Кидо вздохнул, вспомнив те безмятежные картины, нарисованные в тюрьме.

— Он был хорошим отцом для Макото до того преступления?

— Не знаю. После всего, что случилось, меняется и отношение к воспоминаниям... Но в любом случае он никогда не говорил, что хотел бы, чтобы отец остался жив. А что у него было на душе, я не знаю.

— Да... понимаю вас.

— Он пришел сюда спустя два года после казни отца. Наверное, наблюдая, как сверстники поступают в университеты, начинают работать, он захотел тоже какую-то цель в жизни.

Кидо кивнул в знак того, что понимает, о чем речь.

Косугэ вновь обернулся к рингу и сказал:

— Прошу меня простить. Я ненадолго. Сейчас вернусь. А вы пока можете задавать вопросы Янагисаве. Если интересно, можете прогуляться по залу.

С этими словами Косугэ быстро выскочил из кабинета. Кидо, разумеется, согласился, встал и поклонился.

Кондиционер то включался, то выключался. Когда Кидо вновь сел на место, почувствовал, какой холодный воздух внизу. Он понял, что прошло уже больше часа.

Янагисава, который остался в кабинете вместе с Кидо, несколько секунд смотрел, как Косугэ принимает лапами удары стажера, а затем, прищурившись, сказал:

— Директор однажды прочитал нравоучение Макото.

Повернувшись к Янагисаве лицом, Кидо переспросил:

— Нравоучение?

Он сказал это таким небрежным тоном, будто бы говорил с человеком одного возраста с собой.

— У Макото был талант. Не знаю, достаточно ли этого было, чтобы стать чемпионом, но он был гораздо лучше меня. Поскольку мы выступали в разных весовых категориях, делить было нечего, поэтому мы были дружны с ним.

— Понятно.

— Профессиональную сертификацию он сдал с первого раза. Все до этого момента шло хорошо. Потом он выиграл турнир новичков Восточной Японии и внезапно оказался в центре внимания. В финальном бою он нокаутировал противника. Тогда еще не было интернета, поэтому он не был настолько известен. Но накануне боя за титул чемпиона Японии среди новичков он сказал Косугэ, что снимается с участия. Он тогда еще моего совета попросил.

— Понятно. А под каким именем он выступал?

— Кацутоси Огата. Имя Кацутоси пишется такими же иероглифами, что и слово «победа». Мы тогда закрыли глаза и наобум открыли первую попавшуюся страницу в телефонном справочнике.

— Так и определились с псевдонимом? — с улыбкой спросил Кидо.

— Да, именно. Мы выбрали, ведь слово «победа» должно было принести ему удачу. Мы тогда еще смеялись, ведь если бы он победил, то во фразе «Победа Кацутоси» два раза пришлось писать одни и те же иероглифы. Но потом он пожалел об этом.

Кидо уже больше года занимался делом Макото Хары, но только сейчас представил себе, что тот мог смеяться до встречи с Риэ. Ему показалось, что именно в этот момент пустая оболочка из записей и домыслов о нем вдруг, наконец, наполнилась жизненной силой.

— Хара-сан часто смеялся?

— Да нет, не особо. Он не был мрачным парнем, просто был неразговорчивым. Поэтому, посмотрев на его фотографию с женой, я подумал, что он выглядит совсем *другим* человеком. С возрастом его лицо стало мягкче. Хорошо, что у него была такая жизнь.

— Да, понимаю.

— И... о чём это я? А, точно, возвращаясь к прежнему разговору... Директор его тогда спросил, почему он отказывается от участия в бою за титул чемпиона. И он впервые рассказал о своем отце.

— Кто-то из мира бокса узнал о его прошлом?

— Нет... Думаю, его не столько беспокоило, что его узнают, сколько заслуживает ли он победы.

— Вот как...

— Жаль было его. Он начал заниматься боксом, потому что не хотел больше жить в тени, а в самый ответственный момент... Думаю, он боялся того, что его будут травить. В этом нет сомнений, но не только это. Мне кажется, он чувствовал вину перед тем соседским мальчиком, которого убили.

— Ясно.

— Знаете, бывает расстройство гендерной идентичности. Когда у человека тело и внутренний мир просто не подходят друг другу. У Макото было что-то вроде этого. Словно бы его запихнули внутрь какого-то отвратительного плюшевого костюма, и теперь ему всю жизнь из него не вылезти.

— Вы имеете в виду... что на него всю жизнь смотрели как на сына человека, приговоренного к смертной казни?

— И это тоже. Но он часто говорил о своей внешности. Что один в один похож на отца.

— А... это правда.

— Поэтому он говорил, что, стоит ему подумать, что в его жилах течет кровь отца, ему хочется разодрать тело и выбраться из него, настолько это отвратительно. Когда ты так ненавидишь собственное тело, то и сексом с понравившейся девчонкой не захочешь заниматься. Поэтому, когда он у нас тут тренировался, оставался девственником.

Не зная, что сказать, Кидо опустил голову и несколько раз кивнул. Он смотрел на свои руки и ноги, лишь они были в поле зрения. Он подумал, что это должно быть очень мутильно — испытывать такие адово страдания, когда твоё собственное тело, твоё последнее пристанище, причиняет боль. И что это за жизнь, когда ты понимаешь, что не имеешь права любить и быть любимым.

— Люди ведь часто говорят, что кто-то похож на отца или на мать. А он этого делать не мог. Ведь то, что он похож на отца, значило, что он не имеет права на существование в этом мире. Его тело и внутренний мир просто не соответствовали друг другу. Он боялся, что его тело может сойти с ума и выйти из-под его контроля. Ведь именно об этом ему и говорили одноклассники, которые издевались на ним. Обычному человеку, как бы он ни рассердился, вряд ли придет в голову кого-то убить, верно? Но он боялся: а вдруг он тоже кого-нибудь убьет? Поэтому он хотел, чтобы его тело били. Если его не били, если он не преодолевал себя на тренировках, он страдал. Он говорил, что хочет с помощью бокса научиться контролировать импульсы гнева в себе.

— Это было его движущей силой?

— По его словам, да. Я пытался поддержать его, говорил, что никогда не слышал, чтобы в одной семье в двух поколениях были убийцы. Ну, надо мной в детстве тоже издевались одноклассники, как и над ним, думаю, причина в этом. Когда тебя лупят каждый день, чтобы принять эту

действительность, нужно представить, что это делаешь ты сам или что происходящее неизбежно.

— Я могу вспомнить ситуации, когда причиняют сами себе боль, чтобы справиться с самоотрицанием. Это случается, например, с подростками.

— Да, да. Но, мне кажется, Косугэ, наверное, до конца не понял, что хотел сказать Макото. Он думал, что Макото мучает себя, чтобы искупить грех отца, и довольно жестко сказал, что это бред. Сколько бы ты ни страдал, нельзя вернуть жизнь убитому. Это ничем не отличается от всего того, что писал отец в письмах, не больше, чем самоудовлетворение от демонстрации страданий. Но Макото никогда не имел этого в виду. Мне так кажется. А наш директор по-своему беспокоился за Макото, он сердился, ведь уже столько было преодолено, и теперь он от всего отказывался. В конце концов директор сказал: «Слушай, твоя жизнь — это твоя жизнь, и, если ты действительно так мучаешься, съезди к родным погибших. И тогда кто бы что ни сказал, если семья признает твое право на свою собственную жизнь, то ты сможешь жить дальше с гордо поднятой головой».

Кидо бросил беглый взгляд на ринг, где стоял Косугэ. Убитого директора строительной компании, кажется, были живы родители и младший брат.

— Жаль Макото, — сказал Янагисава с беспомощным выражением и на некоторое время замолчал, о чем-то размышляя.

— Мы тогда частенько бегали вместе по утрам. Здесь, по округе. Как-то раз, когда он уже должен был решить, что делать с выступлением на турнире, я пригласил его на пробежку. Мы добежали до парка неподалеку, как я заметил, что он вдруг начал отставать. Я оглянулся назад, вижу, что он просто остановился... Потом он упал на колени, будто его все силы покинули. И когда я подошел спросить, что случилось,

он упал прямо лицом на землю и начал плакать. Прямо посреди этого большого парка. Уткнулся лицом в грязь и зарыдал. А было так холодно. Около нуля.

— Понятно...

Представив себе эту сцену, Кидо почувствовал, как что-то в груди сжалось. Вероятно, тот самый парк, мимо которого он сегодня проходил по пути от станции.

— И тогда я ему сказал, что ему совершенно не обязательно к ним ходить. Несмотря на слова директора, ему совсем не стоит чувствовать ответственность. К тому же... это наверняка только насыпляет соли на их раны.

Кидо никак не отреагировал на эти слова, только нахмурился. Затем, выдержав паузу, он спросил:

— И что в результате? Он ездил к ним?

— Нет... После этого с ним случился несчастный случай.

— «Несчастный случай»?

— Выпал с балкона. С шестого этажа своего дома. Тяжелые травмы, множественные переломы. Выжил только благодаря тому, что упал на крышу велосипедной парковки.

— И правда, несчастный... — Кидо запнулся и не закончил вопроса. Янагисава догадался о том, что тот пытается спросить.

— Макото говорил, что это случилось по недосмотру. Он особенно не помнил, что произошло. Ну, взрослый мужчина вряд ли случайно выпадет с балкона. Там же и перила есть. Но я не думаю, что он хотел умереть. Мне кажется, он уже перестал понимать, что к чему, и ему просто хотелось от всего убежать. Понятно, что после такой травмы ему пришлось отказаться от турнира, но он выглядел так, будто может вздохнуть теперь с облегчением.

— А что тогда сказал ваш директор?

— Он тоже был в шоке. Ведь в нашем клубе уже давно не появлялись профессионалы. Макото извинился, но после

выписки из больницы просто исчез. Наш директор очень себя винил в этом. Сейчас он уже восстановился, но тогда у него была настоящая депрессия. Видели, как он резко сейчас сбежал? Наверное, ему до сих пор тяжело все это вспоминать.

Кидо снова посмотрел на Косугэ, и ему стало жаль его.

— Директор во что бы то ни стало хотел сделать из Макото чемпиона. У Макото была непростая жизнь, он хотел изменить ее. Чтобы у него уверенность появилась.

— Понимаю.

— Но Макото не хотел быть чемпионом. Он просто хотел быть *нормальным* человеком... Он просто хотел жить нормальной, спокойной жизнью. Скучной жизнью, на которую никто не обратит внимания. В глубине души он надеялся на это. Это правда... Но он знал, как старается директор сделать из него чемпиона, ему от этого, должно быть, было тяжело.

Кидо записал в блокноте: «Нормальный человек», а после некоторое время смотрел на эту фразу. Отбросив все то, что обычно назойливо прилипает к этой банальной фразе, Кидо попытался посмотреть на то сильное желание, которое Макото вкладывал в нее.

Он смотрел на эти два слова так долго, что уже перестал понимать, что они означают, после чего задал Янагисаве еще один вопрос:

— Вы с тех пор больше с ним не встречались?

— Верно.

— Когда это было?

— Думаю... в 1998 году.

— А потом вы больше ничего о нем не слышали?

— Ничего.

Кидо кивнул, чтобы привести мысли в порядок, и начал заполнять свои обрывочные записи. Осталось еще девять лет

жизни Макото — с момента его исчезновения из боксерского клуба до появления в городе S под именем Дайскэ Танигуди.

Когда Кидо наконец поднял голову, Янагисава спросил:

— А можно вопрос?

— Да, конечно.

— Это было самоубийство?

Зрачки Кидо на мгновение расширились, но вслед он несколько раз покачал головой:

— Насколько я знаю, нет.

— Правда? Хорошо... Когда я услышал, что к нам специально приезжает адвокат, у меня возникло плохое предчувствие.

Кидо засомневался, а не стоит ли рассказать ему подробности, но потом решил, что лучше сменить тему. Янагисава, кажется, понял это и воздержался от дальнейших расспросов. Чтобы поставить точку в разговоре, он спросил:

— Макото после этого еще занимался боксом?

— Кажется, нет.

— Да? Понятно.

Янагисава потянулся к фотографии Макото Хары и Риэ на столе, чтобы взглянуть на нее еще раз.

— Жаль, что он умер таким молодым... но я рад, что в конце концов он был счастлив.

Кидо не был уверен, обращался ли Янагисава к нему или к фотографии, но все равно ответил:

— Согласен с вами. Я думаю, что он был счастлив.

— Он так волновался, что может причинить кому-нибудь вред, но он до самого конца этого избежал. Мне бы хотелось сказать ему: «А я говорил тебе это...» Столько всего, о чем бы я хотел с ним сейчас поговорить. Думаю, и наш директор тоже...

Хотя Кидо все еще беспокоился за настоящего Дайскэ Танигути, в тот момент он искренне согласился с Янагисавой. После чего коротко сказал:

— Понимаю.

Глава 16

Когда Кидо вернулся домой из боксерского клуба в Кита-Сэндзю, он записал историю Макото Хары, рассказалую Косугэ и Янагисавой, опираясь на то, что запомнил и кратко отметил в блокноте. Кроме этого, он рассортировал информацию, собранную за год расследования, и привел в порядок свои разрозненные воспоминания.

Он намеревался наконец-то сообщить о своих выводах Риэ. В ходе работы он заметил нечто настолько очевидное и был поражен тем, что до сих пор оно ускользало от его внимания.

Впервые о Норио Омиуре Кидо узнал, когда он прочитал о деле 2007 года об обмене семейными реестрами между мужчинами шестидесяти семи и пятидесяти пяти лет, случившемся в токийском районе Адати.

В блоге «Фанат судебных дел» человека, который лично присутствовал на судебном процессе, было написано, что Омиура еще в 2006 году начал оказывать посреднические услуги по «отмыванию прошлого». Как это ни странно, по-водом для начала этого бизнеса стали новости об убийстве Джеймса Балджера в 1993 году.

Эта страшная история о похищении из торгового центра в Ливерпуле двухлетнего малыша, который пришел туда с мамой, и его зверском убийстве двумя мальчиками десяти лет вызвала резонанс не только в Великобритании, но и во всем

мире, после чего всколыхнулась волна возмущения и пессимизма.

После того как убийцам исполнилось восемнадцать и срок заключения подошел к концу, несмотря на яростные протесты общественности, им были выданы новые имена и документы, чтобы они могли начать жизнь заново.

Один из бывших заключенных, по сообщению таблоидов от июня 2006 года, женился и устроился на работу в офис, и никто даже не подозревал о прошлом этого человека. Как было написано в блоге, благодаря этим новостям Омиуру «осенило», что он может начать бизнес по продаже и обмену записями в семейных реестрах.

Судя по всему, он совершил гораздо больше сделок, чем смогла обнаружить полиция. Кидо подумал, что причина, по которой Омиура так настойчиво называл его «корейцем», заключалась в том, что среди его клиентов и правда было много корейцев и других иностранцев, проживающих в Японии. Писали, что те клиенты Омиуры, которые были недовольны результатом сделки, меняли записи неоднократно, и вот именно это окончательно утвердило Кидо в догадке.

Предположение о том, что Икс, он же Макото Хара, навязал Сёдзо Тасиро свое имя и запись, сделав умственно отсталого бродягу сыном убийцы, не давало покоя Кидо. Эта мысль вызывала чувство отчаяния, а затянувшаяся игра в детектива казалась тратой времени. Как бы наивно это ни было, покойный муж Риэ, живший в ее воспоминаниях, не мог быть таким человеком.

Но если верить пусть и не слишком надежным показаниям Тасиро, он обменялся записью в реестре не с Харой. По крайней мере, Тасиро никогда не встречался с настоящим Харой, а просто с кем-то, кто называл себя Макото Хара.

Иными словами, первоначальное предположение Кидо было ошибочным и требовало корректировки.

Макото Хара поменялся данными не с Тасиро, а с каким-то другим человеком. А уже потом этот человек, получивший сомнительную личность Макото Хары, подкинул ее Тасиро. И в том и в другом случае при посредничестве Омиуры.

По предположению Кидо, именно этот человек, который совершил первую сделку с Макото Харой, был тем самым Ёсихико Сонэдзаки, чье имя написал Омиура на открытке с обнаженной женщиной.

Если расположить события в том порядке, как они предстали перед Макото Харой, получалось следующее.

Сначала Хара узнал об Омиуре в интернете или где-то еще и с его помощью получил имя Ёсихико Сонэдзаки. Затем по какой-то причине ему не понравилась эта личностью, и он совершил еще одну сделку, получив имя Дайскэ Танигуди, после чего отправился в город S, где и встретил Риэ.

Если все было именно так, настоящий Дайскэ теперь должен был носить имя Ёсихико Сонэдзаки. Разумеется, при условии, что он не совершил после этого еще одну сделку.

И если он был еще жив...

Кидо почувствовал, как Макото Хара, забытый и в течение какого-то времени почти прекративший свое существование, вновь появляется в тексте на экране компьютера и обретает конкретные черты. Будучи юристом, он привык описывать произошедшее и людей, с ним связанных, при помощи слов, однако в отличие от документов, которые он предоставлял в суде, сейчас от него не требовалось намеренно сокращать написанное, поэтому он вносил все, даже мельчайшие подробности. Словно бы преданный член семьи покойного, который пытается после кремации собрать как можно больше праха того, кого когда-то любил.

Когда Макото Хара физически еще существовал в этом мире, его прошлое было предано забвению. Хотя, возможно, Хара намеренно пытался стереть его. Ведь для него, живущего в настоящем, прошлое было тяжким бременем, словно кандалы сковывающим его... Однако раз его физическая оболочка исчезла из этого мира, а женщина, любившая его, была готова все понять, не стоило ли теперь восстановить все, что касалось его и его прошлого...

Кидо не был уверен, следует ли называть человека, прошлое которого он воссоздает, Макото Харой. Прежде ему не давало покоя, что вся доступная информация представляет собой лишь обрывки, а теперь он чувствовал, как в такт с рождением образа Макото Хары и он сам собирает части себя воедино, постепенно становясь целостной личностью.

Кидо с невыразимой грустью осознавал, что его «детективное расследование» должно вскоре подойти к концу. Он остро ощущал этот надвигающийся момент, однако стоило ему представить, как одиноко он будет себя после этого чувствовать, его охватывала тоска.

Одиночество. Именно так. Чувство, которое сдавливало грудь все последнее время, он, не раздумывая, выразил именно таким словом.

В молодые годы он даже представить себе не мог одиночество человека в среднем возрасте, которое пронизывало его до самой глубины. Стоило чуть ослабить хватку, как он уже не мог остановить это холодное чувство, которое сразу же пропитывало его.

В такие моменты Кидо часто представлял себе Макото Хару, который лежал на земле и рыдал в том парке в Кита-Сэндзю. Ему казалось, что эта картина не связана со временем и местом, словно бы являясь частью какого-то мифа.

Броситься на землю именно здесь и сейчас и разрыдаться — это было шагом не обычного человека. Но Кидо чувствовал, что он тоже знает эту боль, когда щеку, прижатую к земле, царапает песок, смешанный с галькой, будто это произошло с ним.

Судя по написанному в статье, Кэнкити Кобаяси родился в городе Ёккайти в 1951 году.

В детстве семья была настолько бедная, что жили они впроголодь, его часто колотил отец. В подростковом возрасте он покатился по наклонной, бросил учебу в старших классах, некоторое время бездельничал, пока, наконец, не нашел работу на местной фабрике, после чего ушел из дома и стал жить один.

В двадцать один год он женился на девушке на два года младше его, и через три года она родила ему сына, Макото, их единственного ребенка.

Кобаяси каждый день бил и жену, и ребенка, но так же, как и в его детстве, в те годы общество еще не видело в таком поведении особой проблемы. Пока Макото не исполнилось пять лет, всякому человеку со стороны они казались абсолютно обычной семьей.

Около тридцати он как-то встретился с одним из своих школьных товарищей, который и подтолкнул его к азартным играм. Долги постепенно росли, к моменту совершения убийства за ним вовсю охотились кредиторы.

Убийство произошло летом 1985 года. Кобаяси зашел домой к директору строительной конторы, с которым они познакомились через местный детский клуб, куда ходил и Макото, и попросил у него денег. После отказа он потерял контроль над собой. Он вернулся домой, а потом вновь вломился посреди ночи к этому человеку, жестоко убил его

с женой и сыном-шестиклассником. Украв сто тридцать шесть тысяч иен, он поджег дом, чтобы замести следы преступления, а через неделю был задержан полицией.

В прессе писали, что преступление, совершенное в приступе гнева, было безжалостным и зверским, ведь среди жертв был ребенок. Смертный приговор убийце семьи считался справедливым наказанием, Кобаяси не пытался обжаловать ни обвинения, ни решение суда.

Кидо думал о том, что если бы в его жизни случайно появился человек вроде Кобаяси, то по такой же абсурдной причине жизни мог бы лишиться не только он, но и его жена, и сын, отчего на душе стало гадко. Орудием убийства был двадцатисантиметровый кухонный нож. Стоило ему только представить, как он пронзает нежную и гладкую кожу Соты, Кидо не мог сохранять самообладание.

Страх и ярость от абсурдности ситуации не были направлены на Кэнкити Кобаяси.

Это и понятно, ведь история произошла не с Кидо. В то же время, отчасти благодаря своему профессиональному опыту, Кидо знал, что такие трагедии происходят и столкнуться с ними может каждый, как с любым несчастным случаем или трагическим совпадением.

К сожалению — в буквальном смысле, к сожалению, — такие люди, как Кобаяси, существуют. Ни один из бесчисленных факторов: унаследованных или приобретенных, случайных или закономерных, которые привели его к преступлению, — не был каким-либо исключительным или беспрецедентным в истории человечества. Напротив, все было таким обыденным, что оставалось лишь вздыхать от безысходности.

Разумеется, Кидо тоже считал, что вся ответственность лежит на убийце. Он не мог занять крайней позиции, полностью отрицая свободу воли личности. Однако было очевидно,

что среда, в которой вырос Кобаяси, была неблагоприятной, именно она в значительной степени повлияла на то, что его жизнь пошла под откос.

Государство не сделало ничего, чтобы помочь человеку, выросшему в несчастье. Тем не менее за нарушение порядка оно уничтожало его с помощью смертной казни, и эта позиция государства — будто все в реальности происходит именно так, как должно, — казалась Кидо неправильной. Иначе как лживым это было сложно назвать: когда судебная власть аннулирует ошибки законодательной и исполнительной власти, просто уничтожая нарушителя, словно бы его и не было. Ведь если последовательно применять этот принцип, то возник бы порочный круг, в котором граждане, нарушавшие порядок, должны приговариваться все в большем количестве по мере того, как государство приходило в упадок.

Кидо никогда не пытался активно обсуждать свой взгляд на проблему с кем-либо. Он не был уверен, что другие люди поймут его. Ведь его не понимала даже жена. Тогда Сота был еще совсем маленький, ему только исполнился год. Как-то раз они смотрели новости по телевизору и заговорили о том, что было бы, если Соту убили. Она тогда твердо сказала, что убийца должен быть казнен и настаивала на том, чтобы он согласился с ее мнением.

Кидо тогда рассказал ей, что в современной Японии убийство одного человека не карается смертной казнью. Жена тогда сразу же парировала: «А что, если бы были убиты двое, я и Сота?»

Кидо понял, что необходимо дать ей развернутый ответ.

— Чтобы избавиться от такого зла, каким является убийство человека, необходимо как минимум отказаться от идеи, что в каких-то случаях убийство одного человека другим

допустимо. Это может быть нелегко, но я считаю, что именно к этому мы должны стремиться. Преступники, конечно, никогда не будут прощены, но государство должно нести вину за социальные условия, которые привели их к совершению преступлений, и брать на себя ответственность, оказывая существенную поддержку жертвам, вместо того чтобы притворяться невиновным и ограничиваться карательными мерами. Я считаю, что государство по отношению к убийству не должно опускаться до такого же уровня, каюя убийцу убийством.

Глаза Каори дрожали, красные от гнева и разочарования. Она с таким выражением смотрела на него, будто сомневалась, что в его жилах течет человеческая кровь. Предполагая, что продолжение разговора приведет к необратимым и разрушительным изменениям в их отношениях, они быстро прервали его. Какой смысл был спорить о гипотетической трагедии.

У Кидо была еще одна причина, по которой он не мог испытывать выраженную ненависть к Кэнкити Кобаяси, ведь он узнал не только о его жизни, но и о жизни его сына, к которому проникся симпатией.

Кидо попробовал себе представить чувства Макото, который однажды утром узнал, что соседский мальчишка, на несколько лет его старше, с которым они в детском клубе вместе играли в софтбол, к которому он то и дело забегал домой, чтобы оставить там инвентарь вроде бит и баз, был убит вместе с родителями. В их квартале выли сирены полиции и скорой помощи, а в актовом зале начальной школы, куда прибежали родители, плакали дети.

Тем утром появилась полиция, репортеры с криками отталкивали друг друга, потом арестовали и увезли его отца. В отличие от остальных детей, лишь его по пути в школу и обратно останавливали журналисты, которые расспрашивали

об убийстве. Они не задавали вопросов о погившем друге, а только об отце.

Кидо представлял, как мальчик с тревогой смотрел на растерянную мать.

В глубине души Кидо сочувствовал Харе. Затем он представил его взрослым, идущим перед ним. На ум не приходило ни одного слова, с которым он мог бы к нему обратиться.

Детский сад, в который ходил Сота, располагался в том же здании, что и станция «Мотомати-Тюкагай». Приехав чуть раньше, Кидо поднялся на крышу здания, где располагался парк «Америка Яма Коэн», там в это время играли дети. Строительство парка в Йокогаме было завершено в 2009 году в честь стопятидесятилетия открытия порта. Газоны и клумбы с двух сторон ограничивали мощенную камнем дорожку, которая плавно поднималась наверх к иностранному кладбищу Йокогамы.

Чтобы добраться от платформы станции до парка на крыше, нужно было проехать на нескольких эскалаторах, переходя с одного на другой. Кидо казалось, что время тянет-ся очень медленно, ведь ему хотелось поскорее увидеться с Сотой.

В начале февраля рано смеркалось. Хотя воздух был холодным, около двадцати ребят в одинаковых желто-зеленых шапочках носились по площадке, немного расстегнув сверху молнии на курточках.

Сота оказался чуть поодаль, он смеялся во весь голос, догоняя друга. Видимо, сдерживаться было невозможно.

Кидо поздоровался с молодой воспитательницей, она рассказала, что день у Соты прошел хорошо, а потом позвала мальчика. Однако еще до этого несколько ребят узнали его и закричали:

— Смотрите! За Сотой папа пришел!

Увидев отца, Сота смутился, что-то блеснуло в его глазах. Улыбка изменилась, будто ему было неловко, что отец следит за ним, а поведение его друзей, возможно, не оправдывает ожиданий.

— Папа Соты!

Несколько ребят подбежали к Кидо раньше, чем его сын. С тех пор как он просто так взял кого-то на руки на родительском дне, когда ребята подбежали к нему, все решили, что он — взрослый, который с ними будет играть.

И в этот день опять вокруг Кидо столпилось четыре или пять малышей. Когда Сота добежал до папы, он приревновал и закричал:

— Это мой папа! Не трогайте его!

После чего стал оттаскивать товарищей от Кидо.

— Эй-эй, больно же. Не надо никого так сильно дергать, — сказал Кидо, слегка приобняв сына за плечи.

Один из детей сообщил Кидо:

— А сегодня, когда Рё и Кохэй дрались, Сота сказал им, что это неправильно, и остановил драку.

— Да! Сота это сделал, — вторил ему другой.

— Правда? Сота, так ты молодец, — сказал Кидо.

Кидо вдруг подумал, что когда-нибудь, возможно, один из этих невинных детей убьет кого-нибудь. Даже если такого ребенка нет здесь и сейчас, то кто-то, кому в этот самый момент всего только пять лет, кто-то, кто сейчас вот так же развивается со своими друзьями, когда-нибудь убьет человека. Может, жизнь его загонит в угол, может, отсутствие моральных устоев. Чья это будет ответственность?

Улыбаясь, как и прежде, Кидо размышлял об этом. Когда Кэнкити Кобаяси было пять лет, возможно, он был таким же невинным ребенком. Хотя нет, и тогда, скорее всего, он уже выглядел пострадавшим, несчастным ребенком.

Убийцам Джеймса Балджера было всего десять лет. Британское общественное мнение яростно продвигало вопрос их ответственности, но, насколько можно было судить по сообщениям в прессе, условия, в которых эти дети выросли, были невыразимо ужасными.

Согласно японскому уголовному законодательству, все, кому не исполнилось девятнадцати лет, подпадали под действие Закона о несовершеннолетних, виновными считались только преступники старше этого возраста. Однако разве можно полагать, что все негативное влияние, которое, словно долги, преследовало человека, по достижении двадцати лет вдруг списывалось? Пусть даже большинство людей иправлялось с прежними травмами благодаря положительному влиянию извне.

Старания самого человека похвальны, но разве все это не о случайном везении встретить нужных людей или попасть в подходящие ситуации, которые направят человека на правильный путь? Накакита, например, был убежден в том, что характер человека определяется взаимовлиянием факторов генетики и среды, о чем говорили и современные теории в биологии, и считал, что бинарная оппозиция — гены или среда — не имеет смысла. Само собой, он отвергал утверждение о том, что только человек несет ответственность за все, называя это вершиной глупости. Кидо придерживался точно такого же мнения.

После возвращения домой Кидо никак не мог отвязаться от этих размышлений.

Несколько дней назад он позвонил Кёити Танигути, чтобы рассказать ему все, что ему удалось выяснить о Макото Харе. Об этом его в свое время просила и Риэ: чтобы он держал Кёити в курсе. Ему оставалось еще разгадать загадку

о том, что делал Хара в течение девяти лет, прошедших с момента его ухода из боксерского клуба до встречи с Риэ. И важно было выяснить, все ли в порядке с Дайскэ Танигути. Для этого самым эффективным способом была помочь со стороны родственников.

— Что? Это правда?

Говоря по телефону, Кёити несколько раз воскликнул от удивления, а когда рассказ Кидо закончился, он с еще более серьезной интонацией, чем во время их первой встречи, произнес:

— Все же этот тип убил Дайскэ? Ведь он же сын сбрендившего убийцы.

Неожиданно для себя Кидо поддался эмоциям и ответил:

— Мы не можем этого утверждать. Он хотел освободиться от своего прошлого — сына убийцы, хотел, чтобы его приняло общество. Если бы он совершил убийство, он бы перечеркнул все, что сделал.

Кёити фыркнул. Очевидно, ему не понравился тон и содержание того, что сказал Кидо.

— Может, он убил его так, чтобы никто не узнал? С таким папашей вряд ли стоит ждать какого-то логичного поведения. Такой тип, когда вспылит, неизвестно, на что способен.

— Когда Хара встретил вашего брата, он, скорее всего, уже носил имя Ёсихико Сонэдзаки. Он уже не был сыном убийцы, приговоренного к смертной казни. И именно поэтому ваш брат согласился обменяться с ним семейными реестрами. В сделке был посредник, не было причин, чтобы убивать человека с целью похищения его данных.

— Все, о чем вы говорите, — это же просто ваши догадки? Простите, но ведь это просто фантазии, у которых нет доказательств. Вы можете это подтвердить? У него была масса причин для убийства. Например, он хотел заставить Дайскэ

замолчать, после того как тот узнал о его истинном происхождении.

— Этого не может быть.

— Почему?

— Не думаю, что он был таким человеком.

— Что? Сенсей, не уверен, что с вами все в порядке. Как вы можете это утверждать?

— Потому что я беседовал с людьми, которые его хорошо знали.

— У каждого есть черная и белая стороны.

— В любом случае, чтобы удостовериться, я хотел просить вас о помощи в поиске брата.

Несмотря на сложные отношения между братьями, Кёити не должен был отказаться от сотрудничества, но тогда он был зол и так и не дал четкого ответа.

Кидо взбесился от замечания Кёити, что при таком отце и сын вполне может стать убийцей. Однако, повесив трубку и не в силах успокоиться, он продолжил прокручивать этот спор в голове и в результате потерял уверенность в своих доводах.

Кидо пытался рассматривать убийцу Кобаяси в контексте влияния отца, который его был в детстве. Но в таком случае приходилось признать, что позиция Кёити, который говорил, что Хара может быть склонен к преступности, имела под собой некоторые основания, ведь среда в семье Хары тоже была ужасной. С точки зрения генетического сходства он был до обидного похож на отца даже внешне. К тому же те наброски, которые, казалось бы, отражали его чистую душу, один в один походили на картины отца, написанные в тюрьме, какая бы жестокая ирония судьбы в этом ни заключалась.

На самом деле жизнь Макото Хары находилась под постоянной угрозой быть раздавленной либо прошлым, либо будущим. Его душа не могла обрести свободу, потому что отец в прошлом совершил преступление. У ребенка своя жизнь, и не было ни одной причины, по которой он должен был чувствовать ответственность за преступление отца. В то время как семьи погибших продолжают страдать, семьи преступников нет. Видя эту несправедливость, Хара взял страдания на себя. К тому же, неся ответственность за прошлое, он ощущал, что общество видело в нем потенциальный риск, ведь он мог совершить такое же преступление, как и его отец.

Но не только окружающие так думали. Больше всего он сам боялся себя. Однако, что из этого следовало? Казалось бы, это совершенно не связано с убежденностью Кидо в том, что «Хара не такой человек».

А ведь если бы все, кто общались с ним, сказали об этом, разве у Макото Хары появилась необходимость менять свой семейный реестр? Возможно, он мог бы жить с этим именем до настоящего дня.

Глава 17

Съев сукияки* на ужин, Сота сказал, что сегодня хочет спать с мамой, поэтому после купания Кидо оставил его с Каори, а сам пошел на кухню мыть посуду. Потом он завалился на диван и под песни Мишель Ндегеоселло перебирал воспоминания о том времени в университете, когда играл в группе на бас-гитаре. Будь он таким же хорошим музыкантом, как Накакита, возможно, и сейчас бы продолжал играть в группе, что было бы для него отличным способом отключиться от повседневных забот. Он перескакивал с одной мысли на другую, пока незаметно не погрузился в сон.

От усталости совсем не было сил.

Проснулся он уже после одиннадцати часов. Кончики пальцев на ногах были холодными, он включил отопление и почему-то телевизор, хотя обычно его не смотрел. Пощелкав по каналам, он остановился на кадрах с внушительной толпой: держа над головами старые военные флаги Японской империи, среди белого дня люди шагали по улице с криками «Всех корейцев в газовые камеры!». В новостях показывали репортаж на тему «Риторика ненависти». Кидо пожалел, что натолкнулся на эту передачу, и решил выключить телевизор.

Однако, когда он увидел бегущую строку «На месте оказались и те, кто протестовали против этой демонстрации...»

* Блюдо японской кухни из мяса и овощей, которые тушатся в бульоне или жарятся, а после этого заливаются бульоном.

и женщину, которая шла с плакатом «Мы не должны врачевать! Чинагэ чинэё!», он вскочил от удивления. Она оказалась в кадре лишь на миг, но он почти был уверен, что это Мисудзу.

«Что она там делала?»

Вдруг он услышал голос сына за спиной:

— Папа!

Обернувшись, Кидо увидел Соту, который потирал заспанные глаза.

— Сота? Что случилось?

— Я проснулся... А ты что смотришь? — спросил Сота, подойдя к дивану. Кидо запнулся, думая, как объяснить происходящее на экране: две группы демонстрантов, сдерживаемые полицией, кричали друг на друга. Но вдруг экран погас.

— Сота, иди ко мне. Надо уже спать.

Каори, которая пришла за Сотой, громко положила пульт на стол.

Кидо не понравилось, что она выключила телевизор без предупреждения. Но Каори, так и не сказав ему ни слова, потянула сына за руку и ушла с ним в спальню.

Кидо хотел было включить телевизор с другого пульта, лежавшего под рукой, но телевизор смотреть расхотелось, и ничего больше не оставалось, как последовать решению жены.

Он еще раз подумал, и правда ли в кадре была Мисудзу, но воспоминание было расплывчатым. Когда они вместе обедали возле художественной галереи Йокогамы, она коснулась вопроса ответных демонстраций и тогда сказала что-то вроде: «Тогда я пойду вместо вас, Кидо-сан». Он не принял ее слова всерьез, да и почти уже забыл об этом.

В последнее время они не общались, и он был удивлен, когда узнал, что она втайне выполнила данное ему обещание.

Он улыбнулся, ведь это было вполне в ее духе, однако чувства по отношению к ее поступку были довольно сложными, нечто среднее между радостью и горестью.

Он радовался, что все же занимает какое-то место в ее мыслях. Ведь участие в такой демонстрации было делом не из легких. Однако в то же время он вздыхал из-за сложности своих требований, ведь он не мог однозначно одобрять подобное вмешательство.

Иногда Кидо думал, что его взгляд на дизайнити напоминает то, как Левин в «Анне Карениной» смотрел на крестьян.

«Если б у него спросили, любит ли он народ, решительно не знал бы, как на это ответить. Он любил и не любил народ так же, как и вообще людей. Разумеется, как добрый человек, он больше любил, чем не любил людей, а потому и народ. Но любить или не любить народ, как что-то особенное, он не мог, потому что не только жил с народом, не только все его интересы были связаны с народом, но он считал и самого себя частью народа, не видел в себе и народе никаких особых качеств и недостатков и не мог противопоставлять себя народу».

Кроме того, Кидо чувствовал себя некомфортно, когда люди, которые, как ему казалось, мыслили так же, как и он, влезали в проблемы дизайнити. Он вспомнил слова Левина о своем старшем брате Кознышеве: «Точно так же, как он любил и хвалил деревенскую жизнь в противоположность той, которой он не любил, точно так же и народ любил он в противоположность тому классу людей, которого он не любил, и точно так же он знал народ как что-то противоположное вообще людям».

Кидо вообще ненавидел саму идею выделять любые категории людей, поэтому ему не нравилась и категория, в которую пытались объединить всех этнических корейцев

в Японии. Разумеется, среди японских корейцев были и хорошие, и плохие люди, а у хороших людей были недостатки, а у плохих — достоинства, пусть он даже и не знал о них.

Кидо казалось, что еще одна реплика, адресованная Левиным брату, прекрасно иллюстрирует его сомнения: «...и Сергей Иванович, и многие другие деятели для общего блага не сердцем были приведены к этой любви к общему благу, но умом рассудили, что заниматься этим хорошо, и только потому занимались этим».

Однако разве не по этой же причине его жена с недоверием относилась к его заботе «об общественном благе»?

Столкнувшись с этим противоречием, Кидо еще некоторое время размышлял о нем, обхватив колени руками.

Разумеется, вопрос был непростым, ведь сам Кидо являлся дзайнити. Но он вырос как японец, поэтому до сих пор не был уверен в том, какое отношение к нему имеют проблемы корейских кварталов. Кидо было сложно представить, что когда-нибудь в его сердце проклонутся ростки сопричастности к другим японским корейцам, как у Левина, который после дня изнурительной работы с крестьянами в ту невыразимо прекрасную ночь почувствовал в себе искреннюю любовь к «прекрасному общему труду».

Кидо устал от размышлений и почти машинально включил телевизор. На экране появилась студия, в которой ведущие довольно открыто, что было редкостью для телевидения последних лет, осуждали ксенофобию, вспоминая события давнего прошлого — корейскую резню после Великого землетрясения в Канто.

Это землетрясение произошло девяносто лет назад, в 1923 году. Хотя от мысли, что до столетия с момента этой трагедии еще десять лет, Кидо почему-то стало неприятно.

Все говорили о будущем землетрясении в Нанкайском желобе и крупномасштабном землетрясении в столичном округе как о доказанном факте. Кто-то возвещал, что оно положит Японии конец, но когда это произойдет, не знал никто. В районе, где они жили, были опасения не только по поводу обрушения зданий, но и ущерба от возможного цунами. Вероятно, находясь дома на девятом этаже, они могли бы спастись, но Кидо иногда думал: а что, если в этот момент они окажутся с Сотой в парке «Ямасита»? Вряд ли им хватит времени убежать.

Наверное, после такого землетрясения будут огромные разрушения в городе. А вдруг через десять лет, как раз когда исполнится сто лет после Великого землетрясения Канто, и правда появятся идиоты, которые всерьез поверят лозунгам «Смерть корейцам!», пусть сейчас это скорее напоминает хайп или антистресс. Но ведь эти люди, движимые страхом, могут прийти к Кидо и его семье, чтобы убить их.

И тогда уже будет неважно, что он адвокат, отец, любитель музыки или просто хороший человек, — все это станет неважным. Хотя, вероятно, все это как свидетельство его удачливости в жизни будет еще больше разжигать их ненависть.

Горько усмехнувшись силе собственного воображения, Кидо попытался стереть эти мысли, но, несмотря на все попытки улыбнуться, напряженные губы лишь дрожали. Ему попадались на глаза материалы о Великом землетрясении в Канто, одних только задокументированных в суде случаев убийства корейцев было пятьдесят три, а, по данным Министерства юстиции Японии того времени, число погибших составило двести тридцать три человека. Было несколько теорий произошедшего, но, скорее всего, количество умерших было в два раза больше. К тому же погибли

и китайцы. Их убивали так зверски, что от одного описания подкатывала тошнота и невольно возникал вопрос: зачем они это делали?

Представив такое количество жестоко убитых, он кожей почувствовал холод людей, лишенных жизни. Он чувствовал, что эти люди — его соотечественники. Он вспомнил, когда скоропостижно скончался его товарищ, с которым они в свое время проходили вместе юридическую практику, и после поминок он возвращался на синкансэн домой, тогда его охватило чувство глубокой тревоги. Это давление, которое пыталось разрушить территорию его «я», без чьего-либо разрешения занявшее ее с самого рождения. Сейчас он, как один из дзайнити, тоже испытывает чувства жертвы. Но в то же самое время, являясь гражданином Японии, он должен взять на себя историческую ответственность виновника.

Стали показывать рекламу, и Кидо выключил телевизор. Он еще раз обдумал свои недавние мысли и заметил, что в чем-то ошибся.

То, что среди дзайнити есть самые разные люди, было фактом. Однако причина, по которой Мисудзу присоединилась к контрдемонстрациям, заключалась не в идеализации ее представления о них, а потому, что в настоящее время им угрожали. В самой Японии многое пошло по странному пути, и ведь именно Кидо тогда сказал ей: «Разве не должны это сделать сами японцы, ведь это проблема их собственной страны?» Хотя именно он, как японец, должен был мчаться на место событий, чтобы дать отпор.

Размышляя об этом, Кидо почувствовал, что ему снова нехорошо, он лег лицом вниз, изо всех сил стараясь больше не думать.

Пытаясь отвлечься, он вспомнил день посещения художественного музея с Мисудзу. Ему захотелось еще раз с ней встретиться.

Через несколько минут в гостиную вернулась Каори.

— Зачем ты ему это показал? — строго спросила она.

После ее командировки в Кансай в конце года начались праздники — Рождество, Новый год, и им приходилось обшаться на виду у всех, Соты и родителей, что немного улучшило их отношения. Но, увидев ее строгий взгляд, Кидо сразу же представил, какой последует разговор. Поэтому постарался придать голосу беспечную интонацию:

— Я смотрел новости, когда он пришел сюда.

— Нужно было сразу же выключить.

Кидо кивнул, хотя подозревал, что не смог скрыть раздражения.

Каори продолжала стоять напротив и смотреть на мужа, а затем, наконец, не выдержала и заговорила:

— Ты ведь знаешь, что я с пониманием отношусь к твоим корням, и вышла за тебя, отдавая себе в этом отчет. Мне не хочется об этом говорить, но моя семья не сразу приняла этот выбор, однако я убедила их. Но в реальности такие люди, как те, которых показывали по телевизору, и правда существуют, поэтому мы должны защитить Соту. Разве мы не решили с тобой, что расскажем о твоем происхождении, когда он подрастет?

Кидо приподнялся и снова сел, продолжая смотреть на жену, стоявшую за диваном. Он пытался подобрать слова, понимая, что нужно поговорить, и будь что будет, но не знал, с чего начать.

Как ни странно, он поразился тому, как красива Каори, словно любовался незнакомкой.

На работе у Кидо всегда говорили: «Жена Кидо — настоящая красавица», в детском саду, судя по всему, маму Соты тоже считали красивой. Сота очень гордился этим. Да и Кидо, женившись на ней, видел, что она красавица. То, что он думал об этом сейчас, означало, что они подошли к беседе о разводе, и Кидо просто не может найти правильных слов для его начала.

В глазах Каори появилась тревога, когда она наблюдала за молчавшим мужем. Наверное, она чувствовала, что он вот-вот перейдет черту, которую они оба до сих пор не переступали.

Опасаясь, что она может опередить его, приняв решение первой, Кидо заговорил:

— Мне это тяжелоается. Я хочу поговорить о том, что нужно сделать, чтобы продолжить наш брак.

На губах Каори мелькнула чуть заметная улыбка.

— Разве я об этом сейчас говорила? — спросила она с недоумением, покачав головой.

Для Кидо это было неожиданностью. Она не собиралась разводиться. Хотя еще несколько месяцев назад, казалось, что она вот-вот сама заведет об этом разговор. А теперь у нее был такой взгляд, будто она даже сочувствует мужу, который был вынужден открыть свои переживания.

Кидо, слегка расслабившись, спокойно сказал:

— Для начала давай я повторюсь еще раз: я тебе не изменяю.

— Довольно уже об этом. Я тебе разве что-то говорила в последнее время?

— Когда ты молчишь, меня это тоже беспокоит.

— Ты просто придумываешь себе комплекс жертвы.

— Неплохо. После того как сама же меня обвиняла, — сказал с горькой усмешкой Кидо. — Я тебе не изменял, но поскольку весь этот год я был поглощен расследованием,

связанным с одним человеком, тебе могло это показаться. Но это не женщина. Это мужчина. Это моя работа, поэтому я тебе ничего не рассказывал.

— И кто этот человек?

— Единственный сын преступника, приговоренного к смерти.

Кидо впервые стал рассказывать кому-то историю Макото Хары, которую все это время записывал на компьютере. Он начал с детства Кэнкити Кобаяси, затем рассказал об убийстве, которое тот совершил, затем об издевательствах, которым подвергался Хара в школе, о том, как он оказался в детском доме, когда его бросила мать, о его занятиях в боксерском клубе и, наконец, о «несчастном случае», разрушившем его мечту...

Сначала Каори смотрела недоверчиво, словно бы недоумевая, зачем он ей все это рассказывает. Но муж говорил с таким пылом, что она, казалось, не столько слушает его историю, сколько наблюдает за ним.

Когда речь зашла о продаже записей семейного реестра, она с любопытством в голосе спросила:

— Неужели такое бывает?

Хотя Кидо и не вдавался в подробности, связанные с Риэ, он упомянул, что Хара женился на женщине, потерявшей ребенка, у них появилась счастливая семья, хоть и на короткое время, а после этого он погиб в результате несчастного случая во время лесозаготовок.

Каори дослушала до конца и, похоже, была озадачена:

— Это невероятная история... но какое отношение жизнь этого человека имеет к тебе?

Кидо усмехнулся прямому вопросу — вполне в духе Каори.

— Ну... Сначала его жизнь ко мне не имела отношения.

Я посочувствовал несчастьюм своего клиента, поэтому взялся за это дело. Потом я увлекся идеей, что значит вести жизнь

другого, стал представлять себе ту жизнь, от которой он пытался избавиться... Наверное, это своего рода бегство от реальности. Такое чувство, будто увлекательную книгу читаешь.

— Дурные у тебя увлечения.

— Думаешь?

— Ты хочешь от чего-то убежать?

Кидо смотрел на нее, силясь придумать ответ.

— От всего. Столько всего навалилось... думаю, я так и не отошел от землетрясения. Ведь это было не просто природное бедствие, оно спровоцировало и то, что только что показывали по телевизору.

Кидо подумал о том, что после землетрясения ухудшились и их отношения с Каори, но не стал говорить об этом.

— Но ведь это не только на тебя повлияло.

— Это правда. Мне стоило быть внимательнее к тому, что это и у тебя вызвало стресс.

— Может, стоит обратиться к психологу?

— Что?

— Я не говорю о лечении, просто сходи к специалисту, пусть тебя выслушают. Может, так станет легче? Ведь ты на работе делаешь то же самое — слушаешь людей.

— Я не психолог.

— Конечно, не психолог, но вы же помогаете людям решить те проблемы, с которыми они сами не могут справиться. Думаю, от разговора со мной тебе не станет легче.

— Это ведь относится и к тебе. Честно говоря, мне кажется, у нас что-то пошло не так. Я думал, что нам нужно просто поговорить, но, возможно, ты права. Поговорим уже после специалиста. Но к нему пойду не только я, но и ты тоже.

— Со мной все хорошо.

— Ты уверена в этом?

— Я разговариваю с людьми, когда мне нужен совет.

— Но это же не специалисты. И думаю, ты не обсуждаешь то, что необходимо.

— Что, например?

— Мне бы хотелось, чтобы ты мягче общалась с Сотой. Ты слишком много его ругаешь.

— Когда это было?

— Думаю, твой визит к специалисту нужно начать именно с этого. Расскажешь, что твой муж так считает.

Каори с раздражением покачала головой.

Кидо смотрел на нее, чувствуя, что напряжение в мышцах лица ослабевает. Он сбросил с себя давящую необходимость принять решение сейчас и почувствовал облегчение, речь полилась потоком.

— Какую из моих проблем ни возьми, они все требуют от меня конкретных действий. Но когда я начинаю о них думать, мне становится нехорошо. Так тяжко, будто само мое существование под угрозой. А когда... когда я занимался делом того человека, о котором только что рассказывал, я отвлякался. Почему-то. Я и сам не понимаю, почему так произошло. В любом случае я смог опосредованно, через жизнь другого человека еще раз посмотреть на свою. Я могу думать о тех вещах, о которых обязан думать. Но напрямую я этого сделать не могу. Мой организм сопротивляется этому. Поэтому я и сказал, что это напоминает чтение книги. Люди не способны справляться в одиночку со своими страданиями. Нам всем нужен кто-то, кто бы стал проводником наших эмоций. Ну... наверное, я при этом выгляжу мрачно, и тебе нелегко быть рядом со мной.

Каори села на стул и, скрестив руки, тихо покачала головой, теперь уже совершенно с иным, более теплым выражением на лице.

— Но ведь ты и тот человек принадлежите к разным слоям общества.

— Может, именно благодаря этому. Благодаря расстоянию я чувствую покой.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Ну, в любом случае мне хочется наладить наши отношения. Честное слово. Мне было нелегко об этом говорить, но я не хочу, чтобы ты отказалась от меня. Я буду страдать. Я долго думал об этом, я точно буду страдать. Но я не могу остановить тебя силой, поэтому постоянно спрашиваю себя, как сделать так, чтобы ты меня любила. Уже две-надцать лет, как мы женаты, а меня этот вопрос мучает гораздо больше, чем в то время, когда мы только познакомились.

От патетики собственных слов Кидо стало немного смешно, он улыбнулся. Вслед за ним улыбнулась и Каори. Как же давно они не беседовали вот так, подшучивая и улыбаясь. Кидо был рад наконец-то увидеть огонек радости на лице Каори.

Посмотрев на мужа, Каори сказала:

— Ты слишком пессимистично настроен.

Кидо кивнул.

— Ты как? — спросила Каори.

— О чём ты? Да нормально.

— Правда? Ты ничего такого не затеял? Я не хочу, чтобы ты принимал решения без меня.

Кидо действительно не понимал, о чём она говорит. Когда он понял смысл её серьёзного выражения лица, он был потрясен. Это подозрение было еще более невероятным, чем его предполагаемая измена.

— Конечно же, ничего такого. Как ты могла даже предположить? У нас же Сота есть, — сказал он с раздражением.

Вспомнив о «несчастном случае», который положил конец боксерской карьере Макото Хары, Кидо не смог скрыть удивления. Она боялась, что он может совершить подобное.

Каори была бледна, она не отводила от него глаз, словно пытаясь разгадать истинный смысл слов мужа.

— Хорошо, если так, — сказала она.

И вдруг Кидо с беспокойством подумал: а что, если у жены в критических ситуациях были такие мысли?

Некоторое время они оба молчали.

Затем Кидо хлопнул по коленям, чтобы положить конец этой беседе.

— Хорошо, что мы поговорили. Значит, каждый из нас сходит теперь к психологу.

— Ладно, можешь и неходить. Если тебе помогает расследование, хотя мне это совершенно непонятно, продолжай его. Только будь дома повеселее, пожалуйста.

— Я уже скоро закончу его. А если ты захочешь выгово-
риться, можешь поговорить или с психологом, или со мной.

— У меня все в порядке. Спасибо, что поговорил со мной.
Я приму ванну.

Каори вышла из гостиной, Кидо смотрел ей вслед.

Затем он перевел взгляд на балкон, после чего лег на диван и покачал головой. Он сделал глубокий выдох, чтобы выпустить наружу все, что накопилось.

Глава 18

Пятнадцатого февраля было заключено мировое соглашение по гражданскому иску о смерти от переутомления, которым занимался Кидо. Ответчики по делу — сеть баров и ее директор — должны были выплатить в общей сложности восемьдесят два миллиона иен и выполнить восемь пунктов, в которых описывались различные профилактические меры. Таким образом, все условия, выдвинутые адвокатом, были приняты.

Кидо присутствовал на пресс-конференции вместе с родителями молодого человека, которые держали фото покойного, покончившего с собой в двадцать семь лет. После пресс-конференции Кидо вместе с ними отправился на ужин в итальянский ресторан, где они беседовали почти три часа. Они больше не говорили о судебном процессе, обсуждали в основном последние новости, а перед прощанием крепко пожали ему руку обеими руками и поблагодарили за помощь.

Кидо был рад этому, но, представив себе их старость, не мог радоваться от всей души. А еще он подумал о том, что в таком трагическом деле он смог не поддаться эмоциям и сделал все, что от него зависело как от адвоката.

После разговора с Каори Кидо в очередной раз подумал о том, что должен уже довести расследование жизни Макото Хары до логического завершения. Для этого ему нужно было найти Дайскэ Танигуди, убедиться в том, что с ним все в порядке, и по возможности поговорить о его знакомстве с Харой.

Но поиски Танигуди так пока и не сдвинулись с мертвоточки.

Однако ситуация резко переменилась после того, как Кидо, увидев Мисудзу в новостях об ответных демонстрациях, спустя несколько месяцев молчания решил с ней связаться.

Мисудзу, кажется, не знала до этого, что ее показывали в новостях. Она написала ему: «Я ходила на демонстрации дважды», после чего без каких-либо дальнейших комментариев добавила: «Кстати, я уволилась из Sunny в конце года. Много чего произошло, я при ближайшей встрече расскажу».

Кидо с грустью подумал, что теперь, если он даже и пойдет в тот бар, то больше не встретится с ней. Еще в конце января, после посещения боксерского клуба, он хотел было заглянуть туда разок, но теперь понял, что даже если бы и зашел тогда, ее там к этому времени уже не было.

В письме от Мисудзу было нечто неожиданное.

Аккаунт в соцсети, который они создали в прошлом году вместе с Кёити, после чьей-то жалобы был временно заблокирован. Восстановить доступ оказалось делом несложным, однако с тех пор Мисудзу его забросила, ведь у нее с самого начала не лежала душа к тому, чтобы притворяться Дайскэ в Сети, да и отношения с Кёити, как она выразилась, «осложнились».

А на днях она обнаружила, что в ее личном аккаунте кроме папки с сообщениями была еще одна папка, о которой она прежде не подозревала. В нее попадали «запросы на дружбу». Найдя там непрочитанные «запросы на дружбу» за несколько лет, она решила проверить эту папку и в фейковом аккаунте. Там она нашла сообщение с темой «Предупреждение» от Yoichi Furusawa, на странице которого не было фото и почти отсутствовали посты.

Текст сообщения был следующим: «Я действую как представитель заинтересованного лица. Требую немедленно удалить

фейковый аккаунт. В случае если аккаунт не будет удален, в вашем отношении будут приняты меры в соответствии с законом».

Кем было лицо, чьим представителем являлся этот человек, сказано не было.

Сейчас эта учетная запись все еще оставалась активной, однако не было новых постов, да и не было похоже, чтобы в отношении фейкового аккаунта «Дайскэ Танигути» принимались какие-либо меры. Наверное, временная приостановка работы аккаунта была результатом жалобы этого пользователя.

Мисудзу сказала, что у нее ощущение, будто это сообщение пришло от самого Дайскэ.

— Он пытается казаться страшным в этом сообщении, но выходит неубедительно, прямо как раньше у Дайскэ.

Кидо был иного мнения: он считал, что это часть «после продажного обслуживания» после сделки по продаже записи реестра, которое обеспечивал кто-то из людей Омиуры. Кто бы это ни был, Кидо решил, что нужно связаться с этим пользователем.

Сообщение Мисудзу заканчивалось стандартной фразой: «Кидо-сан, а как вы поживаете?», в которой он уловил нотки особого внимания.

Кидо к тому времени отказался от мысли, что Кёити может помочь с поисками Дайскэ Танигути.

После того как Кёити прочитал о Кобаяси в интернете, он демонстрировал, насколько отвратительно ему все, что связано с этим ужасным преступлением, и, судя по всему, не хотел иметь ничего общего с этим делом. Несколько раз он использовал выражение «люди не нашего круга», называл младшего брата безнадежным идиотом, который, несмотря на все, что ему дали от рождения, добровольно связался с такими типами. Он гораздо категоричнее, чем прежде, заявлял,

что Дайскэ получил то, что заслужил. В конце Кёити заявил, что умывает руки и не собирается ввязываться в это дело и рисковать оказаться втянутым в ту же цепь преступлений, что и его брат.

Когда Кидо рассказал Накаките, единственному, с кем он делился подробностями этого дела в своей конторе, что полагается не на Кёити, а на Мисудзу в вопросе поиска Дайскэ, тот недоверчиво покачал головой.

— Мне кажется, это опрометчиво. Она ведь его бывшая, верно? Что ты будешь делать, если выяснится, что она преследует его? Может, Дайскэ Танигути исчез, чтобы сбежать от нее? Судя по тому, что она рассказывала, можно предположить, что у него испортились отношения с семьей, после чего он отказался от своего семейного реестра... Но вдруг она наговорила всяких выдумок, чтобы просто выследить его?

Услышав подобное неожиданное предположение, Кидо замолчал. Он не хотел верить, что Мисудзу способна на такое, но и парировать ему было нечем, у него выводов и правда не было доказательств. Слова Накакиты бросили мрачную тень на те впечатления от личности Мисудзу, которые жили в сердце Кидо в течение года.

Никто не может узнать «настоящего прошлого» другого человека. Где и что делает этот человек, когда ты его не видишь. Хотя нет... Даже когда ты видишь этого человека, разве можно понять, каковы его истинные чувства? Ведь само предположение того, что ты можешь это понять, является не иначе, чем проявлением собственной гордыни.

Когда Кидо собирался вернуться к рабочему столу, Накакита вдруг спросил у него:

— Вы в порядке, Кидо-сан?

Это было удивительным: вслед за женой подобный вопрос задал и Накакита.

— Откуда такой вопрос? — переспросил Кидо и улыбнулся.

Кидо обдумал, какими будут его действия, когда он попытается выйти на связь с «представителем заинтересованного лица».

Если это и правда Дайскэ Танигути, то он, скорее всего, пользуется сейчас именем Ёсихико Сонэдзаки. И после всего, что у него было со старшим братом, вряд ли захочет выйти с ним на связь, если упомянуть Кёити. С другой стороны, не стоило игнорировать точку зрения Накакиты, нужно было с осторожностью упоминать и имя Мисудзу.

Было непросто написать сообщение неизвестному адресату, чтобы вызвать у того чувство доверия.

Чтобы подогреть интерес с его стороны, казалось, что лучше не рассказывать всей истории. Кидо решил использовать инициалы Ё. С., а не полное имя Ёсихико Сонэдзаки.

«Прошу прощения за неожиданное сообщение.

Я пишу вам в связи с вашим сообщением, адресованным Дайскэ Танигути восьмого октября прошлого года.

Меня зовут Акира Кидо, в настояще время я выступаю адвокатом жены господина Танигути. Я зарегистрирован в Ассоциации адвокатов префектуры Канагава и являюсь партнером в юридической фирме, указанной ниже. Полная информация о нашей фирме представлена на официальной странице, ссылку на которую я прикрепляю.

Вынужден сообщить, что господин Танигути скончался в результате несчастного случая, который произошел в сентябре три года назад. Я не могу раскрывать деталей этого дела, но в ходе расследования я натолкнулся на информацию

о том, что покойный был знаком с господином Ё. С., после чего нашел аккаунт господина Дайскэ Танигути, связался со службой поддержки и прочитал ваше сообщение с просьбой удалить аккаунт.

Прошу прощения, если мое предположение окажется неверным, но не являетесь ли вы, случайно, представителем господина Ё. С.?

Если это так, то я был бы очень признателен, если бы вы ответили мне, поскольку мне экстренно нужно поговорить с ним.

Если я ошибся в своих предположениях, я заранее прошу принять мои извинения. Вы можете просто стереть сообщение после получения».

Даже самому Кидо сочиненный текст казался подозрительным, поэтому он не слишком надеялся на ответ. Но если это и правда Дайскэ Танигути, то, наверное, ему не будет давать покоя мысль, что человек, с которым он обменялся реестром, умер. Кидо казалось, что Танигути, возможно, тоскует по той жизни, от которой отказался.

После первого обмена Макото Хара некоторое время жил под именем Ёсихико Сонэдзаки, и если Дайскэ действительно обменялся данными с Харой, то, возможно, по-прежнему носил имя Сонэдзаки и мог беспокоиться, что об этом обмене станет известно через вдову Хары.

В два часа ночи пришло сообщение от Yoichi Furusawa.

Когда на следующее утро Кидо увидел непрочитанное сообщение, то не смог удержаться от возгласа удивления.

Тон сообщения был настороженный, с напускным безразличием, однако, судя по всему, ему было сложно скрыть волнение.

В этот момент Кидо подумал, что разделяет предположения Мисудзу. Скорее всего, этот человек — «представитель» — и был Ёсихико Сонэдзаки, то есть тем самым Дайскэ

Танигути, которого он так долго искал. Начиная с нелепого фальшивого имени, во всем, что он делал, сквозила неуклюжесть попыток скрыть свою личность, что вызывало у Кидо сочувствие.

Yoichi Furusawa написал, что и правда не может поверить в то, что Кидо — настоящий адвокат. По ссылке он зашел на сайт компании, где действительно был указан адвокат с именем Акира Кидо, но никаких доказательств, что это один и тот же человек, он не получил. Кроме того, он спрашивал, кто скрываются за инициалами Ё. С., кто создал аккаунт «Дайскэ Танигути», какое отношение к нему имеет Кидо и многое других вопросов...

Кидо предложил пообщаться по скайпу. Ведь так можно было убедиться, что Кидо именно тот, за кого себя выдает. Кидо добавил, что не против, если Yoichi Furusawa не будет включать видео, а подключится только со звуком. Кидо написал, что хотел бы переговорить непосредственно с Ё. С., однако совершенно не возражал и против беседы с Yoichi Furusawa, чтобы тот мог удостовериться в его личности.

Сообщение было сразу же прочитано, но ответ на него пришел только к вечеру. Кидо подумал, что эту паузу можно объяснить работой в течение дня.

Содержание сообщения было следующим. Он по-прежнему не говорил, чьим «представителем» является; человек, чьи интересы представляет, все еще настаивал на удалении аккаунта Дайскэ, а также хотел узнать о том, как тот погиб. Он согласился на встречу по скайпу в одиннадцать вечера.

Кидо размышлял, как лучше одеться, и в результате остановился на обычном рабочем костюме — белой рубашке и пиджаке. Было странно просовывать руку в рукава тщательно отглаженной рубашки после того, как он искупал Соту и уложил его спать.

В пять минут двенадцатого прозвучал звонок от Yoichi Furusawa.

— Слушаю вас. Добрый вечер. Меня зовут Кидо... Алло?

— ...

— Господин Фурусава? Вы меня видите?

Кидо не улыбался, но придал своему лицу мягкое выражение, как он делал обычно, когда впервые встречался с клиентом.

Никакой реакции не последовало. На мгновение Кидо испугался, думая, что связь оборвалась и он больше не сможет поговорить с этим человеком.

— Это Кидо. Вы меня видите? Фуру...

— Да. Я вас вижу.

— А...

Кидо вздрогнул, услышав подрагивающий голос мужчины, доносившийся с темного экрана. Неужели это настоящий Дайскэ Танигути, на поиски которого он потратил уже больше года? Кидо затаил дыхание, чувствуя, что нужно продолжать, постарался говорить мягко, чтобы не напугать собеседника.

— Вы меня видите?

— Да.

— Отлично. Спасибо, что вышли на связь.

— Не за что.

По тому, как звучал голос, Кидо предположил, что его собеседник, возможно, находится в однокомнатной квартире.

Хотя его голос имел приглушенный тембр, характерный для людей среднего возраста, в нем чувствовалась неловкость, похоже, он специально искажает его.

Текст его сообщений в Сети был немного агрессивным, а в беседе ему, видимо, было сложно скрыть свои страхи и сомнения. Это показалось Кидо одновременно комичным

и печальным. Кидо почему-то вспомнил слова Накакиты о том, что любой поклонник Михаэля Шенкера должен быть «хорошим человеком».

— Правильно ли я понял, что вы являетесь законным представителем Ёсихико Сонэдзаки? — спросил Кидо прямо.

— Да, — немедленно ответил мужчина.

Тон мужчины был неуверенным, поэтому Кидо вновь за-сомневался, а вдруг это и правда не Дайскэ Танигути, а кто-то из его знакомых.

— Как я писал вам, господин Дайскэ Танигути скончался три года назад. Вдова ищет информацию о его жизни до их встречи.

— Господин Танигути был... женат?

— Да. У него осталось двое детей.

— А чем занимается его жена?

— Работает в магазине канцелярских товаров.

— Понятно. И что она хочет выяснить?

— К сожалению, об этом я могу говорить только с господином Сонэдзаки.

— Но... я ведь... его представитель.

— Я не могу это проверить, — сказал Кидо с улыбкой.

— Господин Кидо, а что вы уже узнали?

— Думаю, что практически все. Сначала я хотел бы встретиться с господином Сонэдзаки. Если он захочет, я расскажу ему обо всем, что мне удалось выяснить.

— ...

— Меня совершенно не касаются дела, которые вели между собой Танигути и Сонэдзаки. Но рано или поздно мы все умрем, и я хотел как специалист в области права рассказать о некоторых проблемах, которые могут возникнуть после его смерти, и проконсультировать совершенно бесплатно. Это редкая возможность. Думаю, что моя информация может пригодиться.

Из-за реакции мужчины Кидо опять стал склоняться к тому, что беседует с Дайскэ Танигути, поэтому попытался уговорить его. Человек по ту сторону черного экрана опять замолчал, но затем Кидо услышал какие-то звуки, будто размышляя, он щелкает языком. Затем, словно он решил скопировать интонацию Кидо, чтобы быть более похожим на «настоящего представителя», мужчина задал неожиданный вопрос:

— Вы когда-нибудь встречались с Мисудзу Гото?

— Да, встречался.

— Госпожа Гото и правда считает, что аккаунт в Сети ведет Дайскэ Танигути? Кто управляет этим аккаунтом? Кёити Танигути?

— Мне хотелось бы поговорить об этом лично с господином Сонэдзаки.

— Постойте... человек, чьи интересы я представляю, хочет знать, все ли в порядке у госпожи Гото.

— Мне кажется, что да. Насколько я могу судить.

— Хорошо, тогда у меня есть для нее сообщение.

— От кого?

— От моего клиента.

— И какое сообщение?

— Он хотел бы извиниться.

Кидо не знал, что ему ответить, поэтому некоторое время смотрел на черный экран. На мгновение он забыл, что его собеседник может его видеть.

— Хорошо, я все передам.

— А еще мой клиент просил, чтобы вы ни в коем случае не передавали мои контакты Кёити Танигути.

— Конечно. В любом случае я все же хотел бы лично переговорить с господином Сонэдзаки, чтобы пояснить некоторые детали. Вы не могли бы ему передать мои пожелания? Я готов встретиться с ним в любом удобном для него месте.

- Хорошо.
- Благодарю вас за посредничество.
- Да, хорошо... До свидания.

Когда звонок завершился, Кидо откинулся назад и некоторое время сидел неподвижно, приоткрыв рот.

Предположения Накакиты о том, что Мисудзу преследовала своего бывшего, судя по всему, оказались беспочвенными. Он не понимал, за что перед ней извиняются. Наверное, за то, что Дайскэ исчез, не сказав ей ни слова.

Хотя собеседник был немногословным, в его речи Кидо уловил привязанность к Мисудзу. И возможно, за последние годы чувства к ней приобрели большую силу.

Кидо было жаль этого человека. Судя по всему, жизнь, которую тот вел, оставляла желать лучшего. Он вспомнил, как в баре в Миядзаки представился как Дайскэ Танигути бармену, которого видел впервые в жизни, а потом еще рассказывал об истории своей любви с Мисудзу, за что ему стало стыдно. А еще он почувствовал в себе ростки ревности.

На следующий день Кидо позвонил Мисудзу и рассказал ей о состоявшейся беседе.

— Это точно Дайскэ! Мне кажется... что я прям его своими глазами вижу. Да и вообще... я не знаю никого по имени Сонэдзаки.

Когда Кидо передал извинения, она лишь слегка усмехнулась.

— Кидо-сан, вы собираетесь с ним встречаться?

— Да, собираюсь. Думаю, он согласится. Да и мне уже пора заканчивать эти игры в детектива.

— Может быть, мне стоит пойти с вами?

— Вы хотите? Давайте я уточню.

— Да, если он будет против, передайте ему от меня сообщение: «Если хочет извиниться, пусть сделает это лично». Я уверена, что он согласится.

Кидо отправил сообщение Yoichi Furusawa, написав, что Мисудзу хочет встретиться. Тот ответил, что его клиент Ёсихико Сонэдзаки не хочет с ней встречаться. Но когда Кидо передал условия Мисудзу, после небольшой задержки пришло еще одно сообщение: «Господин Сонэдзаки дал согласие на встречу с госпожой Гото».

Встреча была назначена на первую субботу марта в Нагое.

Глава 19

Кидо и Мисудзу договорились, что поедут вместе на скоростном поезде в Нагою, и забронировали соседние места.

Она села на поезд в Токио, а он уже по пути, на станции Син-Йокогама. Когда он вошел в вагон, она с улыбкой помахала ему рукой.

— Вы подстриглись? — спросил он.

— Вчера.

— Понятно, ради сегодняшней встречи?

— Нет. Случайно совпало.

Волосы из-под вязаной шапочки, окрашенные в темно-коричневый цвет, еле доходили до плеч. Она не изменила своему стилю: куртка в стиле милитари и джинсы в обтяжку. Это была уже третья их встреча, но рядом они сидели впервые. От нее пахло духами с цитрусовой сладкой горчинкой.

Кидо был в костюме, но без галстука.

Отправление поезда было после девяти, но пассажиров было мало, места перед ними и за ними оставались свободными.

Поездка в Нагою заняла полтора часа, они рассказывали друг другу, как провели это время.

Мисудзу сказала, что ушла из бара, пояснив с усмешкой, что не могла больше переносить навязчивых приставаний Такаги.

— Сначала я думала, что все это шутки, но потом я постепенно стала понимать, что он это всерьез.

— С первого взгляда было понятно, что он серьезно настроен.

— Вы это заметили?

— Да. Но я в чем-то понимаю его. Когда в маленьком баре проводишь время с такой красавицей, сложно не влюбиться.

— И вот так всегда, никто не относится ко мне серьезно, — сказала Мисудзу, словно видела в этом что-то забавное. Кидо наблюдал за ее улыбкой в профиль.

— Но была и другая причина: я больше не могла поддерживать беседы с теми, кто приходил в бар. После того как я сходила на ответные демонстрации, мне стало невыносимо работать в баре. Я изначально работала там не ради денег. Когда перестало быть интересно, продолжать было бессмысленно. Да и стоять до поздней ночи за стойкой стало тяжело. Я уже не такая молодая!

— Надо было мне еще раз перед вашим увольнением туда сходить. «Гимлет» с водкой был очень вкусным.

— Ну, это я могу в любой момент приготовить. В заведении я не могла пить, так что нужно просто сходить вместе куда-нибудь в следующий раз.

На мгновение Кидо подумал, что, в зависимости от того, как он будет трактовать это приглашение, его будущее может измениться, но этот образ вспыхнул и сразу же погас.

— Но вы же пили, когда я туда заходил, — сказал Кидо, не отвечая на ее приглашение.

Мисудзу, кажется, не отреагировала на эту уловку и ответила:

— Это был единственный раз. Я никогда не пью за стойкой.

А еще Мисудзу рассказала о конфликте с Кёити: они поругались из-за фейкового аккаунта Дайскэ, после чего она перестала им пользоваться.

— Искать Дайскэ он не хотел, а вот поддерживать отношения со мной очень даже. В результате, поскольку Дайскэ

вышел на связь, у меня теперь сложные чувства по этому поводу.

— Очень странно, ведь он так был убежден, что его брата убили. Не думаю, что он плохой человек, но я его мотивов совсем не понимаю.

— Причина не в том, что происходит сейчас, а в прошлом... Я не рассказывала, но, вероятно, и моя вина есть в том, что отношения между братьями разладились. Кёити был в меня влюблен.

— Вот в чем дело... Все же треугольник.

— Кёити пользуется популярностью у женщин. Мне такие ловеласы не по душе. А Дайскэ в чем-то неловкий и не слишком хорош собой, над такими часто издеваются. Хотя в этом есть и его вина. Потому что он притворяется, будто ему весело от шуток окружающих. Он всегда посмеивается и терпит, но, когда больше не может себя контролировать, может взорваться. И тогда от него отстают. Мол, чего это он вдруг с цепи сорвался. Хотя это вовсе не вдруг.

Дайскэ Танигуди, которого описывала Мисудзу, показался Кидо совершенно иным человеком, чем тот, о котором говорил Кёити, и тот, о котором Риэ слышала от Макото Хары.

— А в истории про донорство печени тоже сыграли роль вот такие особенности его характера?

— Наверняка. Ведь это не то же самое, что дать взаймы денег однокашнику.

— Разумеется.

— Кёити тоже издевался над братом, поэтому ему было сложно смириться с тем, что я с ним встречаюсь.

— Чувство уязвленного самолюбия.

— И это тоже... — сказала Мисудзу с горькой усмешкой, а затем, чуть понизив тон, продолжила: — У мальчишек в старшей школе ведь невероятно сильное сексуальное желание.

— Ну да.

— Поэтому ему было невыносимо думать о том, что Дайскэ занимается сексом со мной. Что-то внутри него просто беспокоилось, словно бы в приступе.

Кидо фыркнул и рассмеялся, Мисудзу тоже подхватила его смех.

— Поэтому это не какая-то там красивая история о том, что Кёити всю жизнь продолжал думать обо мне. Ему просто хочется секса. Хотя, что может быть в этом хорошего? Я ведь уже совсем не молода, но для него все это уже не важно, какая я сейчас. Он не сможет успокоиться, пока не получит своего хотя бы раз.

— Хочет просто избавиться от унижения в прошлом.

— Вам это понятно?

— Ну... не могу сказать, что мне не ясна его логика.

— Вы понимаете?! А что, у вас тоже есть такое стремление — завоевать?

— Все зависит от степени, я бы соврал, сказав, что у меня этого совсем нет. Независимо, осознаешь ты в себе такое желание или нет, приходится об этом думать, ведь есть вероятность причинить женщине боль. Это же можно сказать и о чувстве ревности и соперничества между мужчинами. Вы знаете о теории «конструкции треугольного желания» Рене Жирара? Он утверждал, что человек желает другого, только когда есть соперник.

— Но почему тогда соперник проникается с самого начала к предмету любви?

— Верно подмечено. Может, просто заблуждения? Ему тоже кажется, что есть соперник. А может, он является каким-нибудь гением или извращенцем.

— Тогда, выходит, Дайскэ меня полюбил в знак протеста против брата?

— Хм... прошу прощения, думаю, наш разговор ушел не туда.

Мисудзу смотрела в лицо Кидо, однако ее выражение с остатками улыбки было сложно прочитать.

— Вы серьезный человек, Кидо-сан, — сказала она.

— Думаете? Возможно, просто стараюсь таким казаться.

— У человека много разных сторон.

— Мы об этом тогда говорили, — заметил с улыбкой Кидо.

Он ни слова не сказал о своих предвзятых чувствах к братьям Танигути, вызванных тем, что ему не давала покоя Мисудзу. И при этом он почувствовал себя жалким обманщиком, когда завел разговор о Жираре, пытаясь скрыть их.

Мисудзу повернулась к окну, не говоря ни слова, она просто смотрела на безрадостные картины, сменявшие друг друга, пока вдалеке не показалась гора Фудзи. Затем, медленно повернувшись к Кидо, она продолжила:

— Со мной так частенько бывает. Не то чтобы мне не нравилась собственная внешность, но она всегда направляет мою жизнь не в ту сторону, в какую мне хотелось. Проблема в том, что я совершенно не умею использовать ее в собственных интересах.

— Понимаю. Наверное, бывает непросто.

— Но стоит мне об этом кому-нибудь рассказать, как читать нотации начинают мне: мол, я слишком открыто общаясь с окружающими, поэтому и возникает превратное впечатление обо мне. Вот и с владельцем бара случилось то же самое. Он нагло зазывал меня к себе после работы. Когда я просто приходила в бар выпить как посетитель, он себе никогда такого не позволял.

— Не думаю, что проблема в том, что вы открыты в общении.

Мисудзу грустно улыбнулась, а затем спустя несколько секунд, будто в голову пришла удачная мысль, вдруг сказала:

— Весь последний год... мне нравился один человек.

— Вот оно что, — ответил Кидо спокойным тоном, хотя и сам поразился, насколько ее слова были для него неожиданными.

С одной стороны, он пытался справиться с этой новостью, говоря себе, что у нее вполне мог быть любимый человек, с другой — он понял, что с подросткового возраста так и не научился распознавать подобные чувства у женщин. Когда ему признавались, это всегда заставало врасплох, а слухи о том, кто и с кем встречается, были неожиданностью.

Он прекрасно понимал, что кроме той Мисудзу, которую он встретил в баре и с которой общался по поводу Дайскэ Танигути, есть еще одна. Зная, сколько у нее друзей в Сети, он наивно ревновал лишь к тем, кого знал, — к владельцу бара и братьям Танигути. Теперь же, благодаря упомянутому ею сопернику, с которым он никогда не встречался, Кидо чувствовал, как его фантазии о «другой жизни» с Мисудзу подстегиваются «треугольным желанием».

— Этот человек как-то зашел в бар... Обычно вокруг меня довольно грубоватые типы, которые не выбирают выражений при общении и с первой встречи переходят на панибретский тон. А он был интеллектуалом, подобные мужчины мне никогда прежде не встречались. Да и ко мне он обращался исключительно вежливо. Когда мы переписывались в интернете, он всегда выбирал слова, был серьезным и умным.

Кидо слушал ее и поддакивал, при этом думая о том, что если ей нравятся мужчины, которые просто вежливо с ней обращаются, то ведь и он такой же.

— Когда я шла на работу, то надеялась, что он еще раз зайдет. А когда он не приходил, расстраивалась. Я лайкала его сообщения в Сети. Полагаю, у него было очень много работы, он больше в бар не заходил, и тогда я сама пригласила его на обед.

— Он счастливчик. А чем он занимается?

Увидев, что Мисудзу замялась с ответом, Кидо добавил:

— Можете не отвечать. Я случайно спросил.

— Дело не в его работе. У него есть семья, жена и ребенок.

Может, это странно, но я никогда не встречалась с женатыми мужчинами.

— Почему это должно быть странно?

— Но это правда. Мне уже сорок, и я могла бы завести интрижку такого рода... Но у этого человека не просто много работы, кажется, у него вполне насыщенная жизнь. Да и я его особенно не заинтересовала... За эти полгода это меня совсем вывело из колеи. Я все думала: ну что же я такое делаю, мне ведь уже за сорок.

— И что потом?

— Последнее время... кое-что случилось, и я решила, что нужно наконец забыть его. Да и работу бросила, потому что ждать там его дальше стало невыносимо. Я говорила о своем жизненном правиле «три победы, четыре поражения», но, кажется, поражений стало больше.

— А вы ему о своих чувствах рассказали?

Мисудзу несколько раз моргнула длинными ресницами, словно водоплавающая птица испугалась шума и быстро взлетела. Кидо не понял смысла подобной перемены. А когда ее губы на мгновение сложились в слабую улыбку, он улыбнулся в ответ и больше ничего не спрашивал. Кидо подумал, что где-то есть еще один человек, который похож на него самого.

Некоторое время они оба молчали.

— Если вам нужно работать, вы можете заняться делами, — заботливо сказала Мисудзу.

— А вы можете поспать. Я вас разбуджу.

— Можно один вопрос задать?

— Пожалуйста.

— Почему Макото Хара выдавал себя за Дайскэ? Я могу понять, что он хотел избавиться от семейного реестра. Но он ведь мог выдумать любую другую жизнь. Ведь ему совсем не обязательно было делать вид, что история донорства для отца, да и все остальное произошло с ним.

— Наверняка есть люди, которые скрывают свое прошлое при помощи лжи. Но, может, он сопереживал Дайскэ? Когда мы читаем книги и смотрим кино, ведь именно это и происходит. Нужно обладать определенным талантом, чтобы придумать историю, которая не только понравится вам, но и вызовет у вас эмоции. Это не каждому под силу... К тому же мне кажется, что посмотреть на себя самого с помощью кого-то другого — это тоже важно. Ведь есть же такой вид одиночества, от которого можно спастись, только почувствовав со-переживание к чужой боли.

Кидо говорил в том числе и о своем увлечении жизнью Макото Хары.

— Хм... Я думаю, что понимаю ваше объяснение... Но вот есть Дайскэ, которого я знала в прошлом, был Дайскэ Танигуди, который создал прекрасную семью в Миядзаки, а потом погиб на лесоповале, а есть ведь еще и настоящий Дайскэ, с которым мы собираемся встретиться.... Как-то все это странно.

— Я уверен, что у каждого из нас есть бесконечное число возможных вариантов будущего. Просто в настоящий момент мы этого не осознаем. Если бы я передал эстафету своей жизни кому-то другому, возможно, у него получилось бы лучше управиться с ней, чем у меня.

— Словно смена руководства компании. Или тренера футбольной команды.

— Понятие юридического лица существует еще со времен Римской империи. Меняются люди, но государство остается

прежним. Римское право, которое является основой современного гражданского права, предполагало вечное существование империи. Хотя на самом деле Римская империя пала, а ее законы продолжили существовать.

Кидо случайно сел на любимого конька и тут заметил, что она с большим интересом его слушает.

— Хотя, когда мы говорим об отдельных личностях, ситуация совсем иная. Человек ограничен продолжительностью жизни, после чего его ждет смерть. Да и Макото Хара не был Дайскэ Танигути.

— Но ведь этот человек больше не был и Макото Харой.

— Да. Его жизнь смешалась с жизнью Дайскэ или, можно сказать, сосуществовала с ней. Когда мы влюбляемся в кого-то, интересно, какую его часть мы любим? Когда мы в настоящем проникаемся чувством любви к человеку, мы переносим эти же чувства и на его прошлое. Но если это прошлое принадлежит чужому человеку, что произойдет тогда с любовью?

Мисудзу посмотрела на Кидо так, словно ответ был совсем не сложным.

— Когда об этом узнают, просто нужно возобновить свою любовь. Любовь — это не то, что случается один раз. В течение длительного времени можно много раз возобновлять свою любовь, потому что многое случается на этом пути.

Кидо посмотрел на лицо Мисудзу. В ее выражении отражалось спокойствие человека с сильным внутренним стержнем, вызывающее в нем безграничное чувство привязанности. Он понял, какое все же сильное влияние в течение этого года оказывал на него ее образ мышления, безапелляционность, не запятнанная мнениями остальных, и происходящее из нее в некоторой степени горькое, но свободное видение реальности.

Кидо почувствовал, как его сердце дрогнуло, когда она так естественно заговорила о своем отношении к любви.

— Вы правы... Даже при внешних изменениях именно любовь может оставаться все той же. А может, она и остается все той же благодаря переменам.

Сообщили, что поезд подъезжает к Нагое. На душе стало тоскливо, когда он подумал, что, вероятно, последний раз встречается с Мисудзу.

Он размышлял о том, что она рассказала про того человека, которого безответно полюбила. Он разглядывал ее профиль, когда она смотрела в окно, будто тоже любуется пейзажем.

Горько посмеиваясь над собственной недогадливостью, он старался и дальше делать вид, что так ничего и не понял.

Он хотел восстановить отношения с Каори. И говорил себе, что должен принять решение Мисудзу забыть о нем, ведь она только что призналась в этом.

К вечеру они должны были вернуться, поэтому у них не было большого багажа. Они не вставали с места до самого последнего момента, пока не остановился поезд.

На мгновение в душе Кидо вспыхнуло желание не выходить в Нагое, а уехать вместе с Мисудзу куда-нибудь далеко. Пульс ускорился, ему казалось, что он вот-вот это предложит. Однако он вспомнил ее слова, которые она адресовала чуть раньше Кёити: «Хотя, что может быть в этом хорошего? Я ведь уже совсем не молода», противоречившие его порыву. Понимая ее, он отказался от задуманного.

Кидо подумал, что он тоже стареет. Возможно, как она и говорит, ни один из них не получил бы от этого ничего хорошего.

Сопротивляясь своим чувствам, Кидо встал первым и сказал:

— Выходим.

Мисудзу обернулась на него и кивнула с тем самым выражением, которое ему было уже хорошо знакомо, — вальяжно и весело.

Кидо протянул ей руку. Мисудзу улыбнулась, взяла его за руку и встала с возгласом «Оп-ля». А затем, обрадовавшись его галантности, поблагодарила с интонацией, в которой сквозили ее истинные чувства.

Глава 20

Встреча с тем, кто называл себя Ёсихико Сонэдзаки, была назначена на час дня, поэтому Кидо и Мисудзу на скорую руку пообедали в ресторане внутри здания вокзала, после чего разошлись в разные стороны.

Они решили, что сначала Кидо встретится с ним один на один, а потом уже к ним присоединится Мисудзу. В качестве места встречи Сонэдзаки предложил кафе «Комэда», в десяти минутах ходьбы от станции Нагоя, но Кидо впервые был в этих местах, а филиалов этой сети кафе было несколько, поэтому в результате он опоздал примерно на пять минут.

Кидо знал Дайскэ Танигути по старым фотографиям, но беспокоился, сможет ли он его узнать теперь.

Когда он сказал официантке, что у него здесь назначена встреча, она проводила его к столику в зал для курящих. За столиком на четверых, отделенным деревянной перегородкой от соседнего, сидел мужчина в серой вязаной шапке и куртке-бомбере с вышивкой. Куртка была ему совсем не к лицу.

Мужчина смотрел в сторону Кидо. Он беззвучно выдохнул. Сердце билось так же сильно, как во время их разговора по скайпу. Он постарел, но это точно был Дайскэ Танигути.

«Все же он жив».

Кидо подумал, что до последнего сражался за свое доверие к Макото Харе, и почувствовал, как кровь прилила к щекам.

В воздухе витал запах кофе и сигаретного дыма. Подойдя к столику, Кидо поздоровался и протянул свою визитную карточку. Мужчина, не говоря ни слова, поклонился. Было видно, как он нервничает. После этого он внимательно изучил обе стороны визитки.

— Дайскэ Танигути? — спросил Кидо.

Мужчина на секунду покривился, очевидно, он еще колебался, но потом ответил:

— Да.

Кидо улыбнулся, после чего подобие улыбки непроизвольно появилось и на лице мужчины.

Он был старше Кидо на три года, значит, ему исполнилось сорок два, но лицо было слегка отекшим и тусклым, а взгляд усталым. Когда Кидо заказал кофе, мужчина попросил:

— А вы не могли бы называть меня Сонэдзаки? И еще, можно я закурю?

— Конечно. Я буду обращаться к вам по фамилии Сонэдзаки.

Дайскэ затянулся и, немного успокоившись, продолжил:

— Думаю это сложно понять, когда подобное не переживал прежде, но после обмена реестрами, всего спустя год, становишься совершенно другим человеком. Когда вы назвали меня Дайскэ Танигути, я сначала и не понял, о ком вы. Потому что вместе с прошлым мы обменялись и всем остальным. Я ненавидел всех членов семьи Танигути до обмена, но теперь они стали для меня чужими людьми. Когда я увидел Кёити Танигути в Сети, он был не более чем странным владельцем гостиницы на источниках где-то у чёрта на рогах.

— А вы не вспоминаете о прошлом?

— Когда обрываешь отношения с людьми, переезжаешь в другое место, то и воспоминания естественным образом

стираются... Ну, как бы сказать, если вы ненавидите свое прошлое, то просто так забыть его не получится. Поэтому нужно его просто поверх переписать чужим прошлым. Продолжать переписывать свое прошлое, пока оно не станет неузнаваемым.

Принесли кофе, Кидо отпил из чашки, кивая в ответ на слова собеседника. Похоже, его предположения о том, что, проживая чужую травму, человек мог понять себя, и в правильности которых он был почти уверен, оказались ошибочными. К тому же образ Дайскэ, сформированный из разговоров с Мисудзу в поезде, отличался от того человека, которого он сейчас видел перед собой. Внешне это был все тот же человек, но при этом, как и говорил сейчас Дайскэ, он был уже другой личностью.

— Сонэдзаки-сан, а откуда вы родом?

— Из префектуры Ямагути. Мой папаша был якудзой.

— Понятно. А вы... как бы это сформулировать... знали, с кем обменялись своим реестром?

— Вы про Макото Хару?

Кидо удивился, когда он сказал об этом как бы между прочим.

— Да. Посредником в сделке был Омиура?

— Может, его так и звали... Рожа у него была словно у рыбы фугу, очень подозрительный тип.

— Да, похоже, именно тот, о ком я говорю.

— Он еще какую-то чушь порол, мол, знал человека, который прожил двести лет.

Кидо непроизвольно прыснул от смеха, чуть было не пролив кофе из чашки.

— Мне он рассказывал про триста лет.

Дайскэ тоже улыбнулся, на лице впервые появилось открытое выражение.

— А что сейчас с ним?

— Он в тюрьме.

— Правда? А за что?

— За мошенничество.

Прищутив один глаз, Дайскэ с видимым удовольствием выпустил струйку табачного дыма.

— Вы знали о прошлом Хары?

— Знал. Его отец был тем самым убийцей.

— Верно. Он ведь дважды поменялся реестром? Сначала стал Ёсихико Сонэдзаки, а потом уже...

— Поменялся со мной.

— А почему дважды?

— Почему? В этих кругах это вроде обычное дело. В меньшинстве скорее те, кто, как я, поменялся всего один раз.

— Вот как?

— У Хары было тяжелое прошлое, выбора партнера для обмена почти не было. Но проблема была не столько в том, что папаша Сонэдзаки был якудзой, сколько в том, что они лично встречались и вроде Харе он не понравился.

Кидо наконец понял, что к чему. Именно тот человек навязал умственно отсталому Тасиро реестр Макото Хары.

— А вот реестр Дайскэ Танигуди был популярен. Никакого криминала, чистое прошлое. Знаете, сказку о «Соломенном богаче», о парне, который в результате стал богатым, начав с обмена связки соломы. Был один человек, который много раз менялся реестрами, чтобы заполучить мой. В то время единственное, что меня заботило, так это порвать связи с семьей, мне было все равно, с кем меняться. Но мне не хотелось иметь криминальное прошлое, поэтому человек, который бы потом мог начать разборки с семьей Танигуди из-за имущества, мне не подходил. Мы встретились тогда с Харой, поговорили, мне показалось, что его жизнь благодаря этому улучшится.

— А Макото Хара тоже посочувствовал прошлому Танигути?

— Да. Он очень внимательно выслушал мой рассказ и даже сказал, что постарается достойно продолжить эту жизнь. Такому, как он, я мог доверить свою старую жизнь. Мы встречались всего два раза, но он мне понравился. У него был чистый взгляд, видно было, сколько всего пришлось пройти, но он был добрым человеком. Во время его рассказа я почувствовал, как ему не хотелось и дальше тянуть за собой такую жизнь.

— Думаю, он тогда представлялся как Ёсихико Сонэдзаки. Он рассказал вам о жизни Макото Хары?

— Рассказал. О том, как занимался боксом. О том, как дважды пытался покончить с собой.

— Дважды?

— Он так сказал.

Значит, падение с балкона все же было попыткой самоубийства. Но оказывается, был еще и второй раз...

— А чем он занимался после того, как ушел из бокса?

— Некоторое время работал в ресторанчиках, подрабатывал чем мог. А потом информация о нем разошлась по интернету, становилось все труднее и труднее, в результате он мог рассчитывать только на разовые подработки.

Наблюдая за тем, как Дайскэ спокойно отвечает на вопросы, Кидо вспомнил, как в течение всего этого года беспокоился, а не убил ли его Макото Хара.

— Сонэдзаки-сан, а чем вы сейчас занимаетесь?

— Я? То одним, то другим. Да какая разница.

— Простите.

— Ничего.

— Просто я подумал, что у человека, чей отец якудза, могут быть тоже разные жизненные ограничения.

— А я никому об этом не рассказываю, разумеется. Я думаю, что именно так поступают сыновья таких папаш, которые хотят жить обычной жизнью.

— Думаю, да.

— Всего раз я на рабочей попойке рассказал об этом одному из наших, уж больно он меня доставал. Это крупный преступный клан, поэтому я козырнул его названием. С тех пор он совсем по-другому стал ко мне относиться. Да и мне это уверенности придало. Я говорю себе: я родился в очень плохой семье, но вот скрываю это, стараюсь жить честно.

— Понятно.

— Поэтому я и говорю: я уже не такой, как раньше. Я никогда не встречался с настоящим Сонэдзаки, поэтому не могу представить, какой он. Поэтому представляю Хару. Я думаю, каким бы он был сыном якудзы, и это становится моей отправной точкой. И в моем прошлом я тоже занимался боксом.

Сложные чувства отразились на лице Кидо, он попытался улыбнуться.

— У Хары, видимо, был настоящий талант. Ведь он выиграл турнир начинающих боксеров Восточной Японии.

— Серьезно? Ничего себе, он об этом не говорил. А теперь уже...

— Он умер.

— Жаль. Хотя, когда я думаю, что Дайскэ Танигуди больше нет на этом свете, мне становится легче. Я хотел, чтобы Хара жил и дальше моей жизнью, но от мысли, что где-то есть младший сын этой семьи, мне иногда было не по себе.

— Кстати, когда мы поняли ситуацию, уведомление о смерти Дайскэ Танигуди было аннулировано. Официально он жив и числится пропавшим без вести.

— Что? Правда?

На лице Дайскэ появилось недовольное выражение, будто он съел что-то горькое. Задавая вопросы, казалось, что он переосмысливает значение сказанного Кидо.

— А чем занимался Хара после того, как стал Танигути? — спросил он.

Кидо вкратце рассказал о жизни Хары с момента встречи с Риэ в городе S до самой смерти. Внимательно слушая рассказ, Дайскэ курил, скрестив руки на груди. Когда Кидо упомянул, что у Хары был ребенок, Дайскэ широко раскрыл глаза и уставился в потолок, погрузившись в раздумья.

— А его жена была красоткой?

— Что? Ну, симпатичная женщина. С большими глазами.

— Вот как. Здорово. Повезло... Интересно, а если бы я поехал в этот город S, то тоже бы женился на ней?

— Кто знает...

— Жаль, что он умер так рано. Но мне правда завидно. У него ведь была счастливая семья... Все же мне с этим не повезло...

— Вы про брак?

— Не могу я жениться. И денег нет.

— А вы не думали о том, чтобы вернуться в семью Танигути? Есть же наследство, да и ваша мать хотела бы встретиться. Если возникнут юридические проблемы, я бы мог...

— Не хочу. Если вы собираетесь об этом говорить, то я ухожу.

Неожиданно у Дайскэ испортилось настроение, он бросил на стол зажигалку, которую держал до этого в руке. Кидо извинился и пояснил общие моменты о правах наследования, но Дайскэ, казалось, слушает его вполуха.

— Даже если я стану бездомным, я больше никогда не хочу видеть их. Неважно, что там значится в семейном реестре, но пусть «Дайскэ Танигути» уже умрет. Единственный

человек из прошлого, с кем я все это время хотя бы раз хотел встретиться, — это Мисудзу. Когда я представляю себе, как буду умирать, то единственный человек, которого я бы хотел увидеть напоследок, — это она. Только Мисудзу. Честное слово, я столько раз себе представлял эту сцену. Наверное, вам кажется это глупостью. Кидо-сан, вы же с ней встречались?

— Да.

— Она, наверное, до сих пор симпатичная. Она постарела?

— Она подойдет через пятнадцать минут. Она по-прежнему красавица.

— Замужем?

— Спросите об этом у нее самой.

— Значит, не замужем? Ну и дела. Она самая симпатичная из всех моих бывших. Я почти уже забыл о Дайскэ Танигuti, а вот воспоминания о Мисудзу, когда мы встречались, то и дело всплывают в памяти. Всякие интимные подробности...

С этими словами Дайскэ до отвращения сально ухмыльнулся.

Кидо подумал, что, несмотря на отсутствие внешнего сходства, братья Танигuti, возможно, все же одного поля ягоды. Хотя в то время, когда Дайскэ встречался с Мисудзу, он не был таким... Может, обрел «уверенность», став сыном якудзы в своей новой жизни. Или же бессознательно подражал старшему брату. В любом случае Кидо почувствовал в нем некую психологическую деградацию, вызванную, несомненно, неудачными обстоятельствами и не зависящую от его врожденного характера.

Кидо казалось, что Дайскэ жалеет о своем выборе. Он выглядел как новичок на бирже, который только что узнал, что акции, которые он держал до лучших времен, но в результате продал с убытком, только что выросли в цене. Скорее

всего, он искренне не хотел больше встречаться с семейством Танигути. Однако было видно, что он сожалеет, что не поменял свою жизнь на что-то более подходящее.

По пути сюда Кидо представлял себе встречу Мисудзу и Дайскэ, и это вызывало в нем чувство легкой ревности, однако теперь понял, что шел на поводу своих эмоций.

За эти десять лет между бывшей парой появилась огромная пропасть, к тому же теперь Дайскэ жил уже совсем иной жизнью.

Слова Мисудзу о том, что Кёити все еще надеется переспать с ней, связались в голове с только что сказанными словами Дайскэ, отчего у Кидо на душе стало неприятно. Он от всего сердца сочувствовал семейным обстоятельствам Дайскэ, которые заставили его бежать из дома. Но при этом было обидно за Хару, который пытался прожить это чужое прошлое как свое собственное.

Позвонила Мисудзу и сказала, что скоро будет. Кидо подумал, что встреча с ней, возможно, приведет к каким-нибудь изменениям в жизни этого человека. Настигнет ли Мисудзу разочарование, будет ли ей больно, или она поможет ему, он не знал. А может, она просто «возобновит» свою любовь?

В любом случае оставаться и наблюдать за этим Кидо больше не мог.

Изначально он собирался присутствовать, но теперь передумал, ведь это не имело к нему отношения.

— Гото-сан вот-вот подойдет, поэтому позвольте мне откланяться на этом, — сказал Кидо и поклонился.

— Вы уже уходите?

— Да. У меня есть еще дела.

— Понятно. Черт, я что-то нервничаю... Я, честно говоря, переживал, как пройдет наша с вами встреча. Но теперь рад, что мы встретились. Я смог получить ответы на все вопросы, которые меня беспокоили.

Дайскэ протянул руку, Кидо потянулся в ответ, вспоминая недавнее прикосновение руки Мисудзу. Кидо подумал: кому же принадлежит эта влажная и шершавая ладонь, которую он сейчас пожал?

Семь лет назад, когда Хара встретился с этим человеком под именем Сонэдзаки, получил свою новую жизнь и имя Дайскэ, возможно, он вот так же пожимал ему руку. Кидо представил себе эту сцену перед глазами, после чего расплакался и поспешно вышел из кафе.

Глава 21

После встречи и беседы с Дайскэ Кидо завершил написание отчета для Риэ. Ему хотелось бы чуть больше узнать о жизни Макото Хары, но он чувствовал, что нужно уже поставить точку в расследовании, которое и без того затянулось на один год и три месяца.

Как и просила Каори, Кидо сходил на прием к психологу в клинику неподалеку от его фирмы. У Кидо был профессиональный интерес к тому, как специалист задает вопросы пациенту, поэтому он сам задавал множество вопросов, от чего прием превратился в оживленную беседу. Психолог сказал, что будет рад проконсультировать его еще, если это понадобится, но Кидо больше туда не ходил.

Каори, казалось, успокоилась, когда услышала об этом, но сама не торопилась идти на прием. А Кидо не принуждал ее к выполнению обещания, ведь после того разговора он заметил в ней перемены: сократилось количество случаев, когда она ругала Соту, доводя его до слез.

Это происходило не само по себе, Кидо чувствовал желание и видел предпринимаемые Каори усилия исправить ситуацию дома. Он пытался разделить с ней ту психологическую нагрузку, которую в ней вызвало не только землетрясение, но и последующее распространение ксенофобии, ему хотелось сделать все возможное для нее. Он чувствовал вину за то, что не заметил ее переживаний, и в то же время был признателен ей.

Его взгляд на их отношения не дрогнул и оставался прежним.

Именно поэтому события, произошедшие за три дня до встречи с Риэ, он решил внутри себя воспринимать как нечто уже прошедшее, обычное воспоминание о выходном дне, о котором можно и не думать.

Наверное, кому-то сложно понять его настрой, но, без сомнения, найдутся и те, кому он покажется близким.

Тем утром Кидо с семьей отправились к небоскребу «Скай-три», куда Сота уже давно хотел сходить.

Проехав на электричке линии Тоёко, они пересели на линию Хандзомон и в результате добрались только к одиннадцати часам. Наивные ожидания, что в небоскребе, открывшемся уже два года назад, не будет толпы посетителей, не оправдались. На выходных, совпавших с весенними праздниками, даже номерок для очереди за билетами нужно было ждать еще два часа.

За окнами простиралось ясное ярко-голубое небо.

В памяти промелькнула строчка из какого-то произведения, которое он читал давно. Главный герой в нем воскликнул: «Именно тот день, именно то время!» Кидо наслаждался именно этим днем и часом, как и герой рассказа, но никак не мог вспомнить имя автора.

Каори вчера вернулась поздно после посиделок с коллегами, когда Кидо уже заснул, однако у нее не было и следов похмелья, и с самого утра она была в хорошем расположении духа.

— Что будем делать? Стоять в очереди? — спросила Каори у Соты с улыбкой. Кусая ноготь большого пальца, Сота посмотрел на маму, было видно, как ему тяжело решиться.

— Пойдем в аквариум, — наконец сказал он.

Кидо переспросил, и правда ли он хочет именно этого. И тогда Сота, потянув его за рукав, повторил:

— В аквариум. Пойдем.

Сота научился быть внимательным к настроению взрослых. Кидо не был уверен, всегда ли так бывает у детей этого возраста, или это особенность характера Соты. Они решили ограничиться тем, чтобы посмотреть на «Скайтри» со стороны.

Кидо сказал, что издалека башня ему всегда казалась скучной металлической конструкцией, а когда они подошли поближе, «Скайтри» впечатлила его еще меньше. Каори согласилась и снова улыбнулась. По дороге Сота попросил купить ему игрушку в автомате, Кидо вытащил мелочь. Когда они покрутили ручку автомата, вывалилась прозрачная капсула, внутри которой оказались крошечный самурайский шлем и доспехи.

Аквариум располагался в том же здании. Там тоже оказалось много людей, но очередь была короткой. Как-то раз они втроем ездили в тематический парк «Морской рай» в Хаккэйдзиме, а здесь и Кидо, и Каори были впервые.

Внутри был приглушенный свет, словно помещение предназначалось для свиданий парочек. Сота, подпрыгивая, двигался вперед сквозь толпу, однако, проходя мимо медуз и мелких рыбок, даже не посмотрел на них, а когда Кидо попытался поднять его, чтобы показать морских выдр в бассейне, расположенному выше других, Сота сразу же сказал: «Мне надоело». Затем они подошли к бассейну, напоминавшему огромный экран в современных кинотеатрах, в котором плавали акулы и скаты. Здесь толпилось много народа — видимо, этот бассейн был одной из основных достопримечательностей аквариума. Но Сота только и сказал: «Страшно» — и быстро прошел мимо. Кидо с Каори переглянулись, и они оба улыбнулись.

Затем они пришли к бассейну с пингвинами, на который можно было посмотреть сверху. Судя по всему, Соте

понравилась его конструкция. В голубом бассейне были установлены искусственные валуны. Чтобы посмотреть на пингвинов, плавающих под водой на уровне глаз, нужно было спуститься по лестнице вниз.

Тени от плывущей стаи пингвинов падали на пол, и если смотреть только на тени, то казалось, что летит стая птиц. Если смотреть на поверхность воды сверху, она постоянно бурлила, переливаясь в лучах света, падающих с потолка. Хотя пингвины двигались в одном направлении, Кидо с большим интересом наблюдал за тем, как от стаи иногда отделялось несколько особей, которые пересекали аквариум по диагонали в противоположном направлении, а вслед за этим и вся стая меняла направление движения.

Вдруг Кидо заметил, что Соты и Каори нет рядом.

В поисках он прошелся по зоне с пингвинами, однако так их и не нашел. Когда он позвонил по телефону, Каори сказала, что они в сувенирном магазине у выхода. Он был недоволен, что они ушли без него, и пошел искать их там. Как только Сота увидел отца, он закричал: «Папа! Потеряшка!», а затем радостно рассмеялся, будто это и правда было смешно. Когда Кидо нахмурился, Сота рассмеялся только сильнее. По словам Каори, они хотели купить что-нибудь на память, но, сколько бы ни искали, ничего подходящего не было, поэтому они решили после обеда зайти в другой магазин.

В крыле с ресторанами во всех заведениях были ужасно длинные очереди, и только в пивном ресторане на седьмом этаже, предлагающем сорта пива со всего мира, можно было найти столик. Проверив, что в меню есть что-то и для детей, они решили остановиться на нем.

Им повезло: столик, к которому их провела официантка, оказался около окна. Любаясь пейзажем токийских улиц под

голубым небом и императорским дворцом вдалеке, Кидо подумал, что вид отсюда вполне впечатляет, поэтому и хорошо, что они не пошли на башню «Скайтри».

Когда они наконец уселись за столик, все трое вздохнули с облегчением. После поездки на электричках и полуторачасовой прогулки ощущалась приятная усталость.

В ресторане было оживленно: семьи и парочки, под влиянием алкоголя посетители говорили громко. Даже если бы Сота не смог усидеть на месте, в такой атмосфере он вряд ли бы кому помешал.

Для Соты заказали детский комплексный обед — с котлетой в качестве горячего и апельсиновый сок, а для взрослых — салат и жареные ребрышки. Кидо взял светлое пиво Chimay, Каори — какой-то редкий немецкий пилснер, название которого они не смогли даже прочитать.

Напитки принесли сразу же, все трое выпили. Кидо залпом выпил треть бокала, после чего сделал глубокий выдох, будто бы погрузился в горячую ванну. Фруктовая горчинка пива ощущалась на языке.

— Когда редко пьешь, пиво кажется вкуснее, — сказал Кидо.

Выпив еще треть стакана, Кидо еле сдержал зевок.

Подражая своему отцу, Сота глотнул сока и тоже сказал:

— А... Когда редко пьешь, сок кажется вкуснее.

А затем радостно рассмеялся. Кидо и Каори засмеялись вместе с ним.

— Хочешь попробовать? Тоже довольно вкусно, — сказала Каори и протянула свой бокал. Кидо сделал глоток и, расprobовав послевкусие, согласился с ней:

— И правда. Легко пьется.

Принесли салат, после долгого ожидания, наконец, и ребрышки, однако самого основного — детского обеда — так и не было. Они попытались накормить Соту мясом с ребрышек,

но он, только попробовав, отложил вилку с мясом на тарелку и сказал, что слишком остро.

— Мама, можно поиграть в телефоне?

Неохотно Каори достала телефон и включила игру-головоломку, которая нравилась Соте.

Кидо уже почти допил второй бокал пива. Заедая его мясом, он чувствовал, как разливается хмель и улучшается настроение.

— Я сейчас вернусь, — произнесла Каори, вставая с места. Казалось, что на мгновение она засомневалась, что делать с телефоном, но потом оставила его в руках сына.

— Что-то они задержали твой обед, — сказал Кидо сыну, а затем вспомнил ту ночь зимой, больше года назад, после первой встречи с Кёити Танигути в Сибуе. Он думал, какое же сильное ощущение счастья тогда испытал, когда укладывал Соту спать в своей комнате, а потом понял, что именно в этот момент счастлив.

«Интересно, а есть ли где-то человек, который хотел бы отказаться от своей жизни, а я бы смог прожить ее лучше? А если бы я передал свою жизнь такому человеку, смог бы он провести остаток жизни лучше меня? Ведь Макото Хара смог прожить чужое будущее гораздо прекраснее, чем смог бы сам Дайскэ...»

Он еще раз задумался над значением слов «обычная жизнь», которые были мечтой Макото Хары. А еще о том, что это понятие может принести человеку боль, и успокоение.

Кидо посмотрел вниз, Сота указательным пальчиком ловко водил по экрану телефона. Он подумал, что и внешностью, и характером он похож на него самого в детстве. Интересно, с точки зрения естественного отбора лучше, чтобы ребенок был похож на родителей? Если дети похожи на родителей, значит ли это, что родители, видя в них свое отражение, будут с большей любовью воспитывать их?

Однако, вспомнив многочисленные примеры, когда приемные родители с любовью воспитывают детей, он отказался от своего предположения. Это правда, он радовался тому, что сын похож на него, но это не значило, что в будущем это не создаст проблем для Соты.

Кидо думал о том, что должен жить правильно. А потом вдруг представил, что ему нужно было бы отдать сына, и чувствовал, как от этой мысли сердце рвется на части.

«После этого меня бы мучили угрызения совести. Как это было с Дайскэ Танигуди... А если бы это был не Макото Хара, а кто-то другой, смог бы он тоже сделать эту жизнь такой же счастливой?»

Кидо допил пиво — на дне уже не оставалось пузырьков — и закусил губу. Он чувствовал сильную привязанность к своей жизни. Он представил: а если бы он родился Макото Харой, а потом получил такую жизнь, как у него, Акиры Кидо, то, наверное, он был бы сильно впечатлен. На мгновение он вообразил, что получил эту жизнь от чужого человека, и теперь нужно прожить ее как будто с самого начала...

— Пап, а моя еда?

— Как-то они долго. Я сейчас напомню.

Кидо остановил официантку, которая быстро шла с пустыми стаканами, и еще раз попросил поторопиться.

Вдруг он вспомнил, что так и не нашел ответа на вопрос Соты о том, почему Нарцисс превратился в цветок. Сота и сам забыл об этом, но раз уже это пришло на ум, Кидо оставил напоминание для себя в телефоне, чтобы поискать ответ.

За соседним столиком сидела пара с девочкой лет двух и мальчиком месяцев пяти. Малыш плакал, а мать торопливо взбалтывала для него молочную смесь.

— Извините, — сказал отец семейства и поклонился Кидо, который рассеянным взглядом посмотрел на них.

— Да что вы, ничего страшного.

— Как начнет плакать, никак не остановить.

— Это нормально.

Кидо улыбнулся и перевел взгляд на Соту, который по-прежнему был поглощен игрой. Ему было еще пять, но, казалось, он подрос. Младший сын Риэ не прожил так долго. Она пережила горе его смерти. В глубине души проскочила мысль, что он бы с этим не справился.

Каори все еще не вернулась. Через некоторое время Сота сказал:

— Ой, пап, тут какой-то странный экран.

И он протянул отцу телефон.

На экране была реклама другой игры.

— Наверное, случайно на что-то нажал.

Пока Кидо закрывал экран с рекламой, пришло уведомление о новом сообщении в мессенджере. В верхней части экрана появилось окошко, и, хотя Кидо не собирался его читать, оно попало на глаза.

Это был стикер с надписью *Last Night* и сердечками, напоминающими детские наклейки. Кидо непроизвольно прошел по нему большим пальцем, словно смахивая пыль с чего-то хрупкого. После того как сообщение исчезло с экрана, в голове осталось только имя отправителя — начальника Каори. Но оно должно было оказаться лишь в кратковременной памяти мозга, а потом исчезнуть без следа, как и все, что не следует запоминать.

Кидо положил телефон экраном вниз на стол, как будто ничего не произошло.

— Пап, я хочу еще поиграть.

— Хватит уже. Вон, смотри, обед твой принесли. Время поесть.

— Хорошо... а можно я еще поиграю после еды?

— Спроси у мамы.

Кидо допил свое пиво, которое стало уже теплым, и заказал еще одно.

Наконец вернулась Каори.

— Такая очередь в женский туалет. О, детский обед подоспел?

— Да, только что. Я уже устал ждать.

— У тебя уже третий бокал? Ты уверен? Сможешь вернуться домой?

— Конечно смогу. Это же просто пиво.

Кидо улыбнулся и потянулся к тарелке Соты, чтобы порезать котлету на мелкие кусочки.

Малыш за соседним столиком получил смесь и, не отрываясь, сосал из бутылочки.

За окнами простиравлось ясное ярко-голубое небо.

«Какой же хороший выходной», — подумал Кидо, смотря на небо.

В памяти вновь промелькнула строчка из произведения, которое он читал давно: «Именно тот день, именно то время». Кидо наслаждался именно этим днем и часом, как и герой рассказа «В городе у замка» Мотодзиро Кадзии. Медленно отведя бокал с пивом и обрадовавшись, что все же вспомнил, он беззвучно шлепнул рукой по колену.

Глава 22

Во время почти двухчасового перелета из аэропорта Ханэда в Миядзаки Кидо смотрел в иллюминатор, погрузившись в размышления.

В Токио была солнечная весенняя погода, он с радостью предвкушал, что в Миядзаки его встретит погода еще теплее.

Из иллюминатора он видел синее небо до самого горизонта, тонкие облака, словно нежное кружево, покрывали острова, которые с этой точки выглядели как гигантская карта. Иллюминатор выходил на север, поэтому свет был достаточно ярким, но не слепил глаза.

Самолет набрал высоту, табло «Пристегнуть ремни» погасло. Кидо слегка откинулся назад и стал листать книгу «Метаморфозы» Овидия, которую взял в полет. Ему повезло: соседнее кресло оказалось пустым, поэтому можно было спокойно расслабиться в одиночестве. Два года спустя после того, как сын задал ему вопрос, он вспомнил, что должен на него ответить, поискать информацию в интернете и купил в книжном «Метаморфозы» издательства «Иванами».

Судя по всему, существовало несколько теорий относительно мифа о Нарциссе. В отзывах в интернете писали, что «Метаморфозы» — это наиболее подробный и понятный источник при изучении мифов Греции и Рима, однако, как только он начал чтение, то почувствовал, как перед ним раскрывается сложный символический мир, объяснить который Соте ему было не под силу.

Но сам он получал удовольствие от чтения книги.

Овидий писал, что Нарцисс был зачат, когда речной бог Кефис, «гибким течением» обняв Лириопу — голубую нимфу, — «замкнув ее в воды, насилие ей учинил»*. Кидо был поражен, узнав тайну рождения Нарцисса, и почувствовал, что одержимость наблюдением своего отражения в воде означает не что иное, как любовь к себе.

Вода была для Нарцисса его родителями и в то же время конфликтом, который произошел между ними, актом насилия, который не должен был произойти. Но не случись насилия, его бы не существовало в этом мире. Видя себя, он не мог при этом не видеть истории своего рождения. Как бы то ни было, он не мог стереть своего прошлого, но не мог и прикоснуться или вернуться к нему.

Миф о Нарциссе, конечно же, был историей любви. Нарцисс «сгорал в пламени» любви к себе, однако в Нарцисса была безответно влюблена нимфа Эхо, которая жила совсем в другом мире, в мире гор.

Эхо была проклята богиней Юноной, поэтому могла только «удвоять голоса, повторяя лишь то, что услышит».

Иными словами, Нарцисс, видя только собственное отражение, не способен любить никого, кроме себя. А Эхо может отзываться только на голос других, она не может дать знать о своем существовании тому, кого любит.

Нарцисс в одиночестве заперт в своем мире, куда вход Эхо закрыт. И только перед смертью, прощаясь с ним, на его вздох «Увы!» Эхо повторяет за ним «Увы!», а потом повторяет и его слова «Прости».

Испытал ли радость бедный Нарцисс, когда услышал от отражения в воде повторение его же слов «Мальчик, напрасно, увы, мне желанный!»? А что же Эхо? Быть может, этот вздох «Увы!» и слова прощания Нарцисса она повторила в конце

* Здесь и далее цитаты из «Метаморфоз» в пер. С. В. Шервинского.

совсем с другим чувством, ведь это именно то, что она хотела сказать ему напоследок?

Читая последние строки, где Нарцисс осознает, что это его собственное отражение и говорит «О, если только бы мог я с собственным телом расстаться!», Кидо думал о Макото Харе. Будь это возможно, Нарцисс смог бы полюбить себя. Скорее всего, Хара хотел расстаться со своим телом, стать кем-то другим, полюбить кого-то и быть любимым. И все же, возможно, став другим человеком, Хара тоже искал способ полюбить себя самого? Не только свое имя Макото Хара, но и человека, который начал под этим именем жизнь в нашем мире.

Луч солнечного света, упавший через иллюминатор с южной стороны, ослепил Кидо. Подъехал стюард с напитками, закрыв его тележкой от света. Кидо заказал кофе. Сняв пластиковую крышку, он сделал небольшой глоток, вдыхая кофейный аромат, а затем снова посмотрел в окно на голубое небо и чуть дрожащие крылья самолета, после чего вернулся к своим размышлениям.

Как и предполагало название книги «Метаморфозы», она содержала всевозможные истории о превращениях. Но на детский вопрос Соты «Почему Нарцисс превратился в цветок?» Кидо так и не нашел ответа.

Кидо вспомнил несчастного бога Фаэтона, который, потеряв управление блестящей солнечной колесницей своего отца Гелиоса, понесся к Земле и сжег бы дотла весь мир, если бы Юпитер не пронзил его молнией. Его сестры, гелиады, дочери солнца, стенали и горевали о его смерти, пока их слезы не превратились в янтарь, а они сами не стали деревьями.

Был еще герой Актеон, который случайно стал свидетелем купания лесной богини Артемиды, за что богиня в гневе

превратила его в оленя, которого потом, не узнав хозяина, загрызли собственные собаки.

Дафна, не зная о любви Аполлона, спасалась от его преследования после того, как тот был поражен стрелой Купидона, она возненавидела собственную красоту и была превращена в лавровое дерево...

Мифы без остановки крутились в голове, то всплывая в памяти, то вновь исчезая, а между тем Кидо думал не только о Харе, но и обо всех людях, кто обменялся семейными реестрами через Омиуру. Возможно, кого-то к этому привела трагическая ситуация, кто-то был загнан в тупик, кто-то был вынужден превратиться в другого человека против своего желания. И в результате кто-то обрел любовь и счастье, а кто-то испытал еще большее отчаяние.

Когда самолет подлетел к Миядзаки и начал снижаться, сгустились облака, будто ясного неба над Токио после взлета и не было, и теперь капли дождя били по иллюминатору, чертя тонкие линии в разных направлениях.

В Миядзаки его встретила пасмурная и дождливая погода, но было тепло.

Как и в предыдущий раз, Кидо арендовал машину в аэропорту, остановился в отеле и пообедал.

Завтра они должны были встретиться с Риэ. Отчет он мог послать и по электронной почте, но он не столько хотел рассказать о результатах Риэ лично, сколько еще раз побывать в этих местах. Он хотел поставить точку в этой истории.

Вечером у него была назначена встреча с директором «Лесоводства Ито», в котором раньше работал Макото Хара.

Кидо просто хотелось посмотреть, где Хара работал, поэтому он и попросил Риэ представить его, однако в начале

Ито-сан, похоже, настороженно отнесся к этому. Вместо того чтобы придумывать какие-то отговорки, которые могли бы показаться подозрительными, Кидо сказал, что интересуется лесозаготовками. Судя по всему, это объяснение убедило директора и он пообещал показать места в горах, где они работали.

Чтобы проехать туда, нужен был полноприводной автомобиль, поэтому они договорились о встрече возле филиала мэрии Миядзаки в городе Киётакэ, чтобы Ито довез его на своей машине.

Когда Кидо припарковал арендованный автомобиль и вышел на стоянку, там его уже ждал коренастый мужчина с короткой стрижкой в чуть затемненных очках и с черным зонтом.

— Кидо-сенсей? — окликнул его мужчина.

Кидо поздоровался, протянул визитную карточку и коробку сладостей, привезенную из Токио.

— Да что вы, не стоило, — учтиво поблагодарил его Ито зычным голосом, идущим откуда-то из глубины живота.

По словам Ито, сегодня они собирались посетить не место гибели Хары, но довольно похожую гору неподалеку от этого места в сорока минутах езды отсюда.

По дороге Кидо рассказал, что, занимаясь делами покойного Дайскэ Танигути по поручению его вдовы, заинтересовался темой лесозаготовок. А потом кратко добавил, что среди его клиентов встречаются люди самых разных профессий, поэтому он не упускает возможности побольше обо всем разузнать, особенно когда речь заходит о редких профессиях. По выражению Ито было сложно понять, показалось ему это объяснение понятным или нет, но он приветливо кивал и поддакивал. В глубине души Кидо называл мужа Риэ Макото Харой, но, общаясь с посторонними, использовал имя Дайскэ Танигути.

Внешне Ито производил мрачноватое впечатление, но в беседе показался очень располагающим и разговорчивым человеком. Он негромко включил радио и начал рассказывать о лесозаготовках, будто пытаясь понять, что именно интересует гостя.

Он сообщил, что «Лесозаготовки Ито» занимались вырубкой государственного леса по лицензии. Как правило, площадка в пять гектаров вырубалась за три месяца, поэтому на ближайшие два года они были обеспечены работой. Важную роль в этой отрасли хозяйства играют субсидии государства, и ее положение очень сложное, поскольку отечественной древесине приходится конкурировать с импортной, однако теперь, когда существуют ТЭЦ на древесных отходах, можно продать древесину до последней щепки, поэтому отрасль находится в неплохом состоянии.

— Возможно, это заинтересует вас как юриста. В последнее время на рынке появилось несколько новеньких компаний, которые ведут нечестную игру: незаконные рубки и грязные делишки.

— Ничего себе!

— В наши дни никто не хочет унаследовать землю в горах, поэтому участки дробят на части, передают права новым владельцам, уже и не понятно, какой участок и кому принадлежит. Вот эти сомнительные конторки и покупают небольшие участки рядом с горами, рубят там лес и забирают себе.

— Ужас какой.

Ито рассказывал об этом, словно это занятная история, поэтому Кидо не смог сдержать улыбки.

— Это проблема для всей отрасли. С этим что-то нужно делать. Мы иногда проверяем семейные реестры владельцев старых горных участков, но все равно в правах наследования черт ногу сломит, сколько людей может быть.

— Представляю себе.

Скорее всего, Ито имел в виду не «семейный реестр», а «Книгу регистрации имущества», но Кидо не стал его исправлять. Он подумал: интересно, а не вел ли подобные разговоры он и с Харой?

Вокруг на глаза все реже попадались дома, наконец они свернули на грунтовую горную дорогу, проходящую по лесу.

— Сейчас немного потрясет... Вы видели старые деревянные дома, который мы только что проехали? Почти все семьи там раньше занимались лесом.

— Понятно.

Усилился дождь, хотя это не имело никакого отношения к тому, что они стали подниматься в гору, дворники быстро смахивали капли со стекла. Несмотря на то что они были окружены густым лесом, сверху через брешь между ветвями падал свет. В зарослях кустарников ветки время от времени ударяли по лобовому стеклу, каждый раз, когда машина подпрыгивала, из-под колес, словно испуганные птицы, вылетали комья грязи. Вибрация, которую Кидо чувствовал через сиденье, усиливалась ощущение приключения.

Сквозь запотевшие окна из тумана проступала только нижняя часть прямых стволов криптомерий. Машина поднималась по крутой дороге, поэтому из-за тумана больше ничего не было видно, но, скорее всего, и в ясный день было бы видно только небо.

Дорога сильно петляла, иногда между деревьями можно было разглядеть часть дороги внизу, по которой они только что проехали. Судя по всему, они забрались уже довольно высоко.

— Вы и в дождь работаете? — спросил Кидо.

— Когда такой дождь, то да. Но в ливень не работаем, опасно, может случиться несчастный случай.

Кидо вдруг вспомнил рассказ Риэ: когда Хара второй раз пришел в ее магазин, шел проливной дождь. Наверное,

тогда у него либо был выходной, либо работу отменили из-за дождя.

— Ох, как они обращаются с рабочей площадкой. Какой тут бардак! Вырубили лес и все побросали. Мы бы никогда не сделали ничего подобного. Уходя, прибери за собой... Мы почти уже на месте.

— Наверное, здесь опасно с наступлением темноты. Дороги узкие, особенно если встречная машина едет, как вон только что.

— Но это еще приличное место. Есть более крутые участки. Но я не покупаю слишком сложные. И несчастных случаев боюсь, да и эффективность маленькая, прибыли особо не выручишь.

— Понятно.

После этого они некоторое время молчали, пока Ито вдруг не сказал:

— Мне так жаль, что случилось с Танигути. Я каждое утро перед алтарем молюсь за упокой его души. С тех пор как мой отец передал мне дела, у нас не было ни одного крупного случая. Какое же горе случилось... Мы тогда взялись за сложный участок просто потому, что не могли отказать заказчику.

— Понятно... А на лесозаготовках часто происходят несчастные случаи?

— Да, очень часто. Из ста человек один пострадает. Не обязательно при рубке деревьев, бывает, техника падает с обрыва. Да еще и змеи, и осы...

— К слову сказать, и правда же... Еще и такие бывают причины.

— Когда мой дед возглавлял компанию, к нам на заработки приезжали корейские рабочие.

Кидо удивился от такого неожиданного перехода, но Ито, похоже, не заметил его реакции и больше не развивал эту тему.

— Как погиб Танигуди-сан?

— Меня тогда не было на площадке... Даже если ты опытный дровосек, не всегда можно понять, в какую сторону упадет дерево. Особенно когда у дерева изогнутый ствол. Совершенно непредсказуемо. Я по утрам всегда предупреждаю своих, уже мозг им проклевал, что осторожность превыше всего.

Кидо кивнул и больше ничего не говорил, ожидая, когда Ито справится с эмоциями. Судя по голосу, у него ком стоял в горле, и, хотя Кидо не смотрел на его лицо, он чувствовал, что тот еле сдерживает слезы.

Кидо подумал, что так же себя вел и директор боксерского клуба, который знал его еще под именем Макото Хара. Все, кто общался с ним, глубоко переживали его смерть. Никто не сказал и плохого слова. Кидо почувствовал, что у всех этих людей в сердце так и не заживает рана.

Вскоре они увидели впереди припаркованную машину, а затем синий брезент, штабеля дров.

— Это здесь, — сказал Ито и виртуозно припарковал машину, чтобы встречная могла тоже протиснуться.

Выйдя из машины, он раскрыл зонт.

— Будьте осторожны. Далеко отходить опасно. Может быть, вы здесь осмотритесь? — предложил Ито и провел его к входу на рабочий участок.

На очищенной от деревьев площадке, достаточно широкой, чтобы поместился грузовик, стоял комбайн оранжевого цвета с длинным краном. При помощи крана поднимали срубленные деревья и отпиливали ветки. Кидо увидел троих работников. Площадка продолжалась длинной просекой, в которой уже вырубили лес, заканчивающейся крутым откосом.

— Сколько примерно лет деревьям? — спросил Кидо.

— Их спиливают, когда им пятьдесят лет. После этого они превращаются в материал, который используется

в строительстве дома, и он послужит еще пятьдесят лет. Поэтому, по моим расчетам, дерево живет сто лет. Пятьдесят лет на горе и пятьдесят лет с людьми. То же самое я говорю и нашим рабочим.

— Понятно. Вы правы...

— Нам сюда. Будьте осторожны. Сегодня мы не рубим лес, можем только вот такой работой заниматься. В лесозаготовках сейчас уже все механизировано, хотя в стужу или жару тяжелее, конечно, работать, но уже не так, как раньше. Хотя это все еще тяжелый труд.

— Танигути-сан тоже работал с техникой?

— Да. В наших делах нужно года три, чтобы всему научиться. Государство дает денег на обучение персонала, называют «зеленой стипендией». Танигути освоил все за полтора года. Серьезный был парень, рассудительный. Хотя худой, но неожиданно сильный.

— Он чем-то занимался?

— Нет, кажется, спорт его особенно не интересовал. Хотя он говорил, что в детстве занимался кэндо. У меня тоже дан по кэндо, мы всё тогда шутили, что нужно нам в поединке встретиться.

Пока Ито предавался воспоминаниям, Кидо с улыбкой кивнул. Про себя он удивился, ведь это Дайскэ в детстве занимался кэндо. Не внося никаких изменений, Макото сделал и эту часть жизни своим прошлым.

— Он часто рисовал. Например, во время обеда. Хотя у него не очень-то хорошо получалось, — с этими словами Ито улыбнулся.

— Вдова показала мне его работы, — сказал Кидо.

— Правда? Очень искренние картинки. В таком и правда проявляется характер человека.

— Да...

— А, извините... Алло! Да, спасибо, что тогда... да...

Ито ответил на звонок и отошел подальше, Кидо остался один и смотрел на лес криптомерий, вымокших под дождем.

Было тихо. Он слышал свое дыхание гораздо отчетливее, чем обычно, между ударами капель дождя, которые, словно горошины, били по зонту и земле. Побеленная туманом зелень была пронизана бледным светом, просачивающимся сквозь облака. Горные вершины, набегавшие одна на другую, неясно виднелись вдали.

Наверное, весь день будет таким.

Кидо попытался представить, о чем размышлял Хара каждый день, когда брался здесь за бензопилу.

Он подумал о том, что такое пятьдесят лет, за которые вырастает дерево. Интересно, размышлял ли Хара и о следующих пятидесяти годах, как рассказывал Ито. Деревья, которые он рубил, были выращены несколькими поколениями до него, а те, которые посадил он, вырубят через несколько поколений после.

Как он воспринимал то время, которое в течение этого пятидесятилетнего цикла прошло с момента его рождения? Хотя нет, скорее всего, его мысли занимало желание пораньше закончить работу, увидеть Риэ и детей. Когда он растягивался на кровати после тяжелого дня рядом с детьми, чтобы они побыстрее заснули, наверное, в глубине души он чувствовал себя счастливым. Все невзгоды, которые преследовали его прежде, делали эти мгновения счастья еще ярче...

Кидо видел перед собой картину, не чувствуя больше себя. Закрыв глаза, он ощущал, как остановилось время, он просто молча ждал, опустив голову под дождем.

Сколько же после этого прошло времени?

Открыв глаза, Кидо увидел, как один из лесорубов, чья фигура виднелась неясно из-за дождя, идет по площадке. На мгновение ему даже показалось, что это Макото Хара.

Если бы Макото Хара и правда оказался здесь, что бы он ему крикнул?

После двух попыток самоубийства он изменил свою жизнь, чтобы жить дальше. Кидо хотел бы сказать, что понимает его.

— Я столько вас искал. Беспокоился...

Перед глазами всплыла фигура Хары, который остановился, а затем, обернувшись к нему, улыбнулся. Ему показалось, что человек, следом за которым он все время шел, наконец посмотрел ему в лицо.

Странно, что это не пришло ему в голову раньше, но Кидо понял, как сильно он хотел бы встретиться с этим человеком.

Глава 23

Прошло три дня после встречи Риэ и адвоката Акиры Кидо. Юто последнее время все чаще запирался в своей комнате, чтобы почитать. Риэ сказала, что, после того как он примет ванну, им есть о чем поговорить.

Сначала ванну приняли Риэ и Хана, с радостью и смущением Хана сообщила, что у нее шатается передний зуб.

— Отлично. Дай-ка посмотрю. И правда. Как-то рановато, наверное. В вашей группе мало еще у кого выпал зуб.

— Ага. В нашей группе «Голуби» только у Хинано. Ой, я сегодня хотела позвать Хинано, но случайно сказала Хиноно. Хасимото-сенсей это услышала и рассмеялась. Я все же такая глупая!

В последнее время Хане, похоже, полюбилась фраза о том, что она глупая, она повторяла ее почти каждый день. И Риэ из раза в раз отвечала, что Хана вовсе не глупая, и гладила ее по голове. Со временем ей стало казаться, что, может быть, именно ради этого дочь повторяет фразу.

Еще полгода назад Хана как присказку использовала фразу «Я вот что думаю», а теперь она больше о ней и не вспоминала. Взросление меняло ее с такой невероятной скоростью, что воспоминания о том, какой она была год назад, стали такими расплывчатыми, что и сама Риэ диву давалась. Риэ была уверена, что в дочери есть что-то особенное, но было сложно отделить уникальность именно ее характера от тех черт, которые просто присущи детям этого возраста.

И все же Риэ находила утешение в жизнерадостном характере Ханы. Учитывая, что она потеряла отца совсем малышкой, ее веселый нрав всегда привлекал особое внимание в детском саду. Воспитательница говорила Риэ при встречах, что Хана всегда улыбается. Родители других детей тоже называли ее самым жизнерадостным ребенком в группе. Риэ это было очень приятно.

Юто вышел из ванной около десяти часов. Хана и бабушка к этому времени, разумеется, легли спать, в гостиной осталась только Риэ. Когда Юто, уже переодетый в пижаму, попытался быстро проскочить мимо, она окликнула его:

— Юто, я же сказала, что хочу с тобой поговорить. Я тебя тут жду.

— О чём? — спросил Юто с выражением недовольства на лице.

В последнее время он часто вот так открыто проявлял свои чувства. Риэ надеялась, что это к лучшему. Ее бы больше беспокоило, если бы он все продолжал держать внутри себя, пока однажды ситуация не зашла так далеко, что было бы поздно что-то с этим делать. Поэтому она была готова принять на свою долю все подростковые проблемы сына и за себя, и за первого, и за второго мужа.

Юто, что-то поняв по выражению лица матери, сел на стул.

— О чём?

— Три дня назад приезжал адвокат, который с позапрошлого года собирал материалы о папе... Теперь мы все знаем. Почему он изменил имя...

Юто перевел взгляд на документ, лежавший на столе рядом с ее рукой. Машинально кончиками пальцев Риэ все время теребила края листов, то сворачивая, то разворачивая их.

— Кем он был?

— Я не знаю, стоит ли тебе все рассказывать. Никак не могу решиться. Поэтому я хотела у тебя спросить. Ты хочешь все знать? Или готов пока подождать?

Некоторое время Юто молчал.

— Папа совершил что-то плохое? За что его могла арестовать полиция? — спросил он.

Риэ покачала головой:

— Ничего серьезного. Только сменил имя...

— Зачем?

— Здесь написано. Обо всем. Господин адвокат собрал здесь все материалы.

— Тогда я прочитаю.

— Мне кажется... тебя это... может шокировать. Я еще сама не оправилась от шока.

— Рё умер, а потом умер отец... Что может быть более шокирующим?

Юто протянул руку, взял документ, составленный Кидо, и пролистал его, словно проверяя количество страниц.

— Я у себя наверху почитаю, — сказал он и ушел на второй этаж. Прислушиваясь к шагам сына на лестнице, она гадала, что сейчас у него на душе.

У него сломался голос, появились тонкие усики, он нашел электробритву своего умершего отца и стал бриться без ее пояснений, словно подражая отцу. Риэ подумала, что для анализа ДНК они использовали сбритые волоски, которые остались внутри этой бритвы.

Наблюдая за тем, как взрослеет ее сын, она частенько думала, что у нее в то же время прибавляется количество седых волос.

Риэ никак не могла решиться, стоит ли делиться результатами расследования Кидо, но ведь она уже рассказала ему, что имя отца было ненастоящим, поэтому ничего иного, как сообщить всю правду, не оставалось.

Будь это другой четырнадцатилетний подросток, возможно, и стоило бы подождать, но она чувствовала, что Юто нужно рассказать все.

Риэ изо всех сил старалась перестать относиться к нему как к ребенку.

Она серьезно переживала, что в семье без отца он может стать чересчур зависимым от нее. С началом подросткового возраста Юто, видимо, тоже стал беспокоиться об этом и, скорее всего, еще и поэтому пытался установить с ней дистанцию.

Обращаться с ним и дальше как с ребенком в каком-то смысле для нее было бы легче. Но теперь она жила под одной крышей с будущим мужчиной, а в семье, оставшейся без отца, это приводило еще к большей напряженности.

Однако она поняла, что ей стоит изменить свое отношение к Юто; она почувствовала, что в сыне появилось что-то такое, о чем она не имела представления. Не то чтобы она этого не понимала, она просто не знала об этом. Она была удивлена и одновременно обрадована тому, что сын довольно сильно отличается от нее, и поняла, что его нужно уважать как независимую от нее личность.

Она была для него самым близким взрослым человеком и говорила то, что должна была, хотя старалась больше не делать замечаний и объяснять, когда была чем-то недовольна.

Изменение взглядов Риэ в немалой степени было связано со страстью Юто к литературе.

Она попробовала прочитать рассказ Рюносек Акутагавы «Парк Асакуса», о котором он говорил ей тогда в парке, расположеннем вокруг кургана, и глубоко задумалась над прочитанным. Текст был похож на сценарий для какого-то короткометражного фильма. Сюрреалистическое содержание: словно кто-то записал на бумаге тревожный сон, в котором

вывеска почему-то превращалась в «человека-сэндвич», круглый почтовый ящик становился прозрачным, и поэтому письма внутри можно было разглядеть, — для Риэ, которая не была ярым книжоchem, было недоступным для понимания.

Однако общая канва истории о мальчике лет двенадцати-тринадцати, который повсюду ищет своего отца, потерянного в токийском районе Асакуса, привлекла ее внимание.

В финале мальчик садится возле большого каменного фонаря «и начинает плакать, закрыв руками лицо». Человек в «маске, закрывающей рот», с улыбкой, «в которой чувствовался дурной умысел», которого после исчезновения отца мальчик принял за отца, и правда превращается в его папу.

Риэ не могла понять общий смысл этой истории. Но на сцене, где плачет мальчик, она и сама расплакалась. Скорее, это было не сострадание герою, она просто представила, как Юто может сочувствовать ему, читая эти строки. Последнее время он не жаловался на то, что ему тяжело или одиноко, но это вовсе не означало, что он не чувствует этого.

Что ее удивило, так это то, что рассказ он прочитал до того, как она сообщила, что отец на самом деле не был Дайскэ Танигути.

Было ли это простым совпадением? Или он и сам что-то почувствовал, а она просто об этом не знала?

С какими чувствами он читал эту книгу?

От внезапной фразы «Поспеши. Поспеши. Никто не знает, когда придет смерть» у Риэ перехватило дыхание. К тому же Юто рассказал ей тогда лишь о странном общении мальчика с тигровой лилией, не словом не упомянув, что эта история о разлуке с отцом. Но он, должно быть, хотел, чтобы она знала, что он читал этот рассказ.

Хотя Риэ не понимала само произведение, попытка сына вот таким опосредованным путем поделиться с ней своими эмоциональными переживаниями помогла ей лучше, чем

прежде, понять, что за человек ее сын. По крайней мере, она почувствовала глубину его внутреннего мира. Они каждый день виделись лицом к лицу, а именно благодаря книге она смогла приблизиться к его сердцу, что было удивительным.

Риэ всегда восхищали люди, которые много читают, однако, к сожалению, ни один из ее мужей не обладал таким качеством. То есть Юто не унаследовал это ни от отца, ни от матери, а сам по себе стал таким. Причина этого, вероятно, крылась в ситуации, в которой он оказался. Риэ казалось это прекрасным, словно цветок вдруг распустился среди камней.

Юто почти не разговаривал с семьей, но, судя по всему, постоянно что-то писал в блокноте. Риэ, разумеется, было интересно, что там, но она боялась, что попытка заглянуть в блокнот может нанести непоправимый ущерб его доверию к ней, и решила никогда не прикасаться к нему.

Вскоре выяснилось, что и без того, чтобы тайком подсматривать, она сможет прикоснуться к тому, что он пытается выразить.

Предыдущей осенью хайку, которое Юто представил в качестве задания на летние каникулы, получило главный приз в категории среди учеников средних школ на всеяпонском конкурсе, проводимом одной из газет.

Поскольку Юто ничего не рассказывал, Риэ узнала об этом гораздо позже, когда заметила трофея с его именем в углу его комнаты.

Он сочинил такое хайку:

Пустая скорлупка.
Звучит ли в ней
Голос цикады?

Риэ не разбиралась в том, как сочинять хайку, поэтому не могла оценить его. Но все же ей сложно было поверить, что

это написал Юто. Потом с большой неохотой он показал ей комментарии жюри, среди прочего была и критика за «излишнюю вычурность», но в то же время были неожиданные похвалы «раннего таланта». Под заголовком «Комментарии лауреата» были приведены слова Юто:

«В парке около кургана на дереве сакуры присохла пустая скорлупа цикады.

На верхних ветвях пело множество цикад.

Я прислушался, кто же из поющих цикад скинул свою оболочку. А потом представил, как, должно быть, звучит для пустой скорлупки голос цикады, которая находилась в ней под землей семь лет.

Внимательно присмотревшись к трещине вдоль спины на скорлупе, я подумал, что она напоминает эфи на деке скрипки. Тогда мне показалось, что и пустая скорлупка звучит как музыкальный инструмент, и я придумал хайку».

Юто не упоминал о смерти своего брата или отца. И все же Риэ знала, что дерево сакуры, о котором он говорит, должно быть, то самое, которое тогда выбрал ее муж. Ей было неизвестно, и правда ли он прошлым летом один ездил в парк, расположенный вокруг кургана, и пережил такое впечатление, или это был плод его воображения, но в любом случае она представила, как ее мальчик стоит один у дерева и, слушая пение цикад, смотрит на пустую скорлупку, и не могла остановить слез. Она не знала, есть ли у него этот самый «ранний талант», но теперь она впервые поняла, каким утешением стала для него литература. Она бы не смогла додуматься или порекомендовать ему это, этот способ преодоления жизненных испытаний он нашел для себя сам.

Больше года, до того момента, как она получила материалы расследования от Кидо, она не знала, как звали ее покойного

мужа, а когда выяснила, что его настоящее имя было Макото Хара, ей показалось, будто встретилась с ним заново. Хотя у нее не было чувства, что она сможет сразу же переименовать его во всех своих воспоминаниях с их первой встречи до последней перед его смертью.

При жизни она называла его Дайскэ-кун, но это оказалось чужим именем, которое она использовала по незнанию, и ей больше не хотелось так звать его, однако в душе она не могла перейти и на имя Макото-кун. Ведь она больше не могла получить от него ответ, правильно ли было его так звать.

По информации в отчете Кидо она узнала, что муж был на два года моложе ее, а не на один год старше, как она всегда считала. Теперь Риэ поняла, почему ей всегда хотелось добавить суффикс -кун к его имени, который используют для младших по возрасту.

Когда Кидо уехал, она впервые за долгое время смогла посмотреть на фотографии мужа на своем компьютере. Она подумала, что он, наверное, хотел, чтобы его называли настоящим именем. Наверное, он надеялся, что его полюбят не как Дайскэ Танигуди, а как Макото Хару.

Риэ никогда не слышала о Кэнкити Кобаяси. Судя по материалам, это было нашумевшее дело, но она просто не помнила, видела ли что-то подобное в новостях. Подробности дела были такими жестокими, что она сомневалась, стоит ли показывать эту часть материалов Юто.

Убийства — это был какой-то совершенно чужой для нее мир, поэтому в душе все всколыхнулось, когда она узнала, что член ее семьи пострадал от этого. При встрече Кёити тогда предположил, что ее покойный муж, возможно, был убийцей. Узнав о том, что убийцей был отец ее мужа, что бы на это он сказал? Возможно, что-то вроде «а я же говорил». Но ее муж никогда не совершал преступления.

Риэ было жаль, что Макото пришлось пережить все эти тяготы, о которых говорилось в отчете Кидо. И она не могла избавиться от мысли, что, рассказывая о проблемах Дайскэ, он хотел поведать ей о том, что пережил сам. Риэ не понимала, почему он выбрал именно такой метод. Но какой бы ни была причина, наверное, он просто хотел дать ей понять, что его сердце глубоко ранено. Даже если он заувалировал причину, травма оставалась травмой, а боль — болью. Хотя его метод лечения, наверное, не давал полного эффекта из-за того, что он не мог открыть истинной причины.

Когда Риэ читала воспоминания тех, кто лично общался с Макото в те годы, что он занимался боксом, там было написано, как он переживал из-за своей наследственности. Подумав о Хане, она почувствовала, что в душе зарождается новый источник беспокойства.

Ее не тревожила мысль о том, что в жилах дочери течет кровь убийцы. По этому поводу она была на удивление спокойна, однако, когда рано или поздно Хана узнает правду, наверное, она будет страдать. В этом смысле у Юто была другая история: с Макото они не были кровными родственниками. Будь он родным отцом, скорее всего, Риэ бы еще больше колебалась, показывать отчет Юто или нет.

А еще Риэ должна была спросить себя: полюбила бы она Макото, если бы с самого начала знала правду?

Нужно ли вообще любви прошлое?

Однако, если отбросить красивые фразы, ей казалось, что тогда она уже и без того была на пределе возможностей, поддерживая себя и Юто, и не смогла бы принять кого-то с такой трагической судьбой.

Хотя точно она не знала. Но факт остается фактом: благодаря лжи Макото они полюбили друг друга и судьба им подарила Хану.

Когда они закончили беседу с Кидо, больше всего ее поразили те слова, которые он сказал ей в конце: «Я думаю, что три года и девять месяцев, которые господин Хара провел с вами, он впервые был счастлив. Все это время он был по-настоящему счастлив, как мне кажется. Хотя вы провели вместе так мало времени, для него это стало всей его жизнью».

Отчет Кидо оказался большим документом. Риэ задалась вопросом: почему он пошел на все ради нее? К тому же зачем он проделал весь этот путь, когда достаточно было бы отправить электронное письмо или позвонить по телефону?

Услышав его слова, которые давали ей поддержку и силу, она вдруг поняла, что именно ради того, чтобы лично ей это сказать, он специально приехал сюда. Хотя она не понимала его мотивов, решила не копаться в этом дальше.

Юто оставался в своей комнате около часа. Риэ как раз думала о том, что ей стоит пойти проведать его, как услышала, что он спускается со второго этажа.

— Я прочитал, — сказал он и небрежно вернул пачку бумаг Риэ.

— Больше не нужно?

— Нет.

Без эмоций на лице Юто стоял перед ней, а затем хотел было уйти обратно к себе.

— Юто.

— ...

— Ты как?

— Нормально... отец ведь никого не убивал.

— Да.

— Жалко его... папу жалко.

— У тебя доброе сердце.

— Я понял, почему папа был всегда так добр со мной.
— И почему?
— Папа делал для меня все... что хотел бы, чтобы сделал для него его отец.

Посмотрев на нежное выражение на лице сына, Риэ почувствовала, как защипало в глазах, она поплотнее сдвинула губы.

— Да... Но не только это. Он просто тебя любил.

— Мама... Прости меня.

— За что ты извиняешься? А?

Юто, стоя напротив нее, повесил голову и разрыдался. Его плечи сотрясались от рыданий, он вытирая слезы рукой и изо всех сил пытался успокоиться. Риэ плакала вместе с ним. Когда она протянула ему платок, он вытер мокрое лицо ладонями и посмотрел на нее красными опухшими глазами.

— И что будем делать с фамилией? Возьмем фамилию Хара?

Услышав, как он пытается говорить как взрослый, Риэ улыбнулась.

— Наверное, не получится. Может, все же Такэмото?

Откашлявшись, Юто кивнул.

— А что с папиной могилой?

— Что бы нам придумать... Давай положим его прах в могилу Рё и дедушки.

— Давай. Так никому не будет одиноко.

— Юто.

— Что?

— Это ты меня прости за то, что многое не рассказывала.

Юто покачал головой и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. А затем с серьезным видом спросил:

— Ты собираешься рассказать Хане?

— Думаешь, стоит?

— Сейчас она ничего не поймет.

— Ты прав.

— Надо оберегать нашу Хану.

Риэ снова захотелось плакать, но она сдержалась и, посмотрев в глаза своему умному сыну, кивнула. Она подумала, что он вырос.

— Если тебе будет тяжело, поговори со мной, ладно?

Юто кивнул и ответил:

— И ты, мам... тоже.... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. До завтра.

Когда она смотрела, как ее сын выходит из гостиной, она попыталась представить, как он проведет остаток ночи, и почувствовала комок в горле. Но единственное, что она могла сделать, — это просто дать ему побывать одному.

Оставшись одна, Риэ поставила локти на стол и положила голову между ними, на некоторое время закрыв глаза.

Она слышала лишь тиканье настенных часов.

Когда она снова подняла глаза, увидела фотографии ее отца и Рё на серванте с посудой, а затем перевела взгляд на семейное фото с мужем и детьми.

Его больше нет. А их дети уже подросли.

Она подумала, что те три года и девять месяцев были таким счастливым временем, что воспоминаний о нем и том, что с ним связано, хватит на всю ее оставшуюся жизнь.

МИФ Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

*Литературно-художественное издание
Романы МИФ. Книга-явление*

Хирано Кэйтиро

Незнакомец

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*
Ответственный редактор *Светлана Давыдова*
Литературный редактор *Александра Мартыненкова*
Арт-директор *Яна Паламарчук*
Дизайн обложки *Анна Чернышёва*
Верстка *Владимир Снеговский*
Корректоры *Анна Быкова, Лилия Семухина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

БЕСТСЕЛЛЕР В ЯПОНИИ

Жизнь Акиры Кидо, успешного адвоката по разводам, шла своим чередом, пока к нему не обратилась бывшая клиентка Риэ с необычным делом: через год после смерти любимого мужа она обнаружила, что жила и делила постель с совершенно незнакомым человеком, который украл личность и прошлое Дайскэ Танигути.

Теперь Кидо предстоит распутать этот клубок лжи и выяснить, кем же на самом деле был муж Риэ, почему он решил пойти на подлог и взять чужое имя... и где же настоящий Дайскэ?

КЭЙИТИРО ХИРАНО — один из самых выдающихся современных писателей Японии, лауреат престижных литературных премий Акутагавы и «Ёмиури».

По роману готовится экранизация, которая будет представлена на Венецианском кинофестивале — 2022.

«В романе Кэйитиро Хирено есть все атрибуты захватывающей детективной истории: мертвец, чье имя принадлежит кому-то другому, загадочные зашифрованные письма, адвокат, стремящийся раскрыть правду.

И при этом таинственная завязка отлично дополняет исследование самых глубоких вопросов идентичности и историю японской культуры».

Arts Desk

#незнакомец

